

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

СОЧИНЕНІЕ

Н. КОСТОМАРОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАПАДЕНІЕ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО НА ЛИВОНІЮ И ПАДЕНІЕ
ЛИВОНСКАГО ОРДЕНА.

2441

№ 25759.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1864.

ЛИБРОСНА РАДНОСТ

СЕРБИЈА

БЕОГРАД

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 апрѣля 1864 года.

Ест.

ТВО Нааматукор

1475

1864

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА.

Часть первая.

НАПАДЕНІЕ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО НА ЛИВОНІЮ И ПАДЕНІЕ
ЛИВОНСКАГО ОРДЕНА ¹⁾.

Успѣхъ распространенія Московскаго государства на востокѣ повлекъ московскую политику въ тѣхъ же видахъ на западъ, привычка къ расширенію предѣловъ московской земли, возникшая еще при Калитѣ, въ продолженіе двухъ вѣковъ счастливо удовлетворялась захватомъ сначала русскихъ земель, а потомъ огромнаго пространства восточнаго материка. Каждая удача возбуждала надежды и новыя стремленія. Превжнія историческія отношенія къ сосѣдямъ давали этимъ стремленіямъ поводы и поддержку. Собранныя московскими князьями, Россія какъ будто сознала свою историческую задачу раздѣливаться съ тѣми врагами, которые томилъ ее и дѣлалъ ей зло въ превжіе вѣка. Москва,

¹⁾ При составленіи первой части этого сочиненія авторъ пользовался слѣдующими источниками и пособиями:-

1. *Monumenta Livoniae antiquae. Sammlung von Chronicken, Berichten, Urkunden, und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-Ehst und Kurlaud's dienen.* I. Band: Thomae Hiörn's Ehst Lyf und Lettlaendische Geschichte. 1835.—II Band: Franz Nyestaedt's Livländische Chronick nebst dessen Handbuch herausgegeben von G. Tielemann:—IV Band: Riga's ältere Geschichte in Übersicht Urkunden und alten Aufzeichnungen zusammengestellt. 1844.—V. Die letzten Zeiten des Erzbisthums Riga, dargestellt in einer gleichzeitigen Chronick des Barthelomäus Grefenthal und in einer Sammlung der aufjene Zeiten begüglichen Urkunden. 1847:

захвативъ себѣ Новгородъ и Псковъ, наследовала отъ нихъ прежнія ихъ политическія отношенія, и усвоила себѣ право продолжать и оканчивать начатые ими дѣла и споры, возстановлять потерянное достояніе русскаго міра. Отъ этого какъ только Москвѣ посчастливилось на востокѣ, она обратилась на двухъ сосѣдей, имѣвшихъ нѣкогда столкновенія съ Новгородомъ и Псковомъ—на Швецію и Ливонію. Александръ Невскій, остановившій въ XIII вѣкѣ покушенія этихъ сосѣдей на независимость сѣверныхъ русскихъ общинъ, какъ будто завѣщалъ окончательное дѣло начатыхъ побѣдъ тому времени, когда Русь окрѣпнетъ и усилится. Недаромъ митрополитъ Макарій, привѣтствуя Іоанна послѣ казанскихъ побѣдъ, припомнилъ какъ Богъ пособилъ Александру Латынь побѣдить ¹⁾. При Іоаннѣ Русь какъ будто вспомнила XIII вѣкъ и покусилась расправиться съ нѣмецкимъ племенемъ за его древнее недоброжелательство. Дѣла со Швеціею и Ливоніею были возобновлены Москвою, принявшею ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдній разъ вели ихъ сѣверныя общины. Со Швеціею у Новгорода вражда притихла съ половины XIV вѣка. Вражда Ливоніи со Псковомъ неистово продолжалась до послѣднихъ временъ

2. *Scriptores rerum Livonicarum Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-Ehst-und Kurland. B. I—IV* (преимущественно же помѣщенные во второмъ томѣ современныя хроники: 1) *Chronica der Propintz Lyflandt dorch Balthasar Russowen Revaliensem. 1584*; 2) *Liflendliche-churlendiche Chronika was sich von Jahr Christi 1554 biss auff 1590 in den langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen, an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieflland wider dess lezten Herrn Meisters und Ersten in Lieflland zu Churland und Semigalln Hertzogen gedeneckwürdiges zugetragen* verfasst und gestellt durch Salomon Henninge im Jahr MDCCLIII.
3. *Bunge's Archiv für die Geschichte Liv-Ehst und-Curland mit Unterstützung der esthländischen lutheranischen Gesellschaft herausgegeben D. 1844.*
4. *Mitteilngen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-Ehst-und-Kurlands herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Russischen Ostsee-Provinzen. 1247—1858.*
5. *Bornhaupt Entwurf einer geogr. statist. hist. Beschreibung. Liv-Ehst-und-Kurlands. 1855.*
6. *Ziegenhorn's Staats-Recht von Curland (Beilagen).*
7. *Nene Zeitung so ein Erbarer Rath der Stadt Revel von der Botschaft des Königs auss Danemarck mündlich gefragt und angehöret wie alle*

¹⁾ Никои. летоп. VII. 174.

псковской независимости. О процессъ со Швеціею оставались охладѣвшія воспоминанія; процессъ съ Ливоніею еще не успѣлъ покрыться историческою плѣсенью. Сообразно этому, при Иванѣ Васильевичѣ дѣло со Швеціею началось и кончилось скоро; съ Ливоніею оно загорѣлось и превратилось въ свирѣпый пожаръ, стоившій русской землѣ многѣхъ потерь, которыя принудили ее отложить еще на долгое время окончательную развязку.

Состѣди чувши, что Московія возвышается имъ не на добро. Они предвидѣли, что древнія недоумѣнія оживятся. Пока Московія, выброшенная изъ семьи христіанскихъ цивилизованныхъ обществъ, справлялась съ своими восточными врагами, она не была опасна западу; но бѣда отъ Московіи казалась неизбежна, если эта Московія усвоитъ западные приемы политики и войны; а между тѣмъ склонность къ захвату, окрѣпшая въ расширеніи предѣловъ государства на востокъ, станетъ существомъ московской политики и московскихъ понятій: Московія возникла захватами,—правило, какими средствами государство основывается, такими и держится, прилагаться должно было и къ ней; истерія подтверждала вездѣ и всегда справедливость этого правила. Такъ

Sachen jetzt zwischen dem unchristlichen und blutdürstigen Tyrannen dem Grossfürsten in Moscau und in Tartern etc. 1561.

8. Sehr greuliche erschreckliche vor unerhörte wahrhaftige Neue was für grausame Tyranney der Moscowiter an den Gefangenen hinweggeführten Christen auss Lyflandt beides an Männern und Frauen, Sunckfrawen und kleinen Kindern begchet etc. 1561.
9. Kelch's Lifflandische Historia. 1695.
10. Richter's Geschichte der dem Russische Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen I—II. В. 1857—1858.
11. Rutenberg Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-Ehst-und-Kurlands. I—II. 1859.
12. Сказанія князя Курбскаго. 1—2. 1833.
13. Львова Лѣтописецъ русскій отъ пришествія Рюрика до кончины царя Ивана Васильевича. Томъ V. 1792.
14. Русская лѣтопись по Никонову списку. ч. VII.
15. Historica Russiae monumenta. T. I. 1842.
16. Supplementum ad Historica Russiae monumenta. 1848.
17. Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. MDCCCXLI.
18. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. Псковск. лѣт.
19. Карамзина Исторія Государства Россійскаго. Т. VIII.
20. Соловьева Исторія Россіи т. VI
21. Разные рукописные лѣтописцы и хронографы, находящіеся въ Археологической комиссіи.

— 4 —

смотрѣли на Московію сосѣди и въ видахъ самосохраненія они нежелали, чтобъ эта держава познакомилась съ плодами западнаго образованія; имъ казалось, она прежде всего должна была воспользоваться ими на зло тѣхъ, отъ которыхъ получить ихъ. При томъ же у нѣмцевъ въ отношеніи къ русскому міру образовались уже давно эгоистическія привычки. И Ливонія, и Ганза умышленно не допускали же сѣверныя общины до равенства съ собою въ цивилизаціи; нѣмцы издавна пренятствовали русскимъ знакомиться съ европейскою техникою; нѣмцамъ было выгодно держать Русь, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ. Что нѣмцы и шведы наблюдали въ старину по отношенію къ Новгороду и Пскову, то стали показывать теперь по отношенію къ московской державѣ. Отъ того Густавъ-Ваза, какъ только узналъ, что англичане открыли путь по сѣверному морю, къ Двинѣ, и стали привозить разные товары въ Московію, испугался и писалъ, что обогащеніе Россіи и ея возвышеніе будетъ пагубно сосѣдямъ ¹⁾.^{*} Объ этомъ знали въ Москвѣ. Пограничныя споры, и прежде очень частые, въ то время послужили поводомъ къ открытой враждѣ. Тогдашнія границы между Россією и Швецію, были опредѣлены еще въ XIV вѣкѣ. Рѣка Сестра была предѣломъ. Шведскіе пограничныя жители нарушили эту границу: косили сѣно на русскихъ земляхъ, пахали тамъ нивы и толковали, что границею должна служить не эта рѣка Сестра, а другая—Сестрія. Эти пограничныя недоразумѣнія выразились рядомъ взаимныхъ пограничныхъ пакостей. Русскіе нападали на нивы и села за рѣкою Сестрою, а Шведы на русскихъ поселянъ. Шведы посадили на колъ одного сына боярскаго; толпа шведскихъ удалцевъ раззоряла важскіе погосты и напала на монастырь св. Николая на Печенегѣ ²⁾ и такимъ образомъ коснулась святыни; а оскорбленіе святыни было уже достаточнымъ поводомъ къ войнѣ между государствами. Новгородскій вѣстникъ князь Дмитрій Палецкій по этому поводу отправилъ въ Стокгольмъ Никиту Кузьмина. Его сбчли тамъ шпиономъ и задержали ³⁾. За это Иванъ Васильевичъ приказалъ новгородскому воеводѣ князю Ногтеву дѣйстви-

¹⁾ Дал. III. 344. 351. 360.

²⁾ У Карамзина прим. 450, сс. на д. Шв. № 1. л. 1.—56.

³⁾ Дал. 354.

вать со шведами по-непріятельски. Новгородцы захватили вооруженною рукою мѣста, принадлежавшія шведамъ, или считаемыя ими за свои. Шведы новгородцевъ разбили. Успѣхъ этотъ одобрилъ шведское правительство. Въ сентябрѣ 1555 года адмиралъ Якобъ Багге вызвался предъ Густавомъ взять Орѣшекъ ¹⁾. Изъ Выборга отправились шведы двумя путями: по сухопутью пошли конные и пѣшіе, а по Невѣ поплыли воины на судахъ. Такъ осадили они Орѣшекъ, и держали его въ осадѣ три недѣли. Московскимъ воеводою былъ какой-то Петръ. Пока ратные люди, сидѣвшіе въ Орѣшкѣ, держались въ осадѣ и отбивались отъ шведовъ, московское войско подъ начальствомъ князя Ногтева, Шереметьева и Плещева подошло на выручку Орѣшка и ударило на осаждавшихъ; шведы дали отпоръ: передовой полкъ русскій не устоялъ. Битва кончилась тѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ пало человекъ по пяти или по шести ²⁾. Въ декабрѣ царь снарядилъ большое войско подъ главнымъ начальствомъ князя Петра Михайловича Шенятева; въ войскѣ должны были находиться и новоприсоединенные астраханскіе татары со своимъ царевичемъ Кайбулою Ахкубековичемъ. Но прежде открытія дѣйствій царь велѣлъ новгородскому воеводѣ Дмитрію Налецкому написать въ Выборгъ грамоту на имя короля: въ этой грамотѣ предлагалось королю, пусть онъ либо самъ прибудетъ на рубежъ, либо пришлетъ лучшихъ людей своихъ, и тѣ приведутъ бы виноватыхъ, которые затѣяли раздоръ, а русскіе бояре приведутъ тѣхъ русскихъ, которые окажутся виноватыми въ нарушеніи мира. Срокъ назначался на праздникъ Рождества ³⁾. Шведскій король искалъ тогда помощи у ливонскаго ордена. Но тогда въ самой Ливоніи происходили внутреннія смуты ⁴⁾. На собраніи городовъ въ Вольмарѣ посланникъ короля Густава представлялъ, что если Ливонія ему не поможетъ, то онъ долженъ будетъ уступить Москвѣ и это отразится пагубно на Ливоніи. Узнаютъ

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Никон. лѣтп. 249.

³⁾ Если, писалъ намѣстникъ—гы король Густавъ не прибудешь и бояръ своихъ не пришлешь, то кровь старыхъ и молодыхъ проліется отъ тебя Густава короля и твоихъ державцевъ, а не отъ нашего справедливаго государя, ни такъ отъ насъ намѣстниковъ его... (Никон. лѣт. 253).

⁴⁾ Grefenthal. Mon. Liv. V. 116.

ливонцы, что значить допустить Москвѣ усиляться, да уже поздно будетъ. Ревельскій синдикъ Клодтъ сильно держалъ тогда сторону короля. Однако дѣло покончилось въ Ливоніи для него неблагоприятно. Нѣстеть ¹⁾ говоритъ, что ему просто отказали. По извѣстію другаго современника ²⁾, ливонцы дали общаіе шведскому королю помогать противъ московитянъ, но не сдержали общаія. Шведскій король введенный въ обманъ ливонцами, началъ войну и понесъ потери, потому что ливонцы его обманули. Надежда на Ливонію и была причиною, что Швеція дала московскому правительству неуступчивый отвѣтъ. Выборгскій намѣстникъ отписалъ на письмо новгородскаго намѣстника, что Багге напалъ на Орѣшекъ своевольно; при этомъ онъ замѣтилъ, что русскіе воеводы отъ него дрогнули. Про съѣздъ онъ не упомянулъ ничего. Такой отвѣтъ показалъ русскимъ, что шведы не думаютъ уступать и намѣрены вступить въ войну. Воеводы русскіе были вправѣ идти съ оружіемъ въ шведскую землю. Они пошли на Выборгъ. На дорогѣ они послали отрядъ къ городку Кинодени: шведы сами сожгли этотъ городокъ и ушли; русскіе за ушедшими отправили погоню и пошли на Выборгъ; черезъ какое живое мѣсто они ни проходили, то мѣсто сожигали. Внезапно застигнутые жители разбѣжались; только уже подъ самымъ Выборгомъ, за пять верстъ отъ города, напалъ на русскихъ шведскій отрядъ; сначала, неожиданно ударивши на передовой полкъ, смяли было русскихъ, но сейчасъ же русскіе поправились, сами шведы понялись и стали въ оборонительное положеніе между скалами. Тутъ царевичъ астраханскій Кайбула прижалъ ихъ со своими татарами, а Иванъ Борисовичъ Шереметьевъ зашелъ имъ сзади отъ города Выборга и ударилъ на нихъ. Шведы, стѣсненные съ двухъ сторонъ, были разбиты и разбѣжались. Русскіе гнали за ними до самаго Выборга и много наловили въ плѣнъ королевскихъ дворянъ. Послѣ того все русское войско стало около Выборга и начало стрѣлять по городу. Три дни шла стрѣльба; на четвертый русскіе услышали, что изъ Стокгольма отправлены противъ нихъ войска, и уже приближаются къ Выборгу. Воеводы, впору узнавши объ этомъ, от-

¹⁾ Monum. Liv. II. 42.

²⁾ Grefenthal ibid.

правили на встрѣчу шведскимъ силамъ отрядъ. За сто верстъ отъ Выборга, при Латрецкомъ озерѣ, русскіе начали на шведовъ въ распахъ, — шведы не предполагали встрѣтить непріятеля. Русскіе ихъ разбили. Побѣдители распустили свои отряды по окрестностямъ: они разоряли край по обѣимъ сторонамъ рѣки Воксы. Этимъ однако русскіе, подорвали свои силы, и тѣ, которые продолжали стоять подъ Выборгомъ, не могли взять города. Только и могли удовольствоваться русскіе военачальники тѣмъ, что русскіе и татары, бѣгая во все стороны, ловили плѣнныхъ и приводили ихъ въ лагерь. Было ихъ такое изобиліе, что мужчину продавали по гривнѣ, а дѣвку по пяти алтынѣ. Успѣхъ войны измѣрялся вредомъ, какой причинить войско непріятельской землѣ: отъ этого русскіе хоть Выборга не взяли, а все-таки считали себя побѣдителями, потому что много надѣлали пакостей въ шведской землѣ. Иванъ Васильевичъ прислалъ въ Новгородъ своего дядю, боярина Михаила Васильевича Глинскаго; тотъ написалъ шведскому королю надменное письмо. Московскій царь принималъ тонъ побѣдителя съ побѣжденнымъ. Послѣдовалъ отвѣтъ, что король пришлетъ пословъ для переговоровъ, а русскій царь пусть дастъ имъ на проѣздъ опасную грамоту. Грамоту опасную послали. Сначала прскакалъ изъ Швеціи предварительный гонецъ съ извѣстіемъ, что скоро послы будутъ. Обращеніе съ нимъ въ Москвѣ показывало, что царь о своихъ успѣхахъ возымѣлъ высокое мнѣніе. На предложеніе Густава онъ смотрѣлъ не такъ, какъ на сношеніе съ собою равнаго лица, а какъ на челобитье; поэтому свое согласіе оставить прежній рубежъ земель между русскими и шведскими владѣніями приписывалъ своей милости и справедливости. «Новгородцы, говорили онъ въ своей грамотѣ, — желали идти на Або и на Стекольную, и мы ихъ удержали, не желая кровопролитія. Отчего король не хотѣлъ сноситься съ новгородскими воеводами? Пусть спроситъ король купцевъ своихъ, чай знаютъ новгородскіе пригороды: Псковъ, Устюгъ и Двинская земля сколькимъ больше Стекольны»¹⁾. Велѣдъ за тѣмъ прибыли обѣщанные гонцемъ большіе послы (архіепископъ унсальскій, епископъ абовскій и два государственныхъ сановника). При переговорахъ съ ними бояре,

¹⁾ Шведск. Д. Арх. иностр. дѣлъ. № 1, № 18, 34, 49.

говоря отъ имени своего царя, унижали короля Густава. Они нарочно дѣлали сравненія королевскаго рода съ знатыми людьми въ московской землѣ и отдавали послѣднимъ преимущество ¹⁾. Съ утвержденіемъ едновластия возвышалось значеніе государя; но вмѣстѣ съ тѣмъ поглощенные Москвою русскія и инородныя земли передавали ей потомковъ своихъ прежнихъ правителей: потерявши власть, какую имѣли предки, потомки тщеславились однако воспоминаніями о нихъ и, сдѣлавшись слугами Московскаго государства, цѣбрили важностію происхожденія свое мѣсто въ службѣ московскому престолу.

Ливонія, страна слабая съ открытыми отъ Россіи границами, гораздо болѣе Швеціи имѣла поводовъ страшиться возвышенія Московія. Еще въ 1539 году епископъ дерптскій сослалъ *невѣдомо куды* пушечнаго мастера за то, что тотъ хотѣлъ ѣхать въ Москву служить царю ²⁾. Подобное опасеніе высказалось еще рѣзче дѣломъ Іоанна Шлнтта въ 1549 году, дѣломъ, которое припомнило Ливоніи московское правительство современемъ. Разсказываютъ объ этомъ согласно ливонскіе историки Геннингъ и Грегенталь ³⁾. Служа у великаго князя московскаго, этотъ человекъ, саксонецъ по происхожденію, взялся доставить въ Московію на службу разныхъ полезныхъ людей изъ Германіи: художниковъ, ремесленниковъ и особенно знающихъ военное искусство. Императоръ Карлъ V-й принялъ его ласково и позволилъ ему въ Германіи набирать желающихъ ѣхать въ Россію. Тутъ была между прочимъ и задняя цѣль — водворить католичество въ Россіи; уже объ отцѣ Ивана Грознаго было на западѣ такое мнѣніе, будто бы онъ былъ склоненъ признать папское главенство и со

¹⁾ Князь Федоръ Данровичъ и то Ибраима царя казанскаго внукъ, а князь Михаилъ Кисло и князь Михаилъ Горбатой и то суздальскіе князья отъ корени государей русскихъ, князь Юрьи Михайловичъ Булгаковъ и то королю литовскому братъ въ четвертомъ колѣнѣ, а нынѣ князь Михаилъ Васильевичъ Глинскій и то былъ недавно, князя Михаила Львовича въ нѣмецкихъ земляхъ знали многіе, а Олексѣй Даниловичъ Плещеевъ и то извѣстные государевы бояре родовъ за тридцать и болѣе... а про государя вашего, въ розсудъ вамъ скажемъ, а не въ укорь, котораго онъ роду и какъ животиною торговалъ и въ Свейскую землю пришедь, то не давно ся дѣяло и всѣмъ вѣдомо».

²⁾ Акты Истор. I. 204.

(Gref. mon. Liv V. 38. Henn. Script. rer. Liv. 213—214.

единиться съ западною церковью. Паспортъ, данный Гансу Шлитту, выражался такъ: «мы благоволиа и дозволили упомянутому Гансу Шлитту, по силѣ этого писанія, во всей нашей имперіи и во всѣхъ нашихъ наслѣдственныхъ княжествахъ, земляхъ и волостяхъ искать и приглашать разныхъ лицъ, какъ-то: докторовъ, магистровъ всѣхъ свободныхъ искусствъ, литейщиковъ, мастеровъ горнаго дѣла, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, матросовъ, плотниковъ, каменщиковъ, особенно же умѣющихъ красиво строить церкви, копачей колодцевъ, бумажныхъ мастеровъ и лекарей и заключать съ ними условія для поѣздки къ великому князю русскому ни отъ кого невозбранно, во уваженіе къ просьбамъ, обращеннымъ къ намъ и къ нашимъ предшественникамъ отцемъ нынѣшняго великаго князя—блаженной памяти великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ и нынѣшнимъ великимъ княземъ. Сверхъ того, дозволяемъ это и потому, что намъ подлинно извѣстно, что какъ отецъ, бывшій великій князь, желалъ, такъ и сынъ, настоящій великій князь, желаетъ покориться латинской церкви. Но право это дается нами съ тѣмъ, чтобъ Гансъ Шлиттъ, подъ видомъ доставки набранныхъ людей въ Россію, не обратился съ ними въ Турцію, Татарію и вообще въ какую-нибудь невѣрную землю, дабы невѣрные не научились искусствамъ и не употребляли бы ихъ противъ насъ.» Гіарнъ ¹⁾ говоритъ, что Шлиттъ отъ имени царя обѣщалъ войну съ турками: царь дастъ для того субсидіи на двадцать лѣтъ и употребитъ на военныя издержки пошрины и нѣкоторые въ своемъ государствѣ доходы. Императоръ видѣлся съ Шлиттомъ въ Аугсбургѣ и тамъ 31-го января 1548 года далъ ему позволеніе. Шлиттъ собралъ по извѣстіямъ ливонскихъ историковъ триста разныхъ художниковъ ²⁾, а по бумагамъ кенигсбергскаго архива сто двадцать три (что справедливо) ³⁾ постройщиковъ церквей и крѣпостей, оружейныхъ мастеровъ, литейщиковъ, живописцевъ, ваятелей и другихъ ремесленниковъ, да четырехъ богослововъ; о послѣднихъ предполагалось, что они должны были научать великаго князя и его бояръ латинской вѣрѣ и богослуженію. Съ ними онъ при-

¹⁾ Monum. ant. Liv. I. 202.

²⁾ Hiern. Monum. ant. Liv. I. 203—Zadehusch. Livl. jahrh. I. 389.

³⁾ Карамз. VIII. прим. 206.

былъ въ Любекѣ. Тутъ, по наущенію ливонцевъ, его задержали, а ливонскіе города послали къ императору представленіе о томъ, какъ опасно допускать въ Московію ученыхъ людей. Изъ грамоты императора Карла V-го ¹⁾ видно, что любечане его задержали подъ предлогомъ стараго долга, сдѣланнаго имъ еще прежде своего предпріятія; его держали въ тюрьмѣ два года, не смотря на то, что сами кредиторы соглашались его отпустить; онъ убѣждалъ изъ тюрьмы, но его догнали въ городѣ Расеборгѣ и опять хотѣли посадить въ тюрьму; однако на этотъ разъ онъ представилъ за себя поруку. — его обязали явиться къ суду. Императоръ не одобрялъ поступка любечанъ и подтверждалъ Шлитту право свободно ѣхать далѣе, особенно въ томъ вниманіи, что великій князь московскій нуждается въ ученыхъ людяхъ, какъ для утвержденія истинной вѣры, такъ и для защиты своего государства отъ невѣрныхъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе Шлиттъ все-таки не достигъ цѣли. Пришлось ему проѣзжать черезъ Ливонію. Рыцари вмѣстѣ съ Совѣтами городовъ задержали его снова и отправили къ императору просьбу упразднить дарованное Шлитту позволеніе во вниманіе къ опасности, которая грозитъ всему христіанству. На этотъ разъ доводы ихъ у императора были уважены, — повелѣваемъ такого рода декретъ къ гермейстеру ордена: «снмъ повелѣваемъ твоему благочестію, не взирая ни на какіе наши паспорта, не пропускать никого ѣдущаго изъ нашей священной имперіи въ Москву и другія земли и націи, и задерживать всякаго, кто станетъ туда проникать съ нашими паспортами, а равнымъ образомъ и Ганса Шлитта со всѣми его бумагами, которыя онъ взялъ отъ насъ, о чемъ извѣститъ насъ или, въ случаѣ отсутствія нашего, нашего любезнаго брата, и дожидаться нашего о томъ рѣшенія». Лукавое намѣреніе москвитянъ распалось въ прахъ, говоритъ Гіарнъ. По извѣстію, сохранившемуся у Грефенталя, одинъ изъ мастеровъ, которыхъ везъ Шлиттъ, мастеръ Гансъ, пушечный мастеръ, съ паспортомъ, написан-

¹⁾ Въ Hist. Russ. Mon. I. 135—136.

²⁾ Illustrissima celsitudo sua non solum doctis verum etiam omnis generis rerumque expertis hominibus tam ad instituendam orthodoxam religionem, quam eandem adversus incredulos Scythas, Turcas aliosque christiani nominis hostes dependendam atque ita reinendam opus habeat,

вымъ по-нѣмецки и по-русски, хотѣлъ послѣ этого пробраться въ Россію въ 1551 году, но въ городкѣ Шваненборгѣ посаженъ въ тюрьму. Ему удалось убѣжать изъ тюрьмы; однако шваненборгскій гауптманъ Маркъ Гренталенъ далъ знать по почтѣ въ пограничный городокъ Маріенбургъ тамошнему амтману Іоанну Бутлеру. Гансъ схваченъ за двѣ мпю до русской границы, возвращенъ назадъ въ Шваненборгъ и тамъ ему огрубилъ голову. У него нашли теорію его искусства, которая оказалась плоха и никуда негодна.

Послѣ такихъ причинъ неравнорвенія къ Ливоніи, нужно было только предлогъ, чтобъ начать войну. Онъ скоро и представился. Въ 1550 году было отправлено въ Москву посольство отъ дерптскаго епископа. Поводомъ къ нему было то, что пятидесятилѣтнее перемиріе, заключенное когда-то съ Московіей гермейстеромъ ливонскаго ордена Плеттенбергомъ, истекло: дерптскій епископъ послалъ просить продолженія. Царь согласился продолжить перемиріе на пять лѣтъ и жаловался, что ливонцы—протестанты, обращаясь неуважительно съ католическими церквями, разоряли и русскія церкви, находившіяся въ земляхъ ордена. Царь требовалъ, чтобъ всѣ разрушенныя церкви были непременно возстановлены, чтобы православнымъ людямъ было предоставлено свободное отправленіе религіи, чтобъ ливонскій орденъ не препятствовалъ свободному обращенію Московіи съ европейскими странами по торговлѣ и ремесламъ. Сверхъ того замѣтили въ Москвѣ, что дерптское епископство изстари платило великимъ князьямъ дань во Псковѣ и слѣдуетъ продолжать этотъ старый обычай¹⁾.

Послѣ того пять лѣтъ минуло. Епископъ дерптскій Іодекъ фонъ-Реке, посылавшій къ Іоанну въ 1550 году, удалился изъ Ливоніи. Онъ былъ человекъ благоразумный и практическій;—онъ сообразилъ, что возрастающее Московское государство скоро накинется на Ливонію, а въ Ливоніи средства самозащиты становились все слабѣе, да слабѣе:—онъ разсудилъ, что лучше всего самому воспользоваться чѣмъ можно, и убѣжать отъ зла. Онъ былъ вестфалець. Ливонія было ему чужая. Онъ заложилъ епископскія имѣнія, собралъ порядочную сумму денегъ и ушелъ

¹⁾ Grefenth. 113.

въ свою Вестфалію. Онъ первый показалъ примѣръ другимъ; увидимъ, что ему послѣдуютъ и другіе сановники въ Ливоніи. Одинъ современникъ, вспоминая этотъ поступокъ дерптскаго епископа, говоритъ въ своемъ сатирическомъ стихотвореніи: «ваши деньги пошли въ Вестфалію по-суху и по водѣ; тамъ имъ было привольнѣе, чѣмъ дома. Тамъ господа наши построили себѣ богатые дома, крытые черепицами; а прежде у нихъ въ нашей землѣ были дома, крытые соломой. Вестфалія обогатилась, а Ливонія погибла».—На мѣсто ~~его~~ поступилъ другой такой-же иноземецъ изъ монастыря Фалькенау — аббатъ Германъ фонъ Везель. По извѣстію Гиарна, это былъ человѣкъ ограниченный, безхарактерный, такой человѣкъ, при которомъ всякій изъ окружавшихъ его могъ дѣлать, что хотѣлъ ¹⁾. А между тѣмъ московскій государь уже и Казань nokорилъ, и Астрахань, и шведовъ проучилъ; только за Ливоніею была очередь. Ливонія поступкомъ со Шлиттомъ показала, какъ она исполняетъ тѣ условія, которыя царь предложилъ для сохраненія мира. Пятилѣтняя отерочка окончивалась. 6-го января 1554 года, на земскомъ сеймѣ въ Вольмарѣ епископъ и гермейстеръ порѣшили послать въ Москву посольство ²⁾. Предварительно были отправлены два гонца спросить: примутъ ли посольство? Однимъ изъ гонцовъ былъ историкъ Шестеть. «Мы пробыли семь недѣль въ Москвѣ, говоритъ онъ; насъ прекрасно угощали и благополучно отпустили назадъ въ Ливонію» ³⁾. За ними поѣхали въ Москву настоящіе послы. Отъ гермейстера поѣхалъ Юганъ Бокгореть да Отто Гротгузень; отъ дерптскаго епископа Вальтеръ Врангель да Дидрихъ Каферъ. Ёдучи по дорогѣ къ цареной столицѣ, нѣмцы замѣтили, что въ Московской землѣ что-то готовится и замыслы московской политики обращаются на западъ. На каждахъ четырехъ или пяти миляхъ видѣли они недавно отстроенные ямскіе дворы съ огромными помѣщеніями для лошадей; еще болѣе озадачили ихъ цѣлые обозы саней, тянувшихъ къ западной границѣ; на саняхъ везли ирвантъ, порохъ, свинець.

Они пріѣхали въ Москву въ маѣ 1554 года. Ихъ приняла

¹⁾ Monim. ant. Livon. I. 205.

²⁾ Hiarn. 205.

³⁾ Mon. liv. II. 43.

ласково. Царь поручилъ вести съ ними переговоры Адашеву и дьяку Михаилу ¹⁾. На этихъ переговорахъ послы предложили возобновить перемирие еще на пятьдесятъ лѣтъ москвичи именемъ царя своего сказали, что миръ можетъ состояться только тогда, когда царю выслать должную дань. Послы изумились и сказали, что ни о какой дани никогда прежде не было рѣчи. «Ливонская земля, сказали имъ,—извѣчная отчина великихъ князей и ливонцы должны платить дань». «Ливонія никогда не была покорена русскими», сказали нѣмцы,—«дань можно брать только побѣдителямъ съ побѣжденныхъ, а извѣстно, что Ливонцы въ прежнія времена вели большія войны съ русскими и миръ заключали, слѣдовательно были независимы отъ русскихъ, и въ прежнихъ мирныхъ условіяхъ никогда не поминалось о дани» ²⁾. Тогда бояре показали имъ договоръ съ Плеттенбергомъ и говорили: «по прежнимъ нашимъ крестнымъ цѣлованіямъ постановлено было платить дань великому государю нашему; до сихъ поръ государь по своему долготерпѣнію не требовалъ ее; а какъ ня гермейстеръ, ни всѣ ливонцы знать не хотятъ объ ней, — такъ теперь государь не станетъ постановлять мира, пока вы не исполните крестнаго цѣлованія вашего и не выслать дани за всѣ тѣ годы, въ которые вы ее не платили». Послы были такъ поражены этой неожиданностію, что, по выраженію современника, не знали, что имъ отвѣчать и только могли сказать: «мы въ старыхъ нашихъ писаніяхъ не находили, чтобъ великому князю платилась дань, и просимъ, чтобъ все оставалось по прежнему, а перемирие продолжимъ».

«Чудно вы говорите, отвѣчали имъ,—неужели вы не знаете, что ваши праотцы пришли изъ-за моря въ Ливонію и заняли эту землю силою, и много крови за нее проливалось, и не хотѣя большаго кровопролитія, прародители великаго государя дозволили имъ на многіе вѣка жить въ Ливоніи съ тѣмъ, чтобъ они за то платили исправно дань? Предки ваши на своемъ обѣщаніи были неисправны и не дѣлали того, что слѣдовало; теперь же вы должны представить полную дань за прежніе годы, а если не дадите охотою, то государь возьметъ силою».

¹⁾ Никон. лѣт. 215.

²⁾ Russ. 47.

Послы стали божиться, что не знаютъ, въ чемъ состояла эта дань.

— Такъ-то, сказали имъ,—вы помните и соблюдаете то, что сами написали и своими печатями запечатали! Цѣлые сто лѣтъ и больше вы и не подумали объ этомъ и не постарались, чтобъ потомки ваши съ ихъ дѣтьми жили спокойно! Если-же вы теперь вовсе этого не знаете, то мы вамъ скажемъ, что съ каждаго ливонскаго человѣка каждый годъ надобно платить по гривнѣ московской, или по десяти денегъ.

Послы потребовали, чтобъ имъ доказали по бумагамъ и по актамъ съ печатями, дѣйствительно-ли въ древности была платима дань ¹⁾.

Бояре увѣряли, что въ бумагахъ и актахъ дѣйствительно значится, что дерптское епископство платило дань, но именно въ какомъ размѣрѣ, этого не могли ясно указать ²⁾. У нословъ, говоритъ Ніестетъ ³⁾, чуть глаза изъ лба не выскочили; у нихъ не было на счетъ этого вопроса никакого наказа; нельзя было имъ просить и о сбавкѣ количества требуемой дани; тогда значило бы, что они признаютъ за Московіею право получать какую-то дань. Они могли сказать, только такъ: мы не получили никакого наказа при нашемъ отправленіи; власти наши не поручали намъ объ этомъ переговориться съ великимъ княземъ.

Они просили отсрочить этотъ вопросъ, пока получатъ о томъ болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія.

Но съ Московской стороны не поддались на такую увертку. Что это? сказали имъ бояре отъ лица царя и великаго князя,—или вы считаете насъ дѣтьми, что такъ говорите? Вы знаете хорошо все дѣло и должны увѣрить насъ, что дань будетъ заплачена черезъ два года, по приговору мастера и епископа. А чтобъ вы не отвѣчали предъ ними, если они не согласятся, то великій государь пошлетъ своихъ пословъ съ грамотами; пусть мастеръ и епископъ отрѣжутъ тѣ печати, которыя вы приложили къ договору, а вмѣсто ихъ привѣсятъ свои.

Тогда послы разсудили, что съ такимъ условіемъ они мо-

¹⁾ Russ 48.

²⁾ *ibid.*

³⁾ Monum. Liv II, 44.

гутъ избавиться отъ отвѣтственности предъ своими и согласились. Царь приказалъ новгородскому намѣстнику Дмитрію Федоровичу закончить съ ними договоръ.

Кромѣ вопроса о дани, возбудило тогда и другіе русское правительство. Во время введенія реформаціи въ Ливоніи, какъ было упомянуто, фанатики протестантскіе пропагандисты, по своему обычаю, разрушая римско католическую святыню церквей, не пощадил и русскихъ. Такимъ образомъ въ Дерптѣ, Ригѣ и Ревель разрушены были русскія церкви, содержимыя для торговцевъ, пріѣзжавшихъ туда ¹⁾. Это оскорбленіе святыни подавало русскому государю благовидный предлогъ вступить за религію своего народа. Кромѣ того были недоразумѣнія между нѣмцами и русскими торговцами изъ Новгорода и Пскова. Русское правительство выставило тогда на видъ посламъ все, къ чему могло придаться и составило перемирный договоръ, какъ можно выгодно для Россіи, и при томъ въ такомъ смыслѣ, что Ливонія уже представлялась страной, зависимой до извѣстной степени отъ верховной власти царя. Послы, утѣшая себя оговоркою, что договоръ будетъ имѣть силу только тогда, когда уполномочившія ихъ власти привѣсятъ къ нему свои печати, ничему не противорѣчили. Относительно дани постановлено только объ одномъ Дерптѣ съ его волостью, что епископъ въ продолженіе трехъ лѣтъ соберетъ дань по нѣмецкой гривнѣ съ двора за всѣ недоимочные годы и впредь будетъ платить постоянно, каждый годъ ²⁾,

¹⁾ «Habebat id temporis Magnus Moscoviae dux Dorpati, Rigas et Rivaliae templum, ubi Moscoviticae gentis negotiatores diebus dominicis, suo more, cultum divinum peragere consueverant. Non tulit luterana factio ut Ruthenarum et Moscovitarum templum illaesus evaderet sed in eodem fervore in uno furore in illud se proripiunt et pene a fundamentis universam aeditiae molem subversunt.» (Bredemb. 7.)

(a) «und wath deme lofw Key. undt grothf. tw. Wasiliew. alier Russen synen Tinnss van Dorpt und olde acht terstendige uth aller dorptischen beholdinge van islickem hove de eyne gützchetmargek, hefft upgelecht up des Bischops sele, des schall de Bischof undersocken den Tinnss ut aller siner holdinge edder wath van oldings gewesen iss, und schall dan lofw. Key. thoschicken in dem drüdden iare diesses fredes, und voruth schall de Bisschop densulvigen tinnss geven alle jar ane vortoch na dem olden und na der Crutzküssinge und so de Bischop den Tinnss nicht worde undersoken so schall de meister tho lyfflant Ertzbischop und ander Biss. und gantz lifflandt na dissem fredebreve und na der Crutzküssinge Densulvigen Tinnss sulven undersocken Mou. V. 510.

а въ случаѣ оный этого не исполнить, то гермейстеръ, архі-епископъ рижскій, всѣ епископы и весь орденъ должны принять на себя обязанность взысканія дани и отсылки къ царю. Русскимъ гостямъ предоставляется свободная торговля; товары ихъ не слѣдовало цѣнить (schätzen) и брать съ нихъ пошлинъ исключая пошлины съ вѣса; такимъ образомъ не слѣдовало крѣпко сжимать воскъ, чтобъ не уменьшить вѣса; русскіе купцы имѣли право нанимать фурмановъ и возить товары въ Ливонію, и съ нихъ не слѣдовало брать пошлинъ за проѣздъ, равно не слѣдовало воспрепятствовать русскому ѣздить по какому угодно пути и не ставить ему въ вину, если оный своротитъ съ дороги; надлежало русскія церкви въ Ливоніи возстановить; русскій конецъ въ Дерптѣ и земли, принадлежащія церквамъ, отдать гостямъ новгородскимъ и псковскимъ. Ливонія обязана была пропускать въ Россію и изъ Россіи всѣхъ иностранцевъ, ѣдущихъ по дѣламъ въ Москву и на службу къ московскому государю, и нѣмецкіе чиновники не должны съ нихъ брать никакихъ пошлинъ за проѣздъ. Равнобѣрно дозволялся нѣмецкимъ купцамъ и посламъ въѣздъ въ земли новгородскую и псковскую; въ случаѣ споровъ и недоразумѣній не слѣдовало арестовать и грабить произвольно торговцевъ; надлежало вести ихъ на судъ предъ выборныхъ съ обѣихъ сторонъ судей, которые имѣли бы свои засѣданія на пограничныхъ пунктахъ — въ Ивангородѣ и Нарвѣ. По договору Ливонцы обязывались не еноситься съ польскимъ королемъ и литовскимъ великимъ княземъ ¹⁾. Вотъ это-то послѣднее условіе уже ставило Ливонію въ вассальное отношеніе къ царю, уже подрывало ея независимость.

Послы, согласившись, были отпущены въ Новгородъ и тамъ заключили подробный договоръ на такихъ точно основаніяхъ съ намѣстникомъ новгородскимъ, княземъ Дмитріемъ Федоровичемъ Палецкимъ; съ нимъ участвовали и печати свои приложили: псковской намѣстникъ, бояре новгородскіе и купеческіе старосты (Алексѣй Дмитріевичъ Зыковъ и Иванъ Вурзуновъ).

Перемирие заключено на пятнадцать лѣтъ. Послы приложили руки и привѣсили печати, повторяя свою оговорку, что договоръ

¹⁾ ...«To dem koninge van palen und grof. tho lettowen nicht schall tho treden mitth keynerley sacker.... 509.

получить силу тогда, когда вмѣсто ихъ приложить руки и привѣять печати мейстеръ ливонскій, архіепископъ рижскій и епископъ дерптскій ¹⁾).

Такой рѣшительный тонъ московское правительство приняло въ отношеніи къ Ливоніи именно потому, что знало, какъ мало способна была эта страна защищать себя. Ливонскій лѣтописецъ, Руссовъ, описываетъ тогдашнее ливонское общество извѣженнымъ и растлѣннымъ. Правда, въ глазахъ суроваго протестанта принимаетъ предосудительное значеніе вообще веселость нравовъ; онъ ставитъ жителямъ въ вину то, что они были охотники до пировъ, танцевъ и увеселеній.

Но вмѣстѣ съ этимъ неразлучна была лѣнь, которая обезсиливала общество и зараждала въ немъ гнилость и разложеніе. Между высшимъ классомъ и простымъ народомъ была ни чѣмъ ненаполняемая бездна. Владѣльцы — пришельцы въ Ливонской землѣ, нѣмцы по происхожденію, господа и порабитители, — поселяне — туземцы порабощенные, забитые, безсильные и покорные дворянству, но въ душѣ питавшіе къ нему закоренѣлую ненависть. Они не только не имѣли побужденія защищать его, но всегда были готовы промѣнять однихъ господъ на другихъ, когда бы явились эти другіе господа съ претензіею замѣнить надъ народомъ власть прежнихъ нѣмцевъ. Въ рыцаряхъ угасъ уже воинственный фанатизмъ; гражданскій смыслъ не замѣнилъ его, — ему не откуда было развиться; общество ливонское и въ самомъ зародышѣ построено было не на гражданской почвѣ. Всегда почти съ военнымъ сословіемъ бываетъ такая судьба: коль скоро воинственный духъ въ немъ угасаетъ, оно рѣдко организуется само собою въ гражданское, а скорѣе разлагается; эгонистическія побужденія личностей берутъ въ немъ верхъ надъ сознаніемъ общаго добра. Рыцари потеряли прежнее призваніе распространять вѣру; уже въ продолженіе полуторыхъ столѣтій не было рѣчи ни о войнѣ съ невѣрными, ни о проповѣди вѣры посредствомъ священнаго меча. Насильно поработивши крещенныхъ ливовъ, эстовъ и латышей, рыцари и духовныя власти стали себѣ жить-поживать привольно, роскошно, на счетъ трудовъ побѣжденныхъ, получали съ своихъ земель хорошіе доходы; даро-

¹⁾ Mon. liv V. 315.

вой трудъ облегчалъ имъ издержки. Города процвѣтали, потому что управляли торговлею съвера и обращали въ свою выгоду торговлю съ русскими. Духовенство мало могло имѣть гражданской привязанности къ краю. Высшіе духовные сановники были по большей части урожденцы Германіи и пріѣзжали на свои епископства, какъ на временную должность, а потому и думали единственно о томъ, чтобъ хорошо пожить и уѣхать назадъ, на родину, когда надобеть имъ въ Ливоніи. Вообще и дворянинъ, и духовный въ Ливоніи, нѣмцы по происхожденію, чувствовали каждый отдѣльное свое существованіе болѣе, чѣмъ гражданскую связь другъ съ другомъ. Народъ былъ покоренъ; опасности внѣшнія не угрожали имъ, а потому потребность взаимной защиты не соединяла ихъ. Всемъ легко доставались способы хорошей жизни и мало было поводовъ держаться другъ друга: всякому можно было жить для себя, въ свое удовольствіе. Развращеніе и извѣженность нравовъ естественно должны были водвориться тамъ, гдѣ рыцари-господа земли Ливонской по древнему обычу должны были оставаться неженатыми: при ослабленіи прежняго фанатизма, эта безженность должна было переродиться въ развратъ; за неизмѣннѣе жень, рыцари держали любовницъ, мѣняли ихъ, бросали по вдохновенію ¹⁾. Епископъ или прелатъ свою любовницу, — когда она ему надобѣла, — пристроивалъ за какого-нибудь бѣдняка, и давалъ за нею въ приданое мельницу или кусокъ земли: такихъ охотниковъ находилось всегда много; самъ-же пастырь душъ бралъ себѣ свѣжую. Примѣръ дворянъ и пастырей, по сказанію ливонскаго историка, дѣйствовалъ заразительно и на городской классъ; семейныя связи считались ни во-что; казалось ни почемъ бросить жену или передать другому; многіе изъ горожанъ не стѣсняли себя брачными узами, а держали открыто любовницъ, оставляли ихъ, брали другихъ; по множеству незаконныхъ дѣтей, терялось различіе между законнымъ и незаконнымъ рожденіемъ. Иные не держали и любовницъ, а довольствовались обществомъ женщинъ веселаго поведенія; а такихъ было большое изобиліе (Meyerschen und

¹⁾ ...«van eren concubijnen aerst ys nichts thoeseggende, denn dat was under en keine schande wenn eine concubine eine tydtlanck by sick gehat, hebben se de beraten, unde eine ander frissche wedder thogelecht» (Russow. 39).

Modtgeurschen). Долгий миръ, непрерываемый въ Ливоніи съ Валтера Плеттенберга пятьдесятъ лѣтъ, отучилъ цѣлое поколѣніе отъ опасностей войны, отъ необходимости взаимной защиты, отъ важныхъ общественныхъ цѣлей. Пока еще католицизмъ былъ живѣе, онъ кое-какъ скрѣплялъ разнообразное общество, наплывшее въ чужую страну изъ Германіи. Но проникло туда протестантство и ускорило разложеніе этого общества. Почва для протестантства здѣсь была какъ нельзя болѣе приготовлена. Фанатизмъ, которымъ и создалось, и держалось безженное, полумонашеское общество рыцарей, царствовало здѣсь нѣкогда со всѣми своими уродствами. Теперь онъ охладѣлъ, и при прежнемъ недостаткѣ духовной религіозной развитости, при матеріализмѣ способеѣ благочестія, наступило равнодушіе къ религіи: католичество стало для ливонца тяжелою уздою, которую сбросить онъ всегда былъ готовъ, какъ только представлялся благовидный предлогъ. Отъ этого протестантство нашло себѣ въ Ливоніи много прозелитовъ, въ городахъ бюргеры принимали лютеранство, монахи бросали свои монастыри и дѣлались свѣтскими. Дворянство, въ сущности будучи еще невѣжественнѣе, менѣе было религіозно, чѣмъ бюргеры, но держалось долѣе наружнаго католичества, погруженное въ свое матеріальное житье-бытье, не препятствовало распространенію новаго ученія; для каждаго въ сущности было мало дѣла до того, какъ вѣрить его сосѣдъ. Что касается до народа, то для него было все равно, будутъ-ли его считать католическимъ или какимъ-нибудь другимъ; онъ не имѣлъ никакого понятія о вѣрѣ, которую исповѣдывалъ. Предковъ его крестили насильно мечемъ и огнемъ; въ его народной исторіи преданія христіанства не свѣтились чѣмъ-нибудь ограднымъ его господа и пастыри довольствовались тѣмъ, что крестили его, а о наученіи его въ истинахъ христіанской вѣры не думали вовсе. Протестантство принималось въ Ливоніи не потому, чтобъ религіозное чувство и смыслъ требовали обновленія, а потому, что при маломъ значеніи сущности религіи и при равнодушіи къ благочестію, оно льстило матеріализму; въ Ливоніи протестантскіе проповѣдники также мало, какъ и католическіе заботились о духовномъ возрожденіи и просвѣщеніи народа, также мало, исключая немногихъ, отличались сами нравственностью, подобно католическимъ, и держали у себя любовницъ; суперинтенден-

товъ не было въ этой землѣ; проповѣдники жили по своей волѣ, проводили время въ томъ, что разъѣзжали отъ одного владѣльца къ другому, изъ одного прихода въ другой, гдѣ имъ устраивали пиры; пасторъ бражничалъ съ гуляками, и если не уступалъ другимъ въ питѣ, о немъ говорили: «вотъ прекрасный проповѣдникъ». Оставался-ли простой народъ въ католичествѣ, или принималъ протестантство: на дѣлѣ онъ все-таки не выходилъ изъ загроубѣлаго состоянія. Для простаго народа протестантскій проповѣдникъ былъ лучше католическаго, потому что менѣе послѣдняго требовалъ отъ него исполненія религіозныхъ обязанностей. Эсты и ливы, сохраняя по преданію завѣтные, хотя лишеныя уже религіознаго значенія, обычаи языческихъ прародцевъ, не имѣли ни къ чему благочестія, да и не видѣли его ни у дворянъ, ни у горожанъ. Браковъ между ними почти не было, говорить историкъ ¹⁾). Когда ихъ укоряли за это, они говорили, что такой обычай ихъ отцовъ и притомъ ссылались на прѣдѣры господъ и духовныхъ. Говорили даже, что сами господа потакали этому и начали смотрѣть вообще на крестьянскихъ дѣтей, какъ на незаконныхъ, поэтому всегда могли распоряжаться достояніемъ ихъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ. Никто не любилъ ходить въ церковь. Въ городахъ принявшіе протестантство бюргеры не сдѣлались охотниками слушать проповѣди, особенно когда и пасторы не любили тратить время на красноречіе. Единственно, чѣмъ выражалась религіозность, это были праздники, — тогда ничего не работавъ, ходили изъ двора во дворъ, пьянствовали и веселились. Бароны, дворяне, обезпеченные легко достающимися доходами, только въ томъ и проводили время, что охотились, пировали, да ѣздили отъ одного къ другому. Дворянская свадьба, крестины въ дворянскомъ домѣ служили предлогомъ огромныхъ съѣздовъ и пировъ, продолжавшихся по такимъ поводамъ нѣсколько недѣль. Лѣтомъ мѣстомъ увеселеній были ярмарки. Со дня Михайлова, осенью, когда обыкновенно ландрейны давали плату своимъ господамъ за землю, наступало время съѣздовъ и пировъ; тутъ пивалось пиво такими чашами, что въ нихъ можно было дѣтей крестить. Опораживая эти чаши, одинъ за другимъ гуляки хвастались тѣмъ,

¹⁾ Russ. 48.

кто въ силахъ всѣхъ переписать: такой молодець былъ героемъ пира. Эти осеннія празднества тянулись до самаго рождества. Тутъ случались и драки, и убійства: безъ этого при пьянствѣ и веселость не веселость. Въ городахъ такое-же разгулье. Праздники пасхи, пятидесятницы, рождества христова проводили въ шумномъ весельи. Между пасхою и пятидесятницею отправлялся праздникъ городскихъ гильдій: каждая гильдія выбирала на годъ себѣ въ такъ называемые короли того, кто поадалъ лучше другихъ въ цѣль; тутъ отправлялось празднество съ шумными обрядами и танцами. На троицѣнъ день праздновался веселый таугрецен. Каждое воскресенье лѣтомъ, по поводу стрѣльбы въ цѣль, собирался народъ—тутъ и пьянство, и волокиство, и драки. Въ ночь на Ивановъ день вся Ливонія освѣщалась потѣшными огнями, шумное веселье охватывало и дворцы, и деревни. Зимой, на святкахъ праздновалась ёлка; вокругъ нея собирался народъ на игры и пляски; шла шумная попойка. Такъ проводили время ливонцы. Ливонскія женщины приобрѣли вездѣ репутацію веселыхъ, доступныхъ, сластолюбивыхъ. Современные волокиты смотрѣли на Ливонію, какъ на обѣтованную землю.

Если въ другихъ странахъ протестантство дѣйствовало обновительно на силы народа, въ Ливоніи на оборотъ, — положеніе простаго народа дѣлалось нестерпимѣе. Роскошь, хвастовство, обжорство, истощали доходы дворянства; нуждаясь въ увеличеніи средствъ, они безжалостно налегали на порабощенныхъ поселянъ. Туземець привыкъ видѣть нѣмца не иначе, какъ съ бичомъ въ рукахъ надъ своею шею. Замотавшись, запутавшись въ дѣлахъ своихъ, нѣмецъ добываетъ себѣ средства вывернуться и продолжать прежнюю комфортажную жизнь, вымогая у бѣднаго крестьянина ударами бичей и разными муками лишнюю противъ прежней пропорцію хлѣба, куръ, меда. И въ то время, когда у дворянъ и у горожанъ на ихъ празднествахъ разливалось бочками пиво, бѣдные чухны и латыши питались скуднымъ толокномъ и, въ случаѣ неурожая, грызли древесную кору да корешки ¹⁾. Ко всему этому, ливонскіе владѣльцы жили между собою въ несогласіи; и всегда такія несогласія, проявляясь своеволіями разнаго рода, отзывались на крестьянахъ отягченіемъ ихъ горькой участи.

¹⁾ Bredenb. 10.

Надобно вообще замѣтить, что при веселости образа жизни, при распушенности нравовъ, ливонскіе нѣмцы имѣли въ своемъ характерѣ много звѣрскаго, жестокаго, неострадательнаго. Памятниками тогдашнихъ нравовъ могутъ, между прочимъ, служить скелеты замурованныхъ за-живо людей, находимые во многихъ мѣстахъ Ливоніи. Такъ въ 1774 году въ церкви св. Іакова, въ Ригѣ, нашли внутри стѣны скелеть мужчины въ сидячемъ положеніи въ шелковой одеждѣ, въ бархатной шапочкѣ, вышитой серебромъ. Одежда его показываетъ, что это было значительное лицо, а покрой одежды XVI вѣка. Въ 1775 году, на Эзелѣ, въ аренсбургскомъ замкѣ нашли также скелеть въ сидячемъ положеніи; передъ нимъ, на маленькомъ столикѣ сосудъ для питья и слѣды хлѣба. Во многихъ старыхъ зданіяхъ были находимы разные замурованные скелеты. Такъ въ замкахъ—гансальскомъ, вейсенштейнскомъ, асскомъ находили въ стѣнахъ скелеты не только взрослыхъ, но и дѣтей. Въ рижскомъ замкѣ подъ землею нашли цѣлую яму съ дѣтскими костями, а подъ воротами Іакова, въ землѣ, склепъ, гдѣ былъ скелеть съ тяжелыми цѣпями на рукахъ и на ногахъ ¹⁾).

Такія черты тогдашнихъ нравовъ составляли условія, неблагопріятныя для защиты Ливоніи въ случаѣ нападенія сильнаго непріятели. И неудивительно, что по вступленіи русскихъ войскъ въ Ливонію, чернь приставала къ царю. Въ Московщинѣ это предвидѣли и ловко вели дѣло; поймали въ сѣти пословъ тѣмъ, что заставили ихъ согласиться заключить договоръ; послы думали только о себѣ и не помышляли о послѣдствіяхъ для отечества, потому были довольны какимъ бы-то ни было средствомъ, лишь бы лично самимъ казаться правыми и чистыми и, возвратившись домой, имѣть возможность отдѣлаться отъ своихъ, когда на нихъ посыпятся обвиненія; а въ самомъ дѣлѣ они-то и зацутали свое отечество на будущее время. Московскіе бояре это понимали и потому такъ усиленно домогались, чтобъ договоръ былъ заключенъ непременно съ этими самыми послами. Еслибъ у москвичей въ этомъ случаѣ не было нриготовленнаго плана и задней мысли, то они легко могли бы заключить этотъ договоръ и послѣ, черезъ своихъ пословъ, которые, какъ они и сами го-

¹⁾ *Happel. Nord. Miscellan. XIX. 573—576. XXII. 506—507.*

ворили все равно, должны же были ѣхать въ Ливонію ради окончательнаго утвержденія того же договора. Но москвичи рассчитывали, что гораздо лучше будетъ, если московскіе послы явятся въ Ливонію тогда, когда уже дѣло вполнину будетъ сдѣлано въ Москвѣ; московскимъ посламъ тогда будетъ на чемъ твердо упереться. Такъ-то ливонскіе послы и попались въ просакъ.

Пословъ не слишкомъ благодарили въ Дерптѣ за такой договоръ. Дерптскій епископъ сейчасъ далъ знать рижскому архіепископу и гермейстеру: Ливонія пришла въ ужасъ, тѣмъ болѣе, когда въ договорѣ было сказано, что въ случаѣ, если дерптскій епископъ не будетъ платить дани, то вся Ливонія отвѣчаетъ за это и должна принудить дерптскаго епископа къ исполненію договора, то есть къ платежу. Архіепископъ рижскій ¹⁾ къ 13-му января 1555 года собралъ депутатовъ отъ духовныхъ и свѣтскихъ властей на сеймъ въ Лемсаль — разсуждать о такомъ важномъ дѣлѣ: слѣдуетъ ли признать за Дерптомъ обязанность платить дань московскому государю, или же надѣежтъ воспротивиться этому общими силами? Не знаемъ, что выдумалъ этотъ сеймъ, но послѣ него дѣло еще болѣе запутывалось. Ливонія представлялася способъ дѣйствовать взаимно со Швеціею противъ Россіи. Сами ливонцы прежде побуждали Швецію. Но когда война у Швеціи дѣйствительно вспыхнула, уже мы видѣли, какъ помогла Швеціи Ливонія, а, по словамъ Гярна ²⁾, гермейстеръ разсуждалъ тогда, что для Ливоніи будетъ хорошо, если два сосѣднія государства стануть между собою воевать, и такимъ образомъ Москва забудетъ свои притязанія и оставитъ Ливонію въ покоѣ. Расчетъ былъ самый неудачный и отозвался гибельно для страны, для которой гермейстеръ надѣялся достигъ выгодъ изъ ссоры сосѣдей. Москва заключила миръ со Швеціею, и свободно обратилась на Ливонію.

Въ это время къ большому удовольствію Москвы въ Ливоніи сталося междоусобіе. Вотъ съ чего оно зачалось. Гермейстеры всегда хотѣли имѣть полновластіе въ странѣ, какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными сановниками. Но духовные, то есть архіепископы и епископы старались удержаться независи-

¹⁾ Monum. V. 515.

²⁾ Monum. Liv. I. 206.

мыми отъ ордена; отъ этого въ исторіи Ливоніи были не рѣдки столкновенія свѣтскихъ властей съ духовными, особенно у гермейстера съ рижскимъ архіепископомъ. Держать въ подчиненіи послѣдняго гермейстеру было тѣмъ труднѣе, когда самъ архіепископъ или былъ по происхожденію сыномъ какого-нибудь владѣтельнаго дома или пользовался сильнымъ виѣшнимъ покровительствомъ ¹⁾. Еще въ 1530 году архіепископъ Томасъ Шоннингъ (самъ сынъ мѣстнаго бургомистра) назначилъ своимъ коадьюторомъ марграфа бранденбургскаго Вильгельма. Отъ этого начались длинныя распри и недоразумѣнія. По смерти Томаса въ 1539 году Вильгельмъ вступилъ въ полное управленіе архіепископствомъ. Водвореніе реформаціи усилило недоразумѣнія и несогласія ордена съ архіепископомъ. Вильгельмъ не отличался фанатизмомъ и съ терпимостію сносилъ распространеніе реформаціи; онъ требовалъ единственно, чтобъ отступившіе къ лютеранству имѣнія не выходили изъ-подъ его свѣтской зависимости. По связямъ и родству Вильгельмъ былъ слишкомъ силенъ для того, чтобъ гермейстеръ могъ тогда быть первымъ въ Ливоніи. Что касается до взгляда дворянъ и горожанъ на этотъ вопросъ, то, съ распространеніемъ реформаціи вообще, и у тѣхъ, и у другихъ развивалось стремленіе, чтобъ и духовные сановники, и самъ гермейстеръ были сколько возможно менѣе значительны. Въ 1546 году на вольмарскомъ сеймѣ постановленъ ²⁾, чтобъ архіепископы, епископы и гермейстеры отнюдь не назначали себѣ коадьюторовъ изъ германскихъ владѣтелей, и если бы кто впоследствии поступилъ вопреки этому постановленію, то капитулы, рыцари, города и всѣ подчиненные обязаны не оказывать тому повиновенія и подавать помощь противъ него. Самъ Вильгельмъ подписалъ это постановленіе, потому что былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ явномъ раздорѣ съ городомъ Ригю. Но послѣ, когда уже со стороны Московіи были заявлены притязанія, грозившія войною, тотъ же архіепископъ убѣдилъ капитулъ пригласить коадьюторомъ Христіана принца мекленбургскаго, съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ преемникомъ его въ архіепископскомъ санѣ. Этотъ поступокъ, противный постановле-

¹⁾ Monum. Liv. V, VII.

²⁾ Grefenth. Mon. V. 116.

нію вольмарскаго сейма 1546 года, оправдывался тѣмъ благовиднымъ предлогодъ, что теперь Ливонія угрожаетъ опасность отъ Московіи, и въ такомъ положеніи необходимо имѣть сильную поддержку, а слѣдовательно поставить на архіепископское достоинство лицо съ важными связями будетъ полезно для общей защиты. Гермейстеръ собралъ земскій сеймъ въ Вендевъ, объявилъ поступокъ архіепископа противозаконнымъ и послалъ своего новопоставленнаго комендатора динабургскаго, Готгардта Кетлера, въ Германію набирать войска для войны съ архіепископомъ. Поднялось междоусобіе Ландмаршалъ Ясперъ фонъ Министеръ, раздражившись тѣмъ, что не его, а командора феллинскаго, Вильгельма Фирстемберга, сдѣлали коадьюторомъ гермейстера, присталъ къ архіепископу ¹⁾. Городъ Рига, городъ Дерить, деритскій епископъ и нѣкоторыя духовныя власти держались стороны ордена. Подъ Кукенгузеномъ архіепископъ и его нареченный коадьюторъ Христіанъ были взяты въ плѣтъ; гермейстеръ посадилъ ихъ въ замокъ: но за нихъ заступился польскій король. Вильгельмъ былъ племянникъ Сигизмунда-Августа, да притомъ въ Ливоніи тогда убили польскаго гонца Ловскаго ²⁾. Было такимъ образомъ два предлога ко вступленію польскихъ и литовскихъ войскъ въ Ливонію.

Въ такомъ запутанномъ положеніи находились дѣла Ливоніи, когда въ Дерить прибылъ въ іюнь 1556 года московскій посланецъ, Келарь Терпигоревъ, человекъ упрямый и хитрый (*ein trotziger vorbolgener Mann*) ³⁾. Московское правительство часто выбирало людей для порученій, примѣняясь къ ихъ характеру. Здѣсь, кажется, оно поступило именно такъ. Но обыкновенію посолъ привозилъ подарки. Келарь Терпигоревъ везъ деритскому епископу очень странные подарки,—было у него три вещи: шелковая епанча, двѣ гончихъ собаки, да узорами вышитое сукно. Какъ будто-бы этими подарками хотѣли сказать: какъ хотите, такъ и смекайте. И на разные способы толковали объ этихъ подаркахъ ливонцы—говоритъ современникъ ⁴⁾.

Посла помѣстили въ домъ какого-то Андрея Ваттермана, на

¹⁾ Гарнь, *Mon. Liv.* I. 206.

²⁾ *Henn. script. rer. Liv.* II, 211—220.

³⁾ *Russ.* 48.

⁴⁾ *Russ.* 49.

рынкѣ. На другой день позвали его на аудіенцію въ замокъ: тамъ уже епископъ собралъ ландратовъ (земскихъ чиновниковъ) и комисію изъ епископскаго и городского совѣтовъ ¹⁾. Тутъ же сидѣли писаря.

Посолъ сказалъ:

«Царь и великій князь всея Русіи Иванъ Васильевичъ приказалъ спросить о здоровьѣ епископа и гермейстера. Присылали вы къ намъ въ Москву пословъ вашихъ къ царю и великому князю всея Русіи и просили продолжить миръ, и государь, царь и великій князь ихъ пожаловалъ миръ имъ далъ, а они поднесли государю за своею печатью грамоту, которую государь имъ приказалъ написать на томъ, что епископъ и гермейстеръ печать пословъ отрѣжутъ, а привѣсятъ свои печати—епископскую и гермейстерскую. И приказалъ мнѣ государь не долго здѣсь оставаться.»

Епископъ поблагодарилъ его, изъявилъ свое удовольствіе о царскомъ здоровьѣ и отпустилъ посла въ его помѣщеніе. Посолъ чтобъ поторопить нѣмцевъ къ рѣшенію, повторилъ «еще: если мнѣ скоро не будетъ отвѣта, то я уѣду безъ вашего отвѣта, ждать не стану».

Начались толки въ совѣтѣ. Многіе удавали, что послы поступили и опрометчиво и тѣмъ завязали узелокъ Ливоніи.

«Господа! сказалъ одинъ изъ членовъ совѣта, Якобъ Краббе, если мы привѣсимъ свои печати къ этому договору и обяжемся платить дань, то пойдемъ въ неволю съ нашими женами и дѣтьми. А что намъ дѣлать? Либо согласиться и дань давать, либо землю нашу разорять и выжгутъ» ²⁾.

На многихъ навела уныніе эта рѣчь. Дерптскій бюргермейстеръ Генкъ сказалъ: «по моему мнѣнію тутъ и толковать не о чемъ; что поставили и припечатали, то и должны мы исполнять, а иначе московитяне силой насъ заставятъ исполнить» ³⁾.

Но тогда канцлеръ епископа, Юргенъ Гольцширръ всталъ съ мѣста и сказалъ:

«Г-нъ Бюргермейстеръ! Вы можете лучше разсуждать о мнѣ

¹⁾ *ibid.* Nyest. 45.

²⁾ Nyest. 46.

³⁾ Russ. 49.

и козлиныхъ шкурахъ, чѣмъ о такихъ предметахъ. Московскій государь тиранъ и можегъ съ нашей землею такую шутку пошутить и такой вредъ ей нанести, что мы теперь и предвидѣть всего не въ силахъ. Я думаю, мы должны привѣсить свои печати и обязатья платить дань, но въ самомъ дѣлѣ не будемъ платить ее никогда. Московскій царь — мужикъ и не пойметъ, какъ мы внесемъ дѣло въ имперскую камеру; все, что здѣсь постановится, тамъ уничтожится ¹⁾. Позовемъ опять московскаго посла, прикажемъ оратору прочесть вслухъ нашу протестацію, а потомъ прикажемъ написать ее въ томъ смыслѣ, что мы безъ согласія римскаго императора не въ правѣ обязатья платежемъ дани, и поэтому ораторъ протестуетъ во имя его императорскаго величества, какъ верховнаго леннаго государя Ливонской страны, противъ такой невыносимой, насильно вымогаемой на насъ дани. Затѣмъ внесемъ нашъ протестъ къ его величеству римскому императору. А межъ тѣмъ, на сколько это въ нашей власти, мы согласимся приложить наши печати къ грамогѣ и отдадимъ ее московскому послу.»

Совѣтъ показался удачнымъ, потому что былъ хитръ. Немедленно же послали съ почтою къ императору просьбу отправить къ московскому царю посольство и отвратить грозящее Ливонской землѣ зло.

Терпигорева снова призвали и отдали ему договорную грамоту съ новыми печатями, приложенными вмѣсто посольскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ ораторъ прочелъ предъ нимъ свою протестацію, а писари стали ее записывать.

— Что это одинъ говоритъ, и что это другіе записываютъ? — спросилъ Терпигоревъ толмача.

Толмачъ объяснилъ ему.

— А какое дѣло моему государю до императора? — сказалъ Терпигоревъ сердито. Дали мнѣ грамоту — довольно; не станете государю дани платить — самъ соберетъ ²⁾.

Взглянувъ въ карманъ грамоту, Терпигоревъ съ насмѣшкою сказалъ: этого маленькаго ребенка надобно кормить калачомъ и поить молокомъ; выростеть, заговорить, — много добра принесеть наше-

¹⁾ Russ. 49.

²⁾ Nyest. 49.

му царю! Смотрите, прибавилъ онъ, обращаясь къ бюргермейстеру (Иогану Дорстельману), припасайте дернскіе совѣтники, денегъ, а то ребенокъ какъ выростетъ, такъ денегъ потребуеетъ!

Этотъ насмѣшливый тонъ раздражилъ было совѣтниковъ. «Мы, говорили нѣкоторые, «припечатали Ливонію московскому царю! лучше сто талеровъ потратить на войну съ московитянами, чѣмъ одинъ талеръ дани заплатить?»

Но Юргенъ Голтширъ успокоивалъ ихъ:

— Только дѣло дойдетъ до императорской камеры—императоръ поставитъ московитянъ въ границы! ¹⁾.

Терпигоревъ, пришедши на свою квартиру, провожаемый нѣмецкими гофъюнкерами, еще разъ съострилъ къ досадѣ нѣмцевъ. Отдавая своему подъячему или слугѣ грамоту, онъ сказалъ:

— Смотри-жь ты у меня, береги этого теленка, чтобъ онъ выросъ великъ и разжирѣлъ ²⁾.

Московитяне въ глазахъ нѣмцевъ завернули своего теленка въ шелковую ткань и уложили въ обитый сукномъ ящикъ.

Нѣмцы угощали посла почтительно и щедро: давали ему и рыбу, и дичину и яйца, и коренья, и виномъ поили, и присылали къ нему двухъ своихъ для бесѣды. Терпигоревъ казался доволенъ и благодарилъ за хлѣбъ-соль. Но послѣ обѣда пожелалъ онъ еще разъ поговорить объ одномъ дѣлѣ въ совѣтѣ. Ему назначили новую аудіенцію на другой день. Онъ явился на эту аудіенцію въ назначенное время. Прежде, чѣмъ стали толковать съ нимъ о дѣлѣ, угостили его лакомствами въ особой комнатѣ, а потомъ уже пригласили въ ревертеръ—залу совѣта. Терпигоревъ вошелъ туда не одинъ, но съ какимъ-то русскимъ.

— Въ вашей землѣ, на псковской дорогѣ—сталъ онъ говорить—у этого челоуѣка убили брата; притомъ у него, какъ онъ сказываетъ, отняли столько сотъ талеровъ. Онъ уже епископу жаловался, а по крестному цѣлованію межъ нами, если въ Русіи или въ Ливоніи кто будетъ убитъ разбойниками, то вся околица того мѣста, гдѣ убійство станется, либо заплатитъ ближнимъ убитаго столько, сколько стоятъ пограбленные животы, либо убійцу выдастъ. Вотъ уже долго онъ проситъ у епископа управы и не

¹⁾ Russ. 49.

²⁾ Nyest. 46.

получаетъ ее; пошлите-же вашихъ людей съ нимъ вмѣстѣ къ епископу; пусть епископъ велитъ выдать ему деньги, а я скажу государю, что вы, Совѣтъ деритскій, и все ваши люди поступаете во всемъ по праву—по крестному цѣлованію.

Совѣтъ послалъ съ нимъ одного господина къ епископу вмѣстѣ съ русскимъ истцомъ. Посланные возвратились и принесли извѣстіе, что епископъ желаетъ посорбитъ русскому; но люди той околицы, гдѣ совершилось убійство, живутъ за много миль отъ Дерита; нужно будетъ этихъ людей выписать сюда, а на это время надобно будетъ подождать.

Терпигоревъ обратился тогда къ Совѣту съ такою просьбою:

— Ждать мнѣ долго нельзя. Пусть Совѣтъ будетъ такъ добръ, отдастъ теперь же деньги русскому истцу, а съ тѣхъ получить, кто платить обязанъ.

— У насъ нѣтъ въ наличности столько денегъ, отвѣчали совѣтники.

— Если-бы вы, сказалъ посолъ, хотѣли оказать русскому человѣку это добро, то могли-бы это сдѣлать: мнѣ извѣстно, что у васъ нодь ратушей стоитъ двѣнадцать бочекъ золота.

Нѣкоторые засмѣялись. Іоганъ Дорстельманъ, бюргермейстеръ, сказалъ:

— Можетъ быть тамъ и есть деньги, да ключей нѣтъ у насъ: одни у города Риги, другіе у города Ревеля; безъ ихъ воли нельзя притронуться къ этому золоту.

Терпигоревъ не сталъ болѣе настаивать и сказалъ:

— Ну, такъ наноминайте-же епископу, чтобъ изъ вашихъ грамотъ и печатей вышло вамъ добро—а это будетъ тогда, когда вы дань заплатите, иначе станется вамъ несчастіе великое!

Съ этими словами онъ простился и уѣхалъ ¹⁾).

Черезъ годъ слѣдовало платить, ибо два года со времени заключенія договора послами въ Новгородѣ уже истекло. На слѣдующій 1337-й годъ орденъ показалъ свое безсиліе передъ польскимъ королемъ. Когда отицая за своего гонца и требуя освобожденія рижскаго архіепископа и его коадьютора, Сигизмундъ-Августъ объявлялъ войну, Ливонію пришли защищать чужеземная войска, а сами ливонцы до того отвыкли отъ военнаго быта,

¹⁾ Nyest. 48.

что смотрѣли, какъ на рѣдкость, на пришедшее къ нимъ войско въ вооруженіи, и удивлялись непривычному для нихъ барабанному бою ¹⁾.

Скоро увидѣлъ орденъ, что нѣтъ возможности бороться съ Сигизмундомъ-Августомъ и уступилъ ему; задержанные духовные были выпущены. Христіанъ признанъ коадьюторомъ; гермейстеръ явился въ Вильно принести покорность королю ²⁾. Эти событія подавали русскимъ надежду, что дѣла въ Ливоніи пойдутъ для нихъ, какъ нельзя лучше, а для ордена какъ нельзя хуже. Но зато послѣ примиренія, гермейстеръ заключилъ или, лучше сказать, возобновилъ старинный союзъ Швеціи съ Польшей и Литвой, которымъ обѣ стороны обязывались дѣйствовать взаимно, въ случаѣ нападенія общаго ихъ прирожденнаго врага—московскаго государя ³⁾.

Это было новое раздраженіе Москвы и новый предлогъ ей прицѣпиться къ Ливоніи.

Дерптскій епископъ и Совѣтъ перерывали старые свои книги и акты, чтобъ отыскать въ нихъ, какую это дань требуетъ московскій царь. Они нашли только, что дѣйствительно въ древнія времена тѣ ливонскіе жители, что проживали на чертѣ пограничной со псковскою землею, пользовались правомъ ставить въ лѣсу на псковской землѣ борти; за это они должны были платить Пскову что-то такое. Да сверхъ того отыскивали еще въ старыхъ бумагахъ, что когда-то, въ древности, городъ Дерптъ давалъ въ церковь Живоначальной Троицы во Псковѣ ежегодный даръ, и все-таки не могли рѣшить: что это было такое, платилось-ли это за пользованіе тѣмъ, что принадлежало, какъ собственность, св. Троицѣ, или же то было не болѣе, какъ благочестивое приношеніе, отъ частаго повторенія ставшее обычаемъ. Во всякомъ случаѣ, въ дерптскихъ архивахъ болѣе ничего другаго не оказалось въ родѣ дани, а то, что тамъ нашли, не казалось имъ такого рода данью, какой требовалъ царь. ⁴⁾ И вотъ въ мартѣ 1557 года отправили въ Москву пословъ Гергарда Флемминга, Валеттина

¹⁾ Russow. 50.

²⁾ Russow. 50. Henning. 220.

³⁾ Doq. V. 220.

⁴⁾ Russ. 52.

Мельхиора и Генриха Винтера ¹⁾ (по русскимъ лѣтописямъ, Валентина, да Мелхель, да писаря Гануса) просить, чтобъ царь сложилъ дань по гривнѣ съ человѣка. Но въ Москвѣ казалось уже не своевременнымъ вдаваться въ археологическія изысканія о дани: тамъ сочли достаточнымъ довольствоваться однимъ послѣднимъ договоромъ. Онъ самъ по себѣ составлялъ уже неоспоримый документъ; дань должна быть платима по силѣ этого договора, все равно, справедливо или несправедливо попала она въ этотъ договоръ. Тѣ же довѣренныя, которые переговаривались и прежде: окольничій Алексѣй Адашевъ и дьякъ Михайловъ сказали послать: «по перемирнымъ грамотамъ и по вашему челобитію государь на васъ дань положилъ, и послы ваши крестъ цѣловали и бискупъ юрьевскій крестъ цѣловалъ предъ посломъ намѣстника новгородскаго Келаремъ Тернигоревымъ — платить дань по гривнѣ съ человѣка oprичъ церковныхъ людей. Какъ же вы теперь просите сложить дань? Третій годъ пеходить, а вы не исправились въ своемъ цѣлованьи; такъ знайте-же, что государь самъ будетъ собирать свою дань на мастера и на всей ливонской землѣ. ²⁾»

И послы уѣхали обратно; они не удостоились даже быть у государя. Бреденбахъ ³⁾ говорить, будто-бы тогда царь пригласилъ ихъ и черезъ переводчика укорялъ въ томъ, что они заслужили гнѣвъ божій за то, что оставили прежнее благочестіе, разоряли церкви и изгоняли священнослужителей.

Въ слѣдъ за тѣмъ московское правительство запретило ѣздить въ ливонскую землю русскимъ торговцамъ; позволило однако пріѣзжать въ русскую землю вѣмцамъ, вѣроятно потому, что трудно было различить, кто былъ изъ Ливоніи, кто изъ другихъ странъ Германіи, а русское правительство не хотѣло ссориться съ другими иноземцами.

Въ ноябрѣ въ слѣдъ за тѣмъ послѣдовало грозное объявленіе войны. Царь обращался въ своей грамотѣ къ гермейстеру, къ рижскому архіепископу, къ дерптскому епископу и ко всей Ливоніи: припоминалъ прежнія условія договора, обязательство пла-

¹⁾ Bredenb. 5.

²⁾ Лѣтопис. лъвов. V. 168.

³⁾ Велю. IIv. 17.

твить дань, не сноситься съ поляками, возобновить русскія церкви; ссылался на крестное цѣлованіе на утверженіе договора предъ Терпигоревымъ, на неоднократныя увѣщанія, которыя имъ дѣлались пзъ милосердія ради пощады крови христіанской;— въ заключеніе говорилось въ грамотѣ: и такъ какъ вы божественный законъ и всякую истину оставили, не помышляете о крестномъ цѣлованіи и презираете нашу милость и милосердіе, то мы разсудили, при помощи божіей, ради нашей правды и вашей неправды, оказанной къ великому кресту, метить вамъ и наказать васъ за ваши беззаконія. И если по волѣ Божией, съ обѣихъ сторонъ кровь прольется, то не по нашей винѣ, а по вашей неправдѣ то станется. Мы, христіанскій государь, не радуемся о пролитіи невинной крови—ни христіанской, ни нехристіанской. Познайте вашу неправду. Мы увѣщаемъ васъ о нашей великой и могущественной силѣ сею грамотою нашею, которою объявляемъ вамъ войну ¹⁾.

Грамота эта прислана въ Ливонію въ ноябрѣ 1557 года. Она тамъ надѣлала суматохи, страху. Гермейстеръ собралъ сеймъ въ Венденѣ. Ясно было, что никакія увертки не помогутъ. Надобно платить дань ²⁾. Выбрали двухъ пословъ, (по Руссову, дворянина дерптскаго округа Клауза Франке и Элерта Краузе ³⁾; по Фабрицію — Іоанна Таубе и Элсгарда Краузе ⁴⁾; по русскимъ лѣтописямъ отъ гермейстера Клатусь да Томось да Мельхеръ, а отъ бискупа юрьевского Елергъ да Христофоръ да Власъ Бека ⁵⁾. Эти послы прибыли въ началѣ зимы въ Москву. Алексѣй Адашевъ и дьякъ Михайловъ, какъ и прежде, были назначены въ отвѣтъ къ ливонскимъ посламъ.

Послы изъявили готовность платить дань, но хлопотали: нельзя ли вмѣсто поголовной дани брать опредѣленными суммами. Бояре уступили въ послѣднемъ и договорились съ ними на томъ, чтобъ не брать поголовной дани, какъ поставлено въ договорѣ, а заплатить за прежнія недоимки и за настоящій трехлѣтній долгъ валовую сумму, по русскимъ лѣтописямъ, сорокъ пять

¹⁾ Bredemb. Hist. Rutb. script. 1. 6. Russ. scrip. rer. liv. 52.

²⁾ Fabric. script. rer. liv. 467.

³⁾ Russ. 52.

⁴⁾ Script. rer. liv. 2. 477.

⁵⁾ Никонов. 294. Львовск. V. 190.

тысячъ ¹⁾ талеровъ, а по Руссову ²⁾ сорокъ тысячъ. Впредь епископство дерптское обязывалось каждый годъ выплачивать по 1000 венгерскихъ золотыхъ безпереводно. Но когда царь потребовалъ отъ нихъ денегъ, они сказали, что у нихъ ихъ нѣтъ. «Такъ вы только хотите изволочить дѣло» такъ говорили русскіе, обличая ихъ ³⁾, — что-же, вы насъ дураками считаете что-ли? Ступайте-жъ себѣ домой, а царь самъ пойдетъ собирать свою дань ⁴⁾.

Русскіе купцы имѣли свои выгоды отъ торговли съ Ливоніей, имъ не хотѣлось войны, и они предложили дать ливонскимъ посламъ въ займы требуемую царемъ сумму, но царь запретилъ своимъ подданнымъ давать деньги ливонскимъ посламъ ⁵⁾ подъ смертною казнью. Послы соглашались остаться сами въ Москвѣ заложниками до тѣхъ поръ, пока будутъ присланы изъ Ливоніи деньги. Московское правительство не позволило и этого ⁶⁾. Москвѣ было пріятно, что Ливонія оказалась несостоятельною; представлялась возможность не только взять съ нее значительную сумму денегъ, но и самую страну покорить. Страсть къ расширенію предѣловъ въ ту или другую сторону сильно одолевала Москву послѣ покоренія Казани и Астрахани. Послы по-неволѣ должны были ѣхать съ печальнымъ извѣстіемъ, что велѣдъ за ними пойдутъ ратные люди московскаго государя разорять Ливонію. Фабрицій прибавляетъ, что на прощанье имъ подали за обѣдомъ пустыя блюда, за то, что они пріѣхали съ пустыми руками ⁷⁾.

Часто предъ великими несчастіями записываются въ лѣтописяхъ таинственныя явленія и предзнаменованія. И въ Ливоніи предъ нашествіемъ московской рати было подобное. За годъ передъ тѣмъ показалась на сѣверномъ небѣ огромная комета съ длиннымъ хвостомъ. Богъ показывалъ этимъ будущую свою кару, говорить лѣтописецъ, слѣдуя вѣрованію вѣка. ⁸⁾ Явился

¹⁾ «За риошлые залогн и за ныѣшній подѣмъ полпятадесять ефимковъ, а московская осмнадцать тысячь рублевъ.» Никоновск. 294. Львовск. 191.

²⁾ Hussov. 52.

³⁾ Никоновск. 294.

⁴⁾ Hussov 52.

⁵⁾ Hiarn. Monum. liv. I. 212.

⁶⁾ Russow. 52.

⁷⁾ Fabric. 467.

⁸⁾ Nyest. Monum. II. 48.

въ Ливонію страшный человекъ: назывался онъ Юргень. Откуда онъ былъ, никто не могъ допроситься у него. Знали только, что появился онъ изъ верхней Германіи и пришелъ въ Ливонію черезъ Пруссію и Польшу. Въ жестокій морозъ ходилъ онъ босъ, безъ штановъ, въ одной блузѣ; по плечамъ у него скатывались длинныя волосы. Его босыя ноги сохраняли странную теплоту: спѣтъ таялъ у него подъ подошвами. Онъ не принималъ ни платья, ни обуви, когда добрые люди давали ему; не бралъ онъ также даромъ ни пищи, ни какой бы то ни было подачки, но охотно соглашался работать и получать пищу за свою работу,—работалъ онъ такъ что въ одинъ день могъ сдѣлать то, чего другой не сдѣлаетъ въ четыре дня. Поселяне призывали его повсюду, и смотрѣли на него какъ, на чудо. Во время работы онъ останавливался, цѣлый часъ лежалъ, привавши къ землѣ, и молился, чтобъ съ новою силою приниматься за работу. Онъ ходилъ въ церковь, а когда къ нему обращались священники, то называлъ ихъ лицемѣрами.—Зачѣмъ ты ходишь по Ливоніи?—спрашивали его.—Меня Богъ послалъ возвѣститъ ливонцамъ наказаніе за ихъ подлость, роскошь и праздность,—отвѣчалъ онъ. Передъ шестидѣтѣмъ московтянъ онъ исчезъ безъ вѣсти. ¹⁾

22 января войско великорусское вторгло въ Ливонію и пошло гулять по ней по разнымъ направленіямъ. Начальникомъ войска былъ Шигъ-Алей, бывшій царь казанскій. Все войско состояло болѣе изъ татаръ и черкесовъ ²⁾, чѣмъ изъ природныхъ русскихъ. Отпора не давали ливонцы. Русскіе дѣлали, какой хотѣли, вредъ безоружнымъ и беззащитнымъ жителямъ; прошли на полтараста верстъ въ длину параллельно съ литовскимъ рубежемъ, и въ ширину на сто верстъ разными отрядами. Укрѣпленныхъ мѣстъ не трогали, а нападали на малыя посады; сожигали ихъ; жителей однихъ убивали, другихъ въ плѣнъ брали.

¹⁾ Russow. 51.

²⁾ «И отпустили напередъ себе воеводу князя Василія Ивановича Борбошина, да князя Юрья Петровича Репнина, да Давида Федоровича Адашева, да съ ними же отпустили татары Уразлы князя Каиборова, да Епара мурзу Ибачева, да Кѣпячъ мурзу Салнаглычова, да съ ними жь головы с детьми боярскими, и головы с казанскими татары и повокрещеныи, и черкасъ пятигорскихъ князь Ичаповыхъ и князь Васильевыхъ людей черкасскихъ князей и стрелцовъ и козаковъ,... и татаръ, и черкасъ, и мордву.» Никон. лѣт. VII. 297, 298.

Прогулявшись по Ливоніи ¹⁾, отряды соединились съ главнымъ войскомъ, которое подъ начальствомъ Шигъ-Алея шло къ Дерпту. Они взяли безъ затрудненій городъ Костеръ (на востокъ отъ Дерпта—Koster). Тамъ не нашли ни одного человѣка: все разбѣжалось. Отсюда они подошли къ Дерпту. Мизъ Дерпта выслали было противъ нихъ отрядъ человѣкъ въ пятьсотъ, но этотъ отрядъ былъ разбитъ на-голову. Простоявъ три дня у Дерпта, русскіе опять разошлись отрядами: одни пошли къ югу по рижской, другіе—по кельванской (ревельской) дорогѣ. Самъ Шигъ-Алей пошелъ за рѣку Омовжу, къ морю. Изъ Раковора (Везенберга) и Муки (Фалькенау) вышли было ливонскіе отряды и были разбиты. Русскіе пожгли посады городовъ Муки (Фалькенау), Лауса, Асиллуса (Эйскуль), Поркела (Пиркельнъ). Самъ Шигъ-Алей, идя по направленію къ морю, потомъ поворотилъ вправо къ Ругодиву (Нарва). Окрестности Ругодива были уже выжжены и опустошены княземъ Шестуновымъ, который выходилъ изъ Иванъ-города. Потери въ этихъ русскіихъ отрядахъ были чрезвычайно малы ²⁾. Другіе отряды воротились къ Нейгаузену и вошли въ псковскую область ³⁾. Больше всѣхъ была опустошена дерптская провинція: это значило, что, за неисправность въ платежѣ дани, государь послалъ своихъ людей собирать съ нее дань; Ратные люди сожигали села, деревни и посады до-гла, истребляли хлѣбъ въ скирдахъ и амбарахъ, загоняли скотъ въ загоны и тамъ его сожигали; малыхъ дѣтей, моложе десяти лѣтъ, прокалывали копьями и втыкали на плетни; не щадили и тѣхъ, которые были старѣе двадцати лѣтъ, терзали ихъ страшными муками, наприкладъ, связавши, насыпали имъ на бока порохъ и зажигали его;

¹⁾ ...«Воевали девять день, а пришедъ пасидячіе люди, а у Нового городка (Нейгаузенъ), и у Кърекѣни (Кяремпе) и у городка Ялыста (Маріенбургъ allucksness-basn), да у городка Курслова, да у Бабья-городка (Ульдепъ=Вибипа), посады пожгли и людей побили многихъ, и полону безчисленно множество поймали.» Никон. лѣт. 297.

²⁾ «Даль Богъ, вездѣ иѣмецъ побивали, а государевыхъ людей побили подъ Курсоловымъ въ воротѣхъ Ивана Ивановича Клеинка Шенна, да въ загопѣхъ и въ ввыхъ мѣстѣхъ пяти сыновъ боярскихъ, да сгрѣзцовъ десяти человѣкъ, да трехъ татариновъ, да боярскихъ человѣкъ съ пятнадцать, а вные люди даль Богъ всѣ здоровы, а иѣмецкую землю повоевали и выжгли в людей побили во многихъ мѣстахъ, полону и богатства множество поймаля» Никон. VII. 299.

³⁾ De bello Liv. 18.

другихъ обмазывали горячею смолой и зажигали; беременнымъ женщинамъ вырѣзывали утробы и вытаскивали изъ нихъ младенцевъ; красивыхъ женщинъ насилывали; пныхъ изъ пныхъ послѣ того уводили съ собою и продавали другъ другу; другихъ замучивали затѣйливыми способами, какъ напримѣръ обрѣзывали имъ сосцы, привѣшивали къ деревьямъ и разстрѣливали стрѣлами; у дѣтей вырывали сердца, вѣшали на деревья и стрѣляли въ нихъ изъ лука. Въ плѣнъ брали обыкновенно только юношей и дѣвицъ, отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ отъ роду.

Всѣ такія злодѣянія дѣлались только надъ жителями нѣмецкаго происхожденія. Испуганныя толпы бѣжали въ укрѣпленные города. Въ Дерптѣ набилось ихъ такъ много, что нечего было имъ ѣсть, негдѣ было помѣститься. Толпы скрывались въ городскихъ рвахъ. Зимняя стужа была въ тотъ годъ чрезвычайная. Многіе безъ пристанища замерзали; многіе погибли отъ голода. Въ это время русскіе подошли къ Дерпту и, увидѣвши, что во рвахъ скрывается народъ, бросились было на него и стали убивать. Жители, запершись въ замкъ, не смѣли подать помощи несчастнымъ, а только стрѣляли по московтянамъ со стѣнъ. Послѣ трехъ дней, какъ сказано выше, русскіе ушли. Неотраднa была судьба тѣхъ, которые уцѣлѣли въ этой боинѣ, и могли выползти изъ рва живьемъ: они узнали, что сожжены ихъ дома въ близкихъ деревняхъ, откуда они пріѣхали въ Дерптъ; хлѣбъ, скотъ, все имущество истреблено; ни пристанища отъ стужи, ни куска хлѣба; и пришлось имъ погибать мукою, болѣе продолжительною, чѣмъ отъ московскаго оружія ¹⁾. Руссовъ рассказываетъ при этомъ, что во время нашествія русскихъ множество рыцарей собралось въ Ревель къ одному барону на свадьбу. Этотъ баронъ хвастался, что онъ сдѣлаетъ гостямъ такой праздникъ, что дѣти ихъ дѣтей будутъ вспоминать о немъ. Но вышло — замѣчаетъ лѣтописецъ, — что настало вмѣсто праздника такое горе, о которомъ дѣти нашихъ дѣтей будутъ вспоминать съ ужасомъ.

Ни гермейстеръ, ни епископъ не выходили на войну. Ливонія была безотпорна; въ теченіи сорока дней могли въ ней безнаказанно свирѣпствовать московскіе люди съ полнымъ презрѣніемъ къ нѣмцамъ. Курбскій, бывший тогда въ сторожевомъ пол-

¹⁾ De bello Livon. 18. Thom. Hiaru Monum. Liv. 1, 212. Russow script. rer. Liv. 1. 53. Nyest. Monum. Ant. Liv. II, 48.

ку въ войскѣ, говорятъ: мы воевали цѣлый мѣсяцъ и нигдѣ не пришлось намъ биться. Вошли мы въ ихъ землю отъ Пскова; воевали вдоль миль на сорокъ по ливонской землѣ и вышли здоровы изъ ихъ земли въ Иванъ-городъ и принесли съ собою много корыстей ¹⁾).

Шнгъ-Алей, воротившись изъ Ливоніи, получилъ приказаніе пріостановить военныя дѣйствія, и послалъ къ дерптскому епископу написанное къ ливонцамъ воззваніе. Оно было сочинено въ такомъ смыслѣ: «Вы, Ливонцы, не исполняли обѣта своего и долга передъ государемъ; царемъ всея Русіи и за то государь царь всея Русіи послалъ на васъ рать свою. Случилась война и кровопролитіе. Вы, Ливонцы, сами своею неправдою навели это горе на свою землю. Вы ничего не сдѣлаете противъ царской силы. И такъ, если хотите, чтобъ ваша земля не была въ разореніи, совѣтую вамъ, посылайте скорѣе посольство съ обѣщанными деньгами къ государю, поклонитесь ему и просите у него милости; а я, со всеми воеводами, князьями, стану просить государя, чтобъ онъ не велѣлъ проливать въ Ливоніи человѣческой крови ²⁾».

Уже Ливонцы и безъ того были готовы откупиться деньгами отъ бѣды; они испытали, что увертками нельзя отдѣлаться отъ московскаго государя, а заступничество императора, на котораго иные такъ было рассчитывали, не заслонило ихъ отъ московской и татарской рати.

По полученіи письма Шнгъ-Алея, епископъ съехалъ съ гермейстеромъ, и въ Венденѣ въ великій постъ собрался чрезвычайный сеймъ. Сначала бароны разногласили и спорили. Одни говорили: «соберемъ войско, и послѣ пасхи, какъ откроется весна, пойдемъ опустошать московскую землю, отметимъ за пролитіе нашей невинной крови. Наши отцы обращали къ бѣгству

¹⁾ Вотъ какъ разсуждаетъ Курбскій о нравственныхъ причинахъ, доведшихъ ливонское общество до такихъ бѣдъ: «Пошеже тамъ земля зѣло богатая и жители въ пей быша такъ горды зѣло, иже я вѣры христіанскія отступили, и обычаевъ, и дѣлъ добрыхъ праотцевъ своихъ поудалились и ринулись все къ широкому и пространному пути, сирѣчь къ пьянству многому и невоздержанію, и ко долготому спанію, и лѣнству, къ неправдамъ и кровопроливанію междоусобиному, яко есть обычай презлыхъ ради догматовъ, таковыми и дѣламъ послѣдовать. И сихъ ради, мню, и не попустилъ имъ Богъ быти въ покою и въ долготу дней владѣти отчизнами своими.» Курбскій, 1, 69.

²⁾ Russow, 53.

этих варваровъ; и теперь не такъ они сильны, чтобъ нельзя было ихъ побѣдить и одолѣть.»

Но другіе говорили; «если мы будемъ воевать, то война навлечетъ насъ къ издержкамъ и тратамъ: врагъ силенъ; купленный несправедливый миръ лучше справедливой войны. Лучше соберемъ талеровъ тысячъ шестьдесятъ и пошлемъ царю, это еще не такая потеря, чтобъ не могла вознаградиться во время мира и тишины.»

Но тогда на небѣ страшно блистала комета; наводила она страхъ своею продолговатою метлою и зловѣщими, мертвящими лучами. Миѣние въ пользу мира одержало верхъ ¹⁾.

Но денегъ достать было не такъ легко. Орденъ недавно потратился въ междоусобной войнѣ съ архіепископомъ, а потомъ въ войнѣ съ поляками. Архіепископъ не могъ собрать доходовъ со своихъ имѣній. Казна дерптскаго епископа была подорвана его предшественникомъ, который не только увезъ съ собою то, что было въ наличности, но еще заложилъ епископскія имѣнія. Города взялись тогда выручать Ливонію изъ бѣды. ²⁾ Ревель, Рига и Дерптъ сдѣлали складчину и собрали, по извѣстію Руссова, 40,000 талеровъ ³⁾, а по извѣстію Ніестета 60,000. Последнее сказаніе должно быть вѣроитѣе, потому что Ніестетъ былъ при этомъ дѣйствующимъ лицомъ. «Городъ Дерптъ далъ 10,000,—я самъ считалъ эти деньги, говоритъ Ніестетъ; такимъ образомъ было тогда по запискѣ вложено всего на-все 60,000 талеровъ: я самъ находился при этомъ, а мой тесть, бургомистръ, Дитмаръ Майеръ далъ отъ себя 500 талеровъ.» ⁴⁾

Прежде всего отправили передоваго гонца просить объ опасной грамотѣ для пословъ, котораго лѣтопись русская называетъ Степаномъ Лыстаревымъ, нѣмчиномъ.

Сохраняя видъ справедливости, московское правительство хотѣло постоянно держаться такого тона, что не желаетъ войны, ведетъ ее только покрайней нуждѣ и всегда радуется возможности примириться; поэтому оно приказало немедленно прекратить всякія военныя дѣйствія, и гонецъ, возвращаясь изъ Москвы,

¹⁾ Bredenb. 19.

²⁾ Russow. 54. Thom. Hiarn, 213.

³⁾ Russow. ibid.

⁴⁾ Nyest. Monum liv. II, 49.

получилъ письмо къ гермейстеру и ко всей нѣмецко-ливонской землѣ. Въ письмѣ объявлялся «путь чистъ» посланъ для прїѣзда и отъѣзда.

Послани отправлены были четверо особъ отъ гермейстера, а двое отъ епископа, да съ ними былъ канцелярскіе чиновники. ¹⁾ Ливонцы ²⁾ знали, что москва негодуетъ болѣе противъ лютеранъ, чѣмъ противъ католиковъ. Московское правительство казалось раздраженнымъ за оскорбленіе церковной святыни,—это обстоятельство болѣе всего доставило ему благовидности въ его придиркахъ; а оскорбленія святыни въ русскихъ церквяхъ причиняли не католики, но протестанты ругаясь надъ русскими церквами заурядъ съ католическими. Протестантское иконоборство равнымъ образомъ возбуждало омерзѣніе въ русскихъ православныхъ, какъ и въ благочестивыхъ католикахъ. Казалось благоразумнымъ отправить въ Москву такихъ пословъ, которые бы имѣли въ этомъ дѣлѣ съ москвичами общихъ враговъ и къ этимъ врагамъ могли-бы высказать москвичамъ одинаковое негодование. Поэтому-то отъ епископа былъ выбранъ посломъ дерптскій деканъ докторъ, Вольфгангъ Загеръ, ревностный католикъ ³⁾. Онъ ѣхалъ безъ сомнѣнія съ тѣмъ, чтобы расположить царя къ католической Ливоніи и всю вину свести на лютеранскую партію; но отъѣхавши пятьдесятъ верстъ отъ ливонской границы, этотъ будущій миротворецъ умеръ. Мѣсто его заступилъ сопровождавшій его дворянинъ (называемый въ русскихъ лѣтописяхъ Ганусомъ), также католикъ. Они прїѣхали съ деньгами въ Москву не прежде половины мая, но тогда уже оказалось поздно. ⁴⁾ Успѣло случиться такое событіе, которое все дѣло поворотило иначе.

Воеводы, что находились въ Пванъ-городѣ, получили царское приказаніе не воевать Нарву, а дожидаться, пока чѣмъ-нибудь

¹⁾ Львовск. 207.

²⁾ Отъ гермейстера въ русскихъ лѣтописяхъ послы называются: Федоръ Ферпшеръ, Бѣтрехъ (въ Пикон. Бестрехъ), братъ майстеровъ, да Клуада (въ Пикон. Ключъ) Симонъ да Мельхеръ. — Львов. 221. Пикон. 309. (Гоггардъ Фрстенбергъ и Юаннъ Таубе—Bichter, I, Th. II, v. 329.

³⁾ «Erat strenuus catholicae religionis, vindex... ita ut Lutheranae factionis sectatores eum Livoniae papam appellarent.» Bredenh. 19.

⁴⁾ А бискуповы архимандритъ юрьевскій Белва, да Ганусъ Пванъ, да Власть Бека и Клауна архимандритъ на дорогѣ померли.» Львовск. V, 221.

окончить свое дѣло ливонское посольство въ Москвѣ. Они сидѣли мирно въ своемъ Иванъ-городѣ. Въ Нарвѣ, которая отдѣлялась отъ Иванъ-города только одною рѣкою, находился нѣмецкій гарнизонъ. ¹⁾

Наступилъ великій постъ. Нѣмцы со стѣнъ своихъ увидали толпу народа въ Иванъ-городѣ: русскіе Богу молились. Нѣмцы гуляли и веселились. Нѣмцы эти были лютеране и не любили постовъ и внѣшняго богослуженія. Имъ показалось смѣшно и досадно, что русскіе собираются толпою въ церковь. Съ-пьяпа, забавы ради, лютеране пустили со стѣнъ по православнымъ картечи. Другіе изъ ихъ собратій, не узнавши въ чемъ дѣло, но услышавши выстрѣлъ, заключили, что вѣрно окончилось постановленное перемиріе и начинается съ русскими перестрѣлка, въ свою очередь дали залпъ по Иванъ-городу и убили нѣсколькихъ русскихъ. Воеводы сохраняли съ точностью приказаніе не начинать войны и не отвѣчали нѣмцамъ. Немедленно отправили они къ государю гонца, съ извѣстіемъ о томъ, что произошло, а въ городъ послали просить объясненія. «Что это значитъ?—вы просили опасной грамоты; опасная грамота дана, а вы стрѣляете?» Такъ спрашивали русскіе нѣмцевъ. Изъ Нарвы отвѣчали, что это фогтъ стрѣлялъ и горожане не могутъ его унять. ²⁾ Затѣмъ повторилось еще тоже самое. Русскіе опять не отвѣчали, спокойно терпѣли, какъ ихъ били со стѣнъ. Наконецъ, въ концѣ вербной недѣли, въ апрѣлѣ, пришла царская грамота къ воеводамъ и дьяку ³⁾: царь приказывалъ стрѣлять по Ругодиву со всего наряду, но по ливонскимъ украинамъ не велѣлъ воевать. Ругодивъ нарушилъ миръ, такъ одинъ Ругодивъ и долженъ отвѣчать. Тогда русскіе усердно стали метать въ городъ каменные ядра, и въ городѣ сдѣлался мятежъ. Черной народъ кричалъ противъ рыцарей и фогта и изъявлялъ готовность отдаться во власть русскому государю. Сторону его приняли нѣкоторые и знатные горожане; другіе противились. Двое ратмановъ были расположены и другихъ располагали къ поддан-

¹⁾ «...trecentos milites, et centum quinquaginta equites.» Bredenb. 49.

²⁾ «Князецъ стрѣляетъ и намъ его не уняти.» (Шкопов. 303). Vogt v. Jergen (Nyest).

³⁾ Воеводами были: Князь Григорій Григорьевичъ Куракинъ, да Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ, а дьякомъ Шестагъ Воронинъ.

ству Москвѣ. Одинъ назывался Іоакимъ Крумгаузенъ, другой Аридтъ фонъ Деденъ. Оба они получали прежде того отъ царя грамоты на свободную торговлю по Россіи и теперь ожидали для себя большихъ выгодъ и милостей отъ царя ¹⁾, если и окажутъ ему свое доброжелательство. Подъ вліяніемъ русскихъ каменныхъ ядеръ партія примирительная взяла верхъ. Въ великую субботу, 9-го апрѣля, Нарва послала просить переговоровъ. Прекратили стрѣльбу.

Въ русскій городъ явились двое нарвскихъ городовыхъ ратмановъ, которыхъ лѣтопись называетъ посадниками ²⁾, съ товарищами. Первый изъ нихъ былъ Іоакимъ Крумгаузенъ, другой называется у нашего лѣтописца Захаръ Ванденъ (Аридтъ фонъ Деденъ).

Бьемъ челомъ, сказали они, отъ имени всего города, чтобъ государь насъ пожаловалъ и вины намъ отдалъ; пусть государь возьметъ насъ на свое имя. Мы не стоимъ за князца (фогта), онъ воровалъ на свою голову. Мы отстаемъ отъ мастера и всей ливонской земли. Освободите насъ ѣхать къ государю, а мы оставимъ вамъ въ залогъ людей.

Воеводы приняли просьбу; пѣмцы отправились въ Москву, а въ Иванъ-городѣ оставили заложниками двухъ чиновныхъ своихъ товарищей. ³⁾

Крумгаузенъ и фонъ Деденъ прибыли въ Москву 1-го мая. Царь уже зналъ, зачѣмъ они пріѣхали; Иванъ-городскіе воеводы извѣстили его заранее. Царь приказалъ Адашеву и дяку Михайлову распросить въ чемъ ихъ челобитье. Думая, что быть-можетъ, дѣло уладится и безъ крайнихъ рѣшительныхъ мѣръ, безъ отдачи Нарвы въ подданство Россіи, вѣмцы стали было хитрить, просили милости, но уклонялись отъ предложенія отстать отъ гермейстера и всей ливонской земли.

Но Адашевъ самъ имъ объ этомъ напомнилъ и сказалъ:

— Вы черезъ опасную грамоту стрѣляли по государеву городу и по государевымъ людямъ и сами потомъ въ своей нуж-

¹⁾ Penning. Script. rer. Liv. I, 338.

²⁾ «. Посадниковъ Якимъ Кромпыша да Захара Вандена съ товарищи... (Никоновская лѣт. 303.)

³⁾ ...а на Иване городе посадилъ в закладѣ у воеводъ полатниковъ своихъ лучшихъ людей Ивана Бѣлаго да Ашпираче... (Никоновск VII, 303.

дѣ уже били челомъ, что отстаеете отъ мейстера и хотите быть въ государевой воли. Пышѣ же воля государева такова: выдайте вашего князьца изъ Вышгорода (верхняго замка), сдайте Ругодивъ съ Вышгородомъ нашимъ воеводамъ; тогда государь васъ пожалуетъ, не разведетъ васъ пѣзъ дѣмовъ, ни вольностей не порушитъ, ни старины вашей, ни торгоу вашего, а государевы воеводы стануть владѣть Вышгородомъ и Ругодивомъ и всѣми ругодивскими землями, какъ владѣли у васъ мейстеръ и князецъ. Иначе этому дѣлу не бывать.

Нѣмцамъ нечего было перечить; ясно было, что въ Москвѣ уже все знаютъ—и они на все дали согласіе.

Царь позвалъ ихъ лично къ себѣ. На этотъ разъ они уже прямо и ясно били челомъ, чтобъ государь взялъ Ругодивъ и Вышгородъ со всею ругодивскою землею, а съ фогтомъ пусть поступить, какъ угодно: или велитъ его взять, или выпустить. Они, какъ видно, хотѣли снять съ себя обязанность доставлять фогта въ руки московитянамъ, но не были расположены постоять за него, ни хлопотать о его судьбѣ.

Въ ихъ руки выдали жалованную государеву грамоту всему Ругодиву со всею ругодивскою землею; а они за Вышгородъ и Ругодивъ со всею ругодивскою землею цѣловали крестъ государю, царю и великому князю всея Русіи и его благороднымъ дѣтямъ. Эти послы были отпущены съ честью. Съ ними поѣхалъ Федоръ Писемскій и повезъ воеводамъ грамоту: въ ней приказывалось защищать Ругодивъ и ругодивскую землю отъ гермейстера и его ордена.

Но подѣ Нарвой въ это время опять иначе повернулись обстоятельства. Когда ни откуда не было надежды, большинство, въ виду погибели, соглашалось отдаться царю; но русскіе перестали палить, прошло времени столько, что жители отдохнули;—тогда начались толки, какъ-бы вывернуться изъ бѣды. Послали просить помощи къ Готгарду Кетлеру, коадьютору гермейстера, феллинскому командору. Кетлеръ далъ приказаніе собирать гаррійскую и вирландскую земщину (*Landsassen*) и спѣшить на выручку Нарвы ¹⁾. По его распоряженію, ревелскій командоръ, Францъ фонъ-Зеегафенъ, послалъ впередъ рижскихъ и ревелскихъ кнехтовъ (наемное содержимое городами войско).

¹⁾ Nyest. 49.

Они вошли въ городъ 30 апрѣля и усилили гарнизонъ. Самъ фонъ-Зеегафенъ съ гаррійскимъ и вирландскимъ рыцарствомъ сталъ лагеремъ за четыре мили отъ города съ тѣмъ, чтобы подать помощь городу, когда окажется нужно ¹⁾). Вмѣстѣ съ нимъ былъ и Готгардъ Кетмэръ. Когда воеводы по царскому повелѣнію объявили ругодивцамъ царское жалованье и обещаеиъ беречь ихъ отъ мастера, въ отвѣтъ на такое миролюбивое заявленіе явился къ нимъ ратманъ, котораго лѣтописецъ называетъ Ромашкомъ; съ нимъ пришло четверо товарищей. Онъ сказалъ:

«Мы не посылавали тѣхъ, что ѣздили къ царю; мы и не хотимъ отставать отъ мастера».

— Такъ вы съ нами и поговорите объ этомъ,—сказалъ имъ Адашевъ, — останьтесь здѣсь, пока Якимъ и Захаръ ирѣдутъ отъ царя и покажутъ вамъ договоръ ²⁾).

Велѣдъ за тѣмъ воеводамъ объяснилось, что значитъ эта перемѣна. Еще прежде отрядили они сторожу за рѣку Нарову наблюдать, не будетъ-ли вспоможенія Нарвѣ. Сторажѣ велѣно дать знать тотчасъ, какъ только что-нибудь въ эгомъ родѣ окажется. Сторожа узнала, что приближается къ Нарвѣ фонъ-Зеегафенъ, дала знать воеводамъ. Чтобы не дать нѣмцамъ смять русской сторожи, воеводы отрядили ей на посилокъ еще отрядъ. Но когда Зеегафенъ появился, то биться съ нимъ на другой сторонѣ рѣки показалось невозможно. Пришлось переправиться назадъ. Русскіе начали обратную переправу; нѣмецкій отрядъ догналъ ихъ; не успѣвшихъ переправиться захвачено человекъ со сто ³⁾). Русскіе съ своей стороны взяли тридцать три человекъ нѣмцевъ въ плѣнъ. Въ разспросѣ эти нѣмцы сказали: ругодивцы измѣнили государю, отпустили пословъ къ царю, а сами потомъ просили мастера, чтобы онъ ихъ не выдавалъ, а мастеръ прислалъ князьца колыванскаго (командора), съ нимъ 1700 человекъ, тысяча конныхъ и семь сотъ пѣшихъ, и все ругодивцы цѣловали промежъ себя крестъ, чтобы имъ не сдаваться царю и великому князю. Однако, на самомъ дѣлѣ, прибывшіе въ Нарву воины не слишкомъ много могли подавать надежды. Предводитель

¹⁾ Henning 223.

²⁾ Никонов. 305.

³⁾ Русская лѣтопись увѣряетъ, будто нѣмцевъ, напавшихъ на нихъ, было человекъ тысячу, но это, какъ кажется, ошибка.

ревельцевъ, Вульфъ фонъ-Страсбургъ, разсудилъ за благо уклониться отъ опасности и 3-го мая ушелъ въ Ревель. За нимъ послѣдовали подчиненные ему офицеры, трубачи и барабанщики ¹⁾.

Послѣ стычки съ отрядомъ Зеегефена и послѣ обратнаго отвода стражи за рѣку, 11-го мая, въ Нарвѣ сдѣлался пожаръ. Загорѣлось у цирюльника; назывался онъ Кордтъ Фолькенъ; варилъ онъ пиво ²⁾. По русскимъ извѣстіямъ у него были тогда новоприбывшіе рижане. Они увидѣли русскую икону Богородицы; икона была оставлена русскими купцами, которые когда-то квартировали у хозяина. Они были лютеране и, подгулявши, стали надъ иконою глумиться. Этотъ болванъ — сказалъ нѣмецъ — поставленъ ради русскихъ купцовъ; теперь его не нужно; истребимъ его. Нѣмецъ снялъ икону со стѣны и бросилъ въ огонь. Вдругъ пламя поднялось изъ-подъ котла къ верху и потолокъ загорѣлся. Воздухъ до того времени былъ чистъ и тихъ, а какъ сдѣлался пожаръ, поднялся вѣтеръ, и пламя понеслось въ разные стороны по городу. Предводитель рижскихъ кнехтовъ, Вольфъ Зингегофъ, отправилъ двоихъ изъ своихъ подчиненныхъ въ лагерь къ ревельскому и феллинскому контурамъ, Спѣшите, наказывалъ онъ имъ: «не жалѣйте лошадей; постъ господина контуры немедленно съ своими войнами придутъ выручать городъ; а то враги, какъ увидятъ свою выгоду въ нашемъ пожарѣ, то спать не станутъ.» Часть кнехтовъ межъ-тѣмъ поставили у вирскихъ воротъ, а остальныхъ въ боевомъ порядкѣ на рыночной площади. Строеніе въ Нарвѣ было большею частію деревянное и огонь распространился быстро. Народъ — вмѣсто того, чтобы по приказанію кнехтовъ бѣжать за водою и тушить пожаръ, — схватывалъ свои пожитки и толпами спасался въ замокъ. Скоро въ замкѣ стало тѣсно. Тогда Зингегофъ поставилъ двѣ роты кнехтовъ, чтобы не пускать болѣе народа въ замокъ. Неуспѣвшіе туда вбѣжать расположились во рву около стѣны замка. Часовъ въ 10 городъ былъ обнятъ пламенемъ и всѣ кнехты, стоявшіе на площади, убѣжали въ замокъ. ³⁾. Изъ Иванъ-города русскіе увидѣли пожаръ въ Нарвѣ и бросились черезъ рѣку, кто въ лодкѣ, кто на доскѣ; иные ворота отъ дво-

¹⁾ Mittheilungen VIII, 51.

²⁾ Пяконов. VII, 307. Nyest 49.

³⁾ Warhäftige Bericht Mittheilungen, VIII, 55.

ровъ отвѣспля, сѣли на нихъ и стали переправляться; а между тѣмъ изъ Иванъ-города въ предмѣстіе Нарвы пустили въ изобилии каменные ядра и пули. Изъ нарвскаго замка также стали было отстрѣливаться, но на бѣду вѣмцамъ часть орудій оставлена была на городскихъ стѣнахъ, отрѣзанныхъ отъ замка пожаромъ въ городѣ, а изъ восьми орудій, находившихся въ замкѣ, повредились двѣ пушки стоявшія на башнѣ, носившей названіе Длиннаго Германа; одну изъ нихъ розорвало, а другую отъ разрыва первой сбило съ лафета ¹⁾. Русскіе выперли желѣзные городскія ворота и насыпали въ городъ. Горожане, уже и безъ того сбитые съ толку внезапнымъ пожаромъ, не отражали непріятеля и прятались во рву; другіе просили у побѣдителей пощады. Видя, что отпору давать некому, русскіе стали тушить пожаръ. Говорятъ, тогда русскіе нашли образъ Николы чудотворца: онъ лежалъ лицомъ къ огню и оставался не поврежденнымъ, и какъ только подняли его—пожаръ сталъ утихать самъ собою ²⁾.

Между-тѣмъ, получивши извѣстіе отъ Зингегофа, Зеегафенъ послалъ передовой отрядъ къ Нарвѣ и въ слѣдъ за нимъ двинулся самъ съ оружіями. Время было послѣ обѣденное. Тутъ нѣкоторые изъ гаррійскихъ и впрландскихъ дворянъ стали останавливать предводителя и подавали такой совѣтъ: «смотрите, какъ бы это не хитрость непріятеля: насъ съ умысломъ хотятъ выманить изъ лагеря, а потомъ ударить на насъ изъ нарочно-устроенной засады. Нѣкоторые изъ нихъ увѣрили, что знаютъ хорошо мѣстность и говорили, что она удобна для такой засады. По ихъ совѣту рѣшились не идти далѣе и выдумали себѣ отговорку, что скоро наступитъ ночь. Между-тѣмъ отрядъ, посланный Зеегафеномъ впередъ, дошелъ за цолмпи отъ города и повернулся назадъ съ утѣшительною вѣстію: пожаръ уже прекратился и опасность миновалась для Нарвы. Они дѣйствительно замѣтили издали, что огонь въ городѣ потухъ, но не узнали отчего потухъ онъ и не догадались, что его потушили русскіе.

Вышло такимъ образомъ, что отправленные на выручку Нарвы, покинули ее на погибель въ рѣшительную минуту; тѣ-же, которые заперлись въ замкѣ, продолжали отстрѣливаться отъ

¹⁾ Mittheilungen 86.

²⁾ Курбск. 1, 73. Львова лѣтоп., 217.

русскихъ въ надеждѣ, что къ нимъ придетъ помощь. Русскіе стали напирать на ворота, не допуская нѣмцамъ сдѣлать вылазки; кнехты, защищавшіе ворота, не могли отстоять ихъ и спрятались въ замкѣ. Русскіе овладѣли пушками на веротахъ и стали палить по нѣмцамъ, и стрѣлы обильно летѣли въ замокъ. Осажденные сначала подкрѣпляли себя молитвами, которыя пмъ читалъ нарвекій предикаптъ Зуненъ; нѣсколько времени все еще думали они держаться и надѣялись: авось къ нимъ придутъ на выручку. Но вотъ явился на воротахъ одинъ изъ нарвекскихъ горожанъ, Бартольдъ Вестерманъ и сказалъ: «меня послали русскіе воеводы; они предлагаютъ вамъ сдать замокъ и обѣщаютъ выпустить и фогта съ его слугами и лошадьми, и всѣхъ ландскнехтовъ съ ихъ женами и съ дѣтьми, и съ имуществами; а которые горожане пожелаютъ остаться на своихъ мѣстахъ, тѣмъ царь обѣщаетъ построить изъ своей казны домъ лучше тѣхъ, что у нихъ сгорѣли.

Гарнизонъ все еще не сдавался, и ожидалъ съ минуты на минуту помощи. Вестерману отвѣчали:

— Воеводы поступаютъ несправедливо; перемиріе заключено и послы наши въ Москвѣ; а они напали на насъ, пользуясь случившеюся съ нами бѣдою.

Вестерманъ ушелъ и снова воротившись, сказалъ:

— Воеводы велѣли вамъ объявить, что Богъ васъ покаралъ за ваши грѣхи; божія воля надъ вами свершилась; самъ Богъ отдалъ васъ намъ. Принимайте милость, когда ее даютъ вамъ, а то коли не примете теперь, такъ въ другое время она вамъ не дастся.

Предводители просили дать имъ время до утра подумать. Кто-то съ башни Длиннаго Германа закричалъ: «наши рыцари идутъ!» Но то была ошибка. Ему показались рыцари, а, въ самомъ дѣлѣ, то были русскіе. Воеводы никакъ не хотѣли дать нѣмцамъ срока до утра и позволять имъ думать. Они приказали, напротивъ, сильнѣе палить въ замокъ, и потомъ послали опять Вестермана.

Воеводы — сказалъ Вестерманъ—велѣли вамъ объявить, что они вамъ не дадутъ ни минуты покоя. Если замокъ возьмутъ русскіе силою, то всѣхъ васъ за собою въ плѣнъ поведутъ. Не полагайтесь на нашихъ рыцарей—прибавилъ Вестерманъ отъ себя—

между ними и вами русскія силы стоятъ. Рыцари не могутъ къ вамъ подоспѣть на выручку.

«Попроси воеводъ, хотъ немного дать намъ отдыхъ—мы сейчасъ дадимъ отвѣтъ».

Между-тѣмъ, они все еще не теряли надежды — авось придутъ рыцари.

Стали осажденные совѣтоваться, а русскіе не переставали стрѣлять въ замокъ, чтобъ совѣтъ у нѣмцовъ шолъ носкорѣе.

У насъ мало запасовъ — стали разсуждать на военномъ совѣтѣ въ замкѣ:—немного ржаной муки, сала и масла, да бочки три пива. А пороху такъ мало, что если хорошенько пострѣлять часъ-другой, такъ и ничего не останется. Вдобавокъ въ замкѣ тѣснота отъ народа; а множество бѣдныхъ горожанъ укрываются во рву: они отданы на произволъ враговъ. Русскіе уже овладѣли городомъ, будутъ во что бы-то-ни-стало добывать замокъ, а пзъ Иванъ-города палить стануть безъ-устали; на рыцарей же плоха надежда. Какая польза будетъ всему краю, когда мы станемъ защищать замокъ?—Защищать его не сможемъ, а только пропадемъ всѣ!

Брѣфъ-маршалокъ ¹⁾ замѣтилъ:—Кто же намъ поручится, что мы останемся цѣлы, если сдадимся? Русскіе не сдержатъ обѣщанія и всѣхъ насъ побьютъ!—

— Если ужъ наша такая судьба — возразили ему—если намъ такъ или пначе, а все-таки приходится погибать, то лучше въ полѣ, чѣмъ въ этомъ замкѣ.

Не успѣли окончить своего совѣщанія осажденные, какъ Вестерманъ опять явился на воротахъ за отвѣтомъ.

«Мы, по крайней-мѣрѣ, хотимъ быть увѣрены, что насъ не побьютъ, если сдадимся» сказалъ ему.

— Вышлите на переговоры двоихъ изъ рыцарей, а двоихъ изъ бюргеровъ—сказалъ Вестерманъ;—одинъ изъ воеводъ самъ выйдетъ къ воротамъ. —

Осажденные такъ и сдѣлали. Изъ высланныхъ на переговоры былъ Зпигегофъ, передавшій разсказъ объ этихъ событіяхъ. Русскіе не думали прекращать пальбы до тѣхъ поръ, пока нѣмцы не дадутъ согласія и не считали перемиремъ времени, на-

¹⁾ Чиновникъ по порученіямъ въ орденскомъ управленіи.

значеннаго для переговоровъ. Когда спустили подъемный мостъ черезъ ровъ, окружавшій замокъ, за плечами у парламентаревъ изъ Иванъ-города былъ застрѣленъ провожавшій ихъ горожанинъ. Свиданіе проходило въ галлерей, окружавшей одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ огня домовъ.

На этомъ свиданіи постановили, что всѣ кнехты, составляющіе гарнизонъ, выйдутъ свободно съ имуществами и съ оружіемъ, но тяжелое оружіе, то есть пушки, должно остаться въ замкѣ. Жителямъ тоже дозволено было выйти съ семействами, но покинувши въ городѣ свои имущества; тѣ-же, которые добьются челомъ государю, сохранять невозбранно свое достояніе. Русскіе будутъ провожать вышедшихъ, чтобы своевольные толпы изъ русскаго войска на нихъ не напали.

Уже было поздно, когда переговоры окончились. Воевода приказалъ принести образъ, омылъ себѣ руки и поцѣловалъ образъ во увѣреніе, что сдержитъ обѣщаніе. Онъ сказалъ, что не дозволитъ ни одному русскому войти въ замокъ, пока изъ него нѣмцы не выберутся. Воевода нѣмцамъ далъ двухъ заложниковъ и взялъ отъ нихъ въ заложники двухъ нарвскихъ горожанъ.

Осажденные вышли изъ замка въ ту же ночь и когда проходили толпами черезъ русскій лагерь, уже было утро.

12-го мая, около полудня, выпущенные изъ Нарвы достигли рыцарскаго лагеря. Рыцари не знали, что Нарва уже взята, не зарекались помогать ей, когда найдутъ, что это будетъ нужно, и, вышедши изъ лагеря, стояли въ боевомъ порядкѣ, а между тѣмъ позади ихъ, у нихъ въ лагерь, сдѣлался пожаръ. Среди этой-то суматохи пришли къ нимъ выпущенные изъ Нарвы и вмѣстѣ съ ними спасали лагерь отъ истребленія, чтобы себѣ самимъ найти въ немъ отдыхъ послѣ мучительнаго дня. За кнехтами бѣжали горожане; бѣжали женщины; многія изъ послѣднихъ большія и беременныя, другія съ младенцами на рукахъ. О! какой плачъ! какой вопль поднялся тогда, говорить современникъ! Было отъ чего плакать. Несчастные горожане разомъ лишились всего достоянія, пажитаго трудами многихъ лѣтъ, за избавленіе себя и своего потомства отъ несчастія быть рабами московскаго царя, который представлялся воображенію нѣмцевъ чуть не дикимъ чудовищемъ.

Тогда фонъ-Зеегафенъ и Кетлеръ разсудили, что Нарвѣ по-

могать уже печего; они двинулись со своимъ войскомъ къ Везенбергу; за ними пошелъ и выпущенный изъ Нарвы гарнизонъ. Въ Везенбергѣ присланные отъ гермейстера послы стали разбирать: кто виноватъ въ сдачѣ Нарвы. Кнехты, сдавшіе замокъ, жаловались на рыцарей, что они имъ не помогли въ минуты опасности, а рыцари сказали, что, получивъ извѣстіе о пожарѣ въ Нарвѣ, они посвѣщили-было, но тутъ прислалъ къ нимъ нарвскій бюргермейстеръ Германъ-Цу-дербъ-Мэленъ поселянина съ письмомъ: извѣщала, что опасность миновалась, пожаръ потушили, а неприятель не думаетъ вовсе нападать на нихъ. Незвѣстно, правду-ли говорили рыцари, а если было такъ, то несомѣнно, что въ Нарвѣ существовала партія сторонниковъ русскаго владычества и такое письмо писано было челоувкомъ этой партіи ¹⁾). Недолго оставалось рыцарство въ Везенбергѣ: и его покпнули на произволъ судьбы, какъ Нарву.

Ободренные успѣхомъ, русскіе воеводы черезъ нѣсколько дней двинулись дальше, и 25-го мая осадили Сыренскъ (Нейшлотъ). Замокъ былъ укрѣпленъ. Воеводы не надѣялись сладить съ нимъ одни; они стали отъ него за пять верстъ и послали во Псковъ къ боярамъ и въ Новгородъ къ намѣстнику, князю Федору Троекурову, просить, чтобъ они приходили туда-же съ войскомъ, а межъ-тѣмъ впередъ послали отрядъ засѣчь дорогу изъ Ревеля на случай, если оттуда вздумаютъ подавать нѣмцамъ помощь. Въ ожиданіи свѣжихъ силъ изъ Новгорода и Пскова, воеводы обставили городъ съ двухъ сторонъ турами; по окнамъ въ тѣрахъ помѣтили стрѣльцовъ, которые должны были стрѣлять изъ пищалей, а промежъ турами устали пушки. Юня пятого пришелъ къ нимъ Троекуровъ и они открыли разомъ пальбу; на другой день фогтъ нейшлотскій (князецъ сыренскій) просилъ остановить нападентіе, дозволить сдать городъ и выйти. Воеводы согласились, но съ тѣмъ, что все, кто будетъ уходить, оставятъ въ городѣ и свое оружіе, и свое имущество. Фогтъ и его ратные люди такимъ образомъ вышли изъ города. Нейшлотъ былъ занятъ русскими. Тогда черные люди изъ всего околотка, по происхожденію чухны, являлись толпами въ русскій лагерь и просили принять ихъ въ подданство. Они вовсе не питали сочувствія къ

¹⁾ Mittheilung. VIII. 62

нѣмцамъ и не находили полезнымъ для себя стоять за орденъ. Даже и многіе изъ тѣхъ, что были нѣмцами по происхожденію, добровольно учинялись тогда въ холопствѣ у государя, по выраженію лѣтописи ¹⁾. Еще легче было взять другой, дальнѣйшій городъ Адежь (Тольсбургъ?) ²⁾ Фогтъ. Генрихъ фонъ-Келленбахъ ушелъ оттуда, не дождавшисъ непріятеля. Отсюда воеводы послали четырехъ головъ со стрѣльцами и дѣтьми боярскими, которые взяли Ракоборъ (Везенбергъ), и тамошній фогтъ, по имени Гердтъ Гюбнъ фонъ-Апстеритъ, ушелъ. За нимъ послѣдовали всѣ жители и оставили Везенбергъ совсѣмъ пустымъ. Они ушли въ Данію и утѣшали себя надеждою, что датскій король за нихъ заступится и отниметъ у москвитянъ завоеванное ³⁾. Отряженные воеводами головы переписали весь народъ и запасъ. И сюда приходили черные люди изъ околотка и добровольно отдавались во власть государя.

Такимъ образомъ пространство отъ Чудскаго озера до моря, берега озера и полоса, соприкасавшаяся теченію Наровы, присоединились къ Московіи. Царь получалъ веселыя извѣстія за извѣстіями о блестящихъ успѣхахъ своихъ войскъ; онъ велѣлъ по всему своему царству пѣть молебны съ колокольнымъ звономъ, а воеводамъ въ Ливоніи приказывалъ завоеванные города очищать отъ латинской и лютеранской прелести и строить тамъ православныя церкви. Въ городѣ Нарвѣ начали строить церковь пречистой Богородицы и въ замкѣ церковь Воскресенія. По приказанію царя, архіепископъ новгородскій посылалъ туда юрьевскаго архимандрита заложить эти церкви и освятить городъ обхожденіемъ вокругъ него съ крестомъ и образами. Въ Сырнекѣ построена церковь Троицы. Разрушенныя укрѣпленія городовъ были снова поправляемы и въ нихъ оставались гарнизоны изъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. Такъ въ Везенбергѣ русскіе разобрали близъ лежавшіе монастыри и дома и употребили на постройку стѣнъ. Весь городъ обведенъ былъ толстою стѣною съ башнями и бойницами, въ стѣнахъ и башняхъ были комнаты, гдѣ могли сидѣть зачинщики ⁴⁾. Чтобъ приласкать народъ,

¹⁾ Львова лѣт. 225.

²⁾ Rutenberg. II, 449.

³⁾ Russow, 54.

⁴⁾ Russow, 54.

царь велѣлъ успокоивать его, объявлять, что все останутся на своихъ мѣстахъ и даже приказалъ возвратить и водворить на мѣстѣ прежняго жительства всѣхъ нарвскихъ плѣнниковъ. Московское правительство должно было увидѣть, что сила царя и безсиліе ордена заключались въ черномъ народѣ Ливоніи; кромѣ поселивъ, которые покорялись царю тотчасъ послѣ взятія тѣхъ городовъ, къ которымъ они прежде тянули, приходили чухны и латыши изъ другихъ далекихъ волостей и изъявляли охоту быть въ подданствѣ у московскаго государя ¹⁾).

Ливонскіе послы явились съ деньгами въ Москву въ то самое время, когда царь получилъ уже извѣстіе о взятіи Нарвы. И притомъ, явились они съ намѣреніемъ заплатить сколько возможно менѣе, тогда какъ царь, по положенію дѣлъ, могъ съ нихъ требовать сколько возможно болѣе.

— Дерптское епископство разорено — говорили послы, — много лѣтъ пройдетъ, пока мы поправимся; не можемъ собирать поголовной дани; пусть государь пожалуетъ насъ; уже ратные люди взяли въ Ливоніи больше, чѣмъ сколько даже слѣдовало собрать. Мы просимъ, чтобъ дани съ насъ не брать поголовно, а согласны заплатить разомъ опредѣленную сумму за все недоимки ²⁾).

— Это правда, — отвѣчали имъ, — что наши собрали больше, чѣмъ сколько съ васъ слѣдовало; но вамъ данъ былъ опасъ, и мы войну приостановили; а ваши послѣ опасы цѣлыя двѣ недѣли изъ Ругодива стрѣляли по Иванъ-городу и людей нашихъ побивали; за это царь приказалъ добывать Ругодивъ, и Богъ намъ послалъ свое милосердіе: воеводы царицы Ругодивъ взяли, и государь велѣлъ воеводамъ промышлять и надъ другими городами, сколько Богъ поможетъ. Нельзя вамъ вѣрить, — вы даете правду и во всемъ лжете. А если вашъ мейстеръ и все рыцари и бискупы хотять отворотить глѣвъ государя и его ратную силу отъ земли своей, пусть самъ мейстеръ и бискупы едѣлаютъ такъ, какъ едѣлали царь казанскій и астраханскій, пусть сами лягутся къ царю и ударятъ челомъ всею Ливонскою землею, а потомъ поступятъ такъ, какъ угодно будетъ царю ³⁾).

¹⁾ Львова. 227.

²⁾ Russow, 54.

³⁾ Карамзинъ VIII, прим. 386, к. на кенигсбергск. бум., донесенія по-словъ, 4 № 698 и 699. — «Sollten sie thun als di Kaisers zu Kasan und

Впрочемъ бояре, кажется, сочли удобнымъ на этотъ разъ сбавить свой высокій запросъ и соглашались принять предлагаемую сумму, но въ придачу требовали, чтобы Ливонія уступила царю завоеванныя его войсками области ¹⁾. Послы не имѣли полномочія на такія уступки и не дали согласія. Ихъ отпустили съ ихъ деньгами.

Послѣ того, какъ русскіе завоевали сѣверную часть Ливоніи, пограничную Россіи, другое войско двинулось въ ливонскій край южнѣе. Оно пошло изъ Пскова подъ главнымъ предводительствомъ князей Петра Ивановича Шуйскаго и Федора Ивановича Троекурова ²⁾ прямо къ Нейгаузу. Гермейстеръ Фирстенбергъ сталъ лагеремъ близъ Кяремне; у него было двѣ тысячи орденскаго войска и тысяча епископскаго. Раскинувши тамъ шатры, рыцари простояли двадцать четыре дни, мало заботясь о грядущемъ, гуляли и прохлаждались ³⁾; не обращали они большого вниманія и на то, что въ Нейгаузѣ было только 600 человекъ воиновъ, да толпа прибѣжавшихъ изъ околота жителей обоаго пола, которые, какъ всегда бываетъ въ осадахъ, только увеличивали тяжесть осаднаго положенія, а не помогали военному дѣлу. Нейгаузъ защищался упорно. Нѣмцы, говоритъ лѣтописецъ, засѣли на смерть. Воеводы обставили городъ турамп и въ продолженіе трехъ недѣль палили въ него. Туры, будучи подвижными, приближались все болѣе и болѣе къ стѣнамъ, наконецъ дошли до самыхъ стѣнъ. Одну башню (стрѣльницу) сбили съ основанія пушками, потомъ сдѣлали пробой въ городской

Asterkan einer v. kriegten, und auch der Kaiser Schih — Alej selbst, mechtige HERN gethan hetten und vor dem Grossfürsten komet mit dem Tins aus dem gantzen Lande zu Liffland ihrer Key. Grosmajest, das Haupt schlagen und ferner thun, was ihre Key. Grosmaj. von ihnen wurde begeren.»

¹⁾ Nyest. 50.

²⁾ «Да въ большемъ же полку со княземъ Петръ Николаевичемъ воевода Андрей Ивановичъ Шейпъ, въ передовомъ полку бояринъ князь Андрей Михайловичъ Курбскій, да воевода Данило Федоровичъ Адашевъ, въ правой рукѣ бояринъ князь Василій Федоровичъ Серебряной да Богданъ Юрьевъ сынъ Сабуровъ, съ лѣвой кн. Петръ Щепиль Оболенскій, да Вас. Вас. Разладинъ-Кашпиль, въ сторожевомъ полку кн. Григорій Иван. Темкинъ да кн. Григорій, голова Звенигорскій». Львова 229.

³⁾ Ibidemque ad dies viginti quatuor morantes, omne tempus quieti et luxuriae concedunt.» Bredenb. 20.

стѣнѣ, а стрѣльцы съ турами стали у стѣнъ такъ близко, что могли вскочить съ туръ на стѣны. Тогда пѣмцы покинули городъ и заперлись въ замкѣ. Русскіе, овладѣвши городомъ, со всѣхъ сторонъ окружили замокъ и стѣснили осаждаемыхъ до крайности. Стрѣльба не прекращалась; люди падали; наконецъ осажденные потеряли всякую возможность защищаться и 30-го іюня русскіе взяли замокъ ¹⁾. Начальникъ пейгаузскаго гарнизона, Укекиль фонъ-Шаденормъ былъ выпущенъ воеводами съ честью изъ уваженія къ его храбрости ²⁾. Всѣ жители, которые не пожелаютъ присягнуть государю, получили право удалиться. Но едва только они вышли, какъ нашла на нихъ русская шайка и обобрала ихъ. Многія женщины, дѣвѣцы были лишены одежды и пуицы продолжать свой путь нагишомъ ³⁾.

Между тѣмъ въ гермейстеровомъ лагерѣ при Киремпе происходили совѣщанія, какъ пособлять дѣлу. Въ орденской казѣнѣ, называемой дрессель ⁴⁾, денегъ не было; и потому нельзя было думать о наймѣ ппоземнаго войска. Это однако не мѣшало, какъ видно, ливонскимъ рыцарямъ, по прежнему обычаю счастливыхъ и богатыхъ лѣтъ, пировать въ лагерѣ. Гермейстеръ не зналъ о состояніи русскаго войска и не имѣлъ вѣрныхъ извѣстій о томъ, что происходитъ въ Пейгаузѣ; — у него не доставало ловкихъ людей, чтобъ взять на себя трудъ провѣдать о непріятелѣ. Въ Дерптѣ также не думали помогать Пейгаузу, хотя ясно было, что непріятель, какъ скоро возьметъ Пейгаузъ, тотчасъ подступитъ и къ Дерпту.

Ливонскіе депутаты городовъ въ Дерптѣ держали совѣтъ. Прежде всего надѣялись на императора, думали, что этотъ сильный глава западнаго міра однимъ своимъ словомъ остановитъ московское завоеваніе, но присланные недавно отзывы внушали мало утѣшительнаго. Карлъ V въ это время уже оставилъ имперію и удалился въ монастырь Юста. Преемникъ его, Фердинандъ, былъ занятъ домашними раздорами и опасался турокъ.

¹⁾ Львова. 230.

²⁾ Карамз. VIII, 276.

³⁾ Bredenb. 21... raptis virginibus et feminis illas nudos, omniique argento spoliatos dimittunt.

⁴⁾ Henning 224.

Когда въ Дерптѣ начали разсуждать, что дѣлать, одинъ предлагалъ то, другой иное, каждое предложеніе тотчасъ же встрѣчало множество неудобствъ къ исполненію. Не было надежды на внутреннія силы. Надобно было пытаться выпросить помощь отъ сосѣдей; тѣ совѣтовали обратиться къ Швеціи, другіе къ Давіи, третьи къ Польшѣ. Только дерптскій бургомистръ, Антоній Тиль, человекъ, какъ говорить о немъ современникъ, благочестивый и честный, сталъ посреди собранія, съ заплаканными глазами, и говорилъ:

— Вотъ уже много дней мы толкуемъ, какъ помочь себѣ, да, къ несчастію, ничего еще не выдумали. Скажу вамъ вотъ что: откуда бы мы ни пригласили себѣ защитниковъ—съ сѣвера или съ запада, съ сѣверовостока или съ юга—все равно: никто за насъ не захочетъ безкорыстно воевать съ москвитянами; такъ или иначе, все-таки придется намъ отвѣчать своими головами. Всего лучше и благоразуміе будетъ, если мы принесемъ все наше частное достояніе на пользу земли нашей: всѣ украшенія жевъ нашихъ, всѣ золотыя цѣпп, браслеты, все, что у насъ есть дорогаго въ запасѣ, все продадимъ,—на эти сокровища наймемъ войска и сами всѣ соберемъ на одно мѣсто, и пойдемъ противъ непріятели; не станемъ больше поступать такъ, какъ прежде дѣлалось, что бывало каждый свой уголъ берегъ и врагъ могъ по одиночкѣ всѣхъ насъ побить: оттого и земля наша такъ обезсилѣла. Если мы на это рѣшимся, то будемъ честные и храбрые люди ¹⁾).

Совѣты его не возбудили сочувствія. Въ лагерѣ при Киремпе даже говорили, что въ Дерптѣ есть измѣнники, которые хотятъ сдать городъ московскому царю, и указывали на какого то Лустферна, который будто бы тайно посылалъ въ Москву. По этому поводу, нѣсколько подозрительныхъ людей было схвачено и подвергнуто пыткѣ. Что они подъ пыткой высказали,—неизвѣстно. Дерптъ послалъ было отрядъ на помощь Нейгаузу, да эти посланные воины, видя, что Нейгаузъ не можетъ держаться и уже готовъ сдаться непріятели, для собственной безопасности, поспѣшили во своей съ распущенными знаменами. Когда ихъ упрекали: зачѣмъ они не держались, они отвѣчали, что Ней-

¹⁾ He ning, 22.

цамъ русскіе распускали слухъ, будто у нихъ войска тысячь триста; въ самомъ же дѣлѣ, какъ показываетъ современникъ ¹⁾, у нихъ было тысячь съ тридцать московскихъ и татарскихъ силъ, да тысячь двѣнадцать стрѣльцовъ. Въ Дерптѣ заперлись вооруженные дворяне епископскаго удѣла; къ нимъ пристали на помощь охотники. Предложеніе Шуйскаго отвергли: думали защититься. Запаеовъ у нихъ было много и стало бы на долгое время. Надѣялись, что гермейстеръ поправится и явится имъ на выручку. Чрезъ нѣсколько дней возвратился въ русскій лагерь посланный отрядъ и привелъ языковъ: они извѣщали, что гермейстеръ ушелъ въ Кесъ (Венденъ) а войско отъ него разбѣгается ²⁾. Русскіе двинулись къ Дерпту.

А между-тѣмъ, въ виду непріятели, въ городѣ продолжались прежнія релігіозныя распри и несогласія между протестантами и католиками. Дерптскіе граждане протестанты, насильно заперли соборъ, запрещали служить обѣдню и грозилъ за это казнями. Католики вопіяли, что все настоящее бѣдствіе постигаетъ Ливонію за отпаденіе отъ отеческой вѣры, что отщепенцы въ своей слѣпотѣ сами отвергаютъ послѣднюю надежду спасенія — молитву по уставамъ церкви. Вотъ начали появляться передовые отряды русскихъ. Храбрость и самонадѣянность стали оставлять нѣмцевъ, когда не только уже слышали о врагѣ, но увидали его съ городскихъ стѣнъ. Большая часть епископскихъ дворянъ ночью ушла изъ города и покинула своего епископа ³⁾. Канцлеръ Гольцшуръ и нѣсколько оставшихся дворянъ лютеранскаго исповѣданія и полковниковъ, изъявили готовность сдѣлать вылазку на непріятели; но только-что имъ отворили ворота, какъ они поворотили туда же, куда и первые, и пошли за ними къ Ригѣ. За ними вслѣдъ толпами побѣжали граждане ⁴⁾.—Такова-то ихъ вѣра лютеранская,—воскликаетъ современный историкъ-католикъ ⁵⁾—она имъ позволяетъ оставлять отечество, родныхъ, друзей, согражданъ, святыню и дома.

¹⁾ Bredenb. 21.

²⁾ Львова лѣт. V, 234.

³⁾ Nyest. 50.

⁴⁾ Russow, 56.—Hiarn, 217.

⁵⁾ Bredenb. 21.

гаузу нѣтъ большой нужды, а имъ слѣдуетъ защищать собственный городъ и его укрѣпленія ¹⁾).

Услышавши о взятіи Нейгауза, гермейстеръ поспѣшно снялъ лагерь, приказалъ самъ ежечь Киремпе и двинулся на западъ. Пошелъ слухъ, что непріятельское войско хочетъ догнать гермейстера и вступить съ нимъ въ битву. Гермейстеръ прибавилъ шагу и совершенно покинулъ на произволъ враговъ дерптскую землю. Онъ сталъ подъ Валкомъ ²⁾).

Русскіе, послѣ взятія Нейгауза, пошли прямо къ Дерпту. Городъ Костеръ, бывший на дорогѣ въ Дерптъ, сдался безъ сопротивленія. Епископскій отрядъ, разставаяся съ войскомъ гермейстера, былъ настигнутъ русскими за двадцать пять верстъ отъ Дерпта. Его гнали до самыхъ предмѣстій Дерпта, взяли телѣги съ вооруженіями, порохомъ и со всеми военными запасами; двадцать семь вѣмцевъ пошло въ плѣнъ ³⁾).

Епископъ заперся въ Дерптѣ. Доехши почти до города, воеводы воротились назадъ и взяли Курславлъ—за десять верстъ отъ Киремпе. Въ этомъ городкѣ русскими оставлено было двое головъ съ гарнизономъ. И здѣсь черные люди съ околотка приходили къ воеводамъ и добровольно отдавались въ подданство царю. Воеводы приводили ихъ всѣхъ къ правдѣ. Съ этимъ народомъ, туземцами въ ливонской землѣ, русскіе обходились милостиво, но съ вѣмцами были жестоки: мужчинамъ отсѣкали руки, женщинамъ вырѣзали сосцы и поздри ⁴⁾).

Готовясь осадить Дерптъ, воеводы послали отрядъ провѣдать, гдѣ гермейстеръ; надо было взять предосторожности и не дать напасть на себя въ расплухъ. Пока этотъ отрядъ былъ въ командировкѣ, воеводы стояли у Киремпе. Шуйскій послалъ въ Дерптъ предложеніе сдаться на милость царя и присягнуть ему на подданство, иначе грозилъ жестокимъ разореніемъ. Бреденбахъ говорить, что при этомъ посланы были въ Дерптъ некалѣченные вѣмцы и вѣмки, чтобы горожане могли наглядно сообразить, кака я ихъ ожидаетъ бѣда, если станутъ упрямиться. Для страха вѣм-

1) Henning. 225.

2) Bredenb. 21.

3) Львова V, 232.

4) Bredenb. 21.

11-го іюля на зарѣ появилось, въ виду Дерпта, цѣлое русское войско ¹⁾). Много было съ нимъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, телѣги тянулись обозомъ съ порохомъ и свинцомъ и съѣстными припасами. Видно было, что русскіе пришли съ тѣмъ, чтобы не уходить, не окончивши съ Дерптомъ ²⁾).

Дерптъ заволновался: не знали, что пачать; — тѣ говорили одно, другіе противное; релігіозная вражда не только не утихла, но разгоралась болѣе и болѣе. Оставшіеся дворяне, католическаго исповѣданія, вышли на мятежную площадь и стали уговаривать гражданъ: «не унывайте духомъ — восклицали они, мужественно стойте за себя, за вашихъ женъ, дѣтей, за отечество противъ непокаянаго врага христіанскаго имени, вы прогоните его, если единодушно обратите на него ваши силы и оружіе». Бюргеры-католики одобряли ихъ рѣшимость.

Но тогда откликнулся одинъ ратманъ, строгій протестантъ: «мы будемъ защищать городъ; пусть же епископъ Германъ и католики отрекутся отъ папистическихъ заблужденій и примутъ евангельскую истину».

— Мало ли на васъ бѣдъ,—говорили католики,—еще большихъ хотите! Да не съ тѣхъ ли поръ и постигло васъ московское разореніе, какъ вы перемѣнили вѣру и приняли ученіе лютерово? —

Были и такіе, которые старались примирить, хоть на это важное время, враждующія стороны. Они говорили: «теперь ли спорить о вѣрѣ? Пусть остается каждый въ томъ исповѣданіи, въ какомъ былъ. Не за вѣру, а за отечество, за родныхъ и дѣтей надобно биться. Соединимся-же дружно; присягнемъ не сдавать русскимъ города во что бы-то-ни-стало и будемъ сражаться до послѣдняго издыханія за нашу судьбу».

Слишкомъ очевидною показалась тогда польза такихъ совѣтовъ. Положили прекратить релігіозные споры и сражаться.

Русскіе осадили городъ. Главныя силы ихъ были сосредоточены у воротъ св. Андрея. Здѣсь они выкопали большой валъ и стрѣляли съ него. Палили днемъ; настала ночь; — русскіе продолжали палить. Шѣмцы имъ отвѣчали выстрѣлами. Ночь была

¹⁾ Ibid.

²⁾ Nycst. 50:

чрезвычайно темная; не видно было, куда направлять орудія. Слѣдующій за тѣмъ день былъ туманенъ. Охотники выходили два раза изъ воротъ драться и возвращались, ничего не сдѣлавши. Въ среду, 13-го іюля, туманъ не расчищался. Досадно было нѣмцамъ. Они только по грому русскихъ орудій, да по шуму въ непріятельскомъ войскѣ, соображали, куда имъ палить; и потому ихъ выстрѣлы, направляясь на широкое поле, были не такъ опасны русскимъ, какъ нѣмцамъ русскіе выстрѣлы, которые, обращаясь къ городу, направлялись на меньшее и тѣснѣйшее пространство. Еще попробовали было нѣмцы сдѣлать вылазку и воротились безъ успѣха, да еще съ ранеными ¹⁾. Тогда городской совѣтъ отправилъ къ епископу депутацію.

Она говорила:

— Гермейстеръ ушелъ прочь. Дворянство насъ покинуло и оставило въ бѣдѣ епископа. Мы слишкомъ слабы, чтобы оборонять такую большую крѣпость. Знаете вы сами, что у насъ недавно свирѣпствовала болѣзнь и много померло изъ нашихъ солдатъ, которыхъ у насъ было двѣсти. Измучили насъ ночные и дневные караулы. Рады мы васъ защищать, какъ вѣрные подданные; да пришлось намъ очень тяжело; напишите къ гермейстеру: увѣдомите его, что городъ нашъ въ крайнемъ положеніи и просить выручки, а иначе, постигнетъ его скоро горестная переменѣна. Мы наняли двухъ мужиковъ: берутся доставить письмо гермейстеру. Они сядутъ въ лодку и вверхъ по рѣкѣ поплывутъ черезъ лѣсъ.

— Любезные мои, вѣрные мои—отвѣчалъ епископъ—я знаю вашу вѣрность; я соболѣзную, что мое дворянство меня оставило и вижу самъ, что мы слабы, не въ состояніи давать непріятелю отпоръ децно и поцно. Да, это будетъ хорошо, если дадимъ знать гермейстеру и пошлемъ къ нему два письма, одно за другимъ, одинаковаго содержанія. Чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ лучше будетъ.—

Гонцы были отправлены одинъ за другимъ съ письмами; второй отправился черезъ три часа послѣ перваго ²⁾.

Насталъ четвергъ. Русскіе успѣли уже насыпать такіе высо-

¹⁾ Bredenb. 22.

²⁾ Nyest. 50.

кіе валы, что съ нихъ стрѣлять можно было уже не по стѣнамъ, а брать пыше: ядра падали на крыши домовъ въ городѣ. Деревянные кровли и стѣны обваливались и убивали дѣтей, женщинъ: всѣхъ, кто оставался въ домахъ. Цѣлый день и цѣлую ночь послѣ того не умолкала пальба — громъ былъ такой, что одинъ у другаго не могъ рѣчей слышать. Въ пятницу Шуйскій прислалъ опять предложеніе сдать городъ, обѣщавъ пощаду, въ противномъ случаѣ грозивъ бѣдою; какъ бы въ подтвержденіе словъ воеводы, часу въ девятомъ утра открыли ужасную пальбу на весь городъ со всѣхъ сторонъ. Женщины вопили и возбуждали всеобщее отчаяніе ¹⁾). Тутъ разнесся слухъ, что гонецъ воротился съ письмомъ отъ гермейстера.

Ратманы отправились къ епископу. Епископъ приказалъ прочитать имъ полученное письмо.

Гермейстеръ писалъ:

«Очень сожалѣемъ о печальномъ состояніи города Дрпта, а равно и о томъ, что дворине и ландзассы покинули своего господина, епископа: это не дѣлаетъ имъ чести. Постоянство епископа и почтеннаго гражданства очень похвально. Желательно, чтобъ всѣ остальные исполнились такого же геройскаго духа и защищали бы городъ мужественно. Я бы очень желалъ оказать городу помощь, но изъ всѣхъ свѣдѣній мнѣ извѣстно, что у непріятеля большая сила въ полѣ и потому я не въ состояніи вступить съ нимъ въ скорости въ битву. Остается мнѣ усердно молиться за васъ Богу и помышлять денно и нощно объ умноженіи своего войска ²⁾».

Такой отвѣтъ повергъ въ отчаяніе многихъ гражданъ. Они вопили: «гермейстеръ отказывается въ помощи; намъ нѣтъ надежды; мы не въ силахъ никакимъ способомъ держаться. Мы сдадимся.»

— Помыслите, — увѣщевалъ ихъ епископъ, — что ожидаетъ насъ. Вы знаете, какіе варвары эти московиты; и вѣра у нихъ такая, что только Богу и святымъ хула: отъ всей церкви божіей и отъ всего свѣта отринута! Со скотами христіане не обращаются такъ жестоко, какъ съ людьми обращаются московиты. Что они дѣла-

¹⁾ Bredenb. 22.

²⁾ Nyest. 51.

ли у насъ съ христіанскими женщинами и дѣвцами? Тоже всѣхъ насъ ожидаетъ, если мы отдадимся жестокому тирану во власть ¹⁾).

Утѣшенія было мало. Непрiятель опять принялся палить. Стѣны города начали разрушаться. Тогда въ двѣнадцать часовъ дня совѣтъ послалъ къ Шуйскому двухъ своихъ членовъ, спросить: на какихъ условіяхъ желаетъ онъ сдачи. Шуйскій прислалъ условія, которыя показались выгодными ²⁾). Совѣтъ опять обратился къ епископу. Ему представляли, что предложенія, которыя дѣластъ московскій воевода, очень мягки, Шуйскій-самъ чловѣкъ честный и добрый, и можно будетъ сдать городъ, если Шуйскій поручится, что соблюдутся въ точности всѣ пункты, на которыхъ послѣдуетъ сдача города.

Епископу трудно было ихъ убѣждать въ противномъ. Епископъ долженъ былъ согласиться и послалъ Шуйскому просьбу о перемпріи.

Шуйскій далъ два дня на размышленіе и не приказалъ безпеконгъ города въ продолженіи этого времени ³⁾).

Собрался городекой совѣтъ; собралась и вся городекая община, которая обыкновенно сходилась въ двухъ гильдейскихъ камерахъ: одна камера была для чиновъ, другая для купечества. Собрались и духовные обѣихъ вѣроисповѣданій ⁴⁾). Поднялась разногласица; наступилъ раздоръ.

Каноники были противъ сдачи. По ихъ вліянію, граждане католики раздѣляли тоже настроеніе. Напротивъ, лютеране соглашались на мировую.

— Мы, говорили католики, еще не въ самомъ крайнемъ положеніи, стѣны еще цѣлы; запасовъ у насъ довольно; а войска, хотя не много, да зато оно таково, что можетъ оборонять городъ, лишь бы у него стало рѣшимости; лучше испустить дыханіе, чѣмъ сдать городъ и съ нимъ потерять свободу. Вся наша бѣда исходитъ отъ членовъ лютеранскаго сената: недавно перешли они отъ католичества въ лютеранство, а теперь хотятъ перейти въ московское варварство и безбожіе.

¹⁾ Bredenb. 23.

²⁾ Bredenb. 23.

³⁾ Nyesl, 51.

⁴⁾ Ibid.

Лютеране, съ своей стороны, порицали католиковъ ¹⁾. Лютеранскіе пасторы не были противъ сдачи города и только обращались къ совѣту съ такою просьбою: «мы просимъ достопочтенный совѣтъ позаботиться, чтобъ наши церкви и школы, и вся наша чистая вѣра были ограждены на будущія времена». Совѣтъ обѣщала дѣйствовать по ихъ желанію и благодарилъ ихъ ²⁾.

Изъ гильдейскихъ камеръ волненіе пошло по улицамъ. Католики кричали, что лучше пролить послѣднюю каплю крови, чѣмъ потерять отечество и религію ³⁾. Лютеране доказывали, что уже отъ гермейстера ждать нечего; слава Богу, что Шуйскій дастъ выгодныя условія; ими пренебрегать не слѣдуетъ, чтобы не было послѣ хуже. Наконецъ и самые начальники войска, не смотря на увѣщанія католиковъ, должны были сознаться, что у ихъ людей очень мало и нѣтъ возможности долго держаться ⁴⁾.

Шуйскій, услышавъ, что въ городѣ разногласица и смятеніе, прислалъ сказать, что онъ никого не принуждаетъ насильно принимать подданство царю. Всѣмъ дается добрая воля. Тѣ, которые не захотятъ, могутъ безопасно выйти изъ города и удалиться въ Германію. Русскія войска не станутъ ихъ задерживать. Тѣже, которые отдадутся въ подданство царю, останутся на мѣстѣ съ своими имуществами ⁵⁾.

Эго еще болѣе расположило гражданъ къ сдачѣ. Въ воскресенье собрался вновь совѣтъ; и самъ епископъ уже согласился сдаться, и другихъ убѣждалъ къ сдачѣ. Упорные каноникъ все еще протестовали; изъ членовъ совѣта бургомистръ Антоній Тиль, тотъ самый, который подавалъ рѣшительное мнѣніе противъ всякой сдѣлки съ московитами, такъ теперь говорилъ:

— Свѣтлѣйшій, честнѣйшій князь и господинъ! мы дожили до печальнаго времени. Мы, бѣдные люди, видимъ и ощущаемъ, какъ добрые христіане добровольно отдаются въ рабство. Въ избѣжаніе такой бѣды, мы покидаемъ наши дома, дворы, все

¹⁾ Nyest. 52.

²⁾ Bredenb. 23.

³⁾ Bredenb. 23.

⁴⁾ Nyest. 52.

⁵⁾ Bredenb. 23.

наше благосостояніе и предпочитаемъ изгнаніе съ женами и дѣтьми, сами не зная, гдѣ каждый пзъ насъ окончитъ жизнь отъ тѣсноты и скорби. Не хотимъ потерять драгоцѣннѣйшаго на свѣтѣ сокровища—чести, чтобъ насъ послѣ не поносили и не порицали: будутъ еще думать, что мы участвовали въ сдачѣ города Дерпта; а мы готовы были защищать его, жертвуя нашею жизнію. Поэтому я и, вѣроятно, со мною всѣ тѣ, кто подобно мнѣ думаетъ, что Дерптъ защищать оружіемъ еще можно, просимъ свѣтлость вашу письменно объявить, кто подалъ поводъ къ сдачѣ города? Ваша-ли милость, или рыцарство, или капитулы, или достойноуважаемый совѣтъ, или я, Антоній Тиль,—чтобъ мнѣ можно было отъ напраснаго обвиненія оправдаться и сохранить мое доброе имя.

Съ согласія епископа, совѣта и капитулы, нѣкто отвѣтилъ ему такъ:

— Честнѣйшій и мудрѣйшій господинъ! нельзя никого упрекать и поставить кому-бы то ни было въ укоръ сдачу города. Никакое честное лице не можетъ принять на себя вины. Это случилось по крайней, неизбѣжной бѣдѣ. Засвидѣтельствовать объ этомъ его свѣтлость можетъ не только вашей мудрости, но и всякому другому, кто имѣетъ въ этомъ необходимость.

Были составлены условія для предложенія Шуйскому; одни отъ епископа, другія отъ городского совѣта. Первый хлопоталъ прежде всего о себѣ, а потомъ о католичествѣ и о тѣхъ, которые останутся въ его діецезіи. Себѣ просилъ онъ во владѣніе монастырь Фалькенау (Муку) въ двухъ миляхъ отъ Дерпта на Эмбахѣ, со всѣми землями, людьми и судомъ, со всѣмъ, что въстарп принадлежало къ этой мѣстности и составляло владѣльческій доходъ, да съ прибавкою еще земель по близости къ монастырю. Тамъ онъ желалъ пребывать до конца дней своихъ, съ тѣмъ, чтобъ его никогда не выводили изъ Ливоніи въ Московію; въ самомъ городѣ Дерптѣ просилъ онъ себѣ домъ, свободный отъ постоя московскихъ войскъ, да еще садъ и рощу на Двинѣ. Онъ просилъ, чтобъ въ случаѣ, когда нужда будетъ ему послать въ Москву, или самъ туда поѣдетъ, чтобы ему и его гонцамъ давались подводы. Монастырь, который онъ себѣ выпрашивалъ, долженъ навсегда оставаться въ нѣдрѣ римско-католической церкви; капитула дерптская должна также принад-

лежать всегда римско-католической церкви; всё члены ея будутъ исповѣдывать эту религію и не должны подлежать иному суду, кромѣ епископскаго. Для дворянства, которое находится подъ епископскою юрисдикціею, епископъ просилъ спокойнаго пребыванія въ Ливоніи при своихъ имѣніяхъ.

Городской совѣтъ просилъ сохранить аугсбургское исповѣданіе, или такъ называемую лютеранскую вѣру, съ тѣмъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ не принуждали ея послѣдователей перемѣнять исповѣданія, оставить совѣтъ въ прежнемъ видѣ и составѣ, сохранить всё городскіе доходы и школы, подтвердить и признать дѣйствительность старыхъ привилегій, прежнихъ протоколовъ, книгъ, какъ счетныхъ, такъ и наслѣдныхъ, освободить всѣхъ горожанъ, какъ нѣмцевъ, такъ и не нѣмцевъ отъ русскаго суда и держать ихъ подъ судомъ городского фогта, оставить въ употребленіи прежнія мѣры, вѣсы, дозволить гражданамъ по прежнему выбирать изъ своей среды должностныхъ лицъ, собираться въ гильдейскихъ камерахъ, сочетаться бракомъ въ нѣмецкой землѣ, отдавать туда дѣтей на воспитаніе и принимать къ себѣ оттуда прихожихъ, отъѣзжать за границу и выдавать отъѣзжающимъ паспорта, принимать новыхъ членовъ въ городское общество съ тѣмъ, чтобъ они давали присягу царю и совѣту; просилъ права суда и апелляціи къ городу Ригѣ по старинѣ, права свободнаго винокуренія, медоваренія и пивоваренія безъ всякаго акциза, кромѣ того, какой назначенъ будетъ городскимъ совѣтомъ, неприкосновенности лицъ и ихъ имуществъ съ тѣмъ, чтобъ гражданъ не выводитъ въ Москву на жительство, и свободы отъ военнаго постоя. Относительно торговли просили, чтобъ дерптскіе купцы могли выѣзжать повсюду по торговымъ дѣламъ, чужеземные купцы могли бы торговать въ Дерптѣ и привозить туда иноземные товары — по разсужденію совѣта; наслѣдство умершихъ чужеземцевъ должно оставаться неприкосновенною собственностію наслѣдниковъ, просили дозволить въ извѣстное время собираться ярмаркамъ, какъ было прежде, русскимъ купцамъ пріѣзжать въ Дерптъ съ платежемъ установленныхъ пзстарп вѣсовыхъ пошлинъ, а дерптскимъ ѣздить и торговать по Россіи безошлинно, и чтобъ такъ называемой компаніи черноголовыхъ, — торговому обществу иностранныхъ купцовъ,

торговавшему въ Ливоніи,—были невозбранно оставлены прежнія права торговли. Относительно тѣхъ, которые не пожелаютъ оставаться въ Дерптѣ подѣ царскою властію, городскій совѣтъ просилъ, чтобъ имъ дозволено было взять свои имущества съ собою, а чего не могутъ взять, оставить у ближнихъ и послѣ получить; если же они передумаютъ и захотятъ послѣ возвратиться, то дозволить имъ такой возвратъ.

Уполномоченные отъ епископа, отъ городского совѣта и отъ городского общества отправились съ этими условіями къ князю Петру Ивановичу Шуйскому; просили утвердить ихъ золотою печатью великаго государя московскаго и обѣщали на другой же день отворить ворота Дерпта.

— Мы просимъ, сказали они,—ради нашихъ женъ и дѣтей пощадить дома ваши отъ военнаго занятія: наши не привыкли къ чужому войску.

Князь Петръ Ивановичъ обѣщаль и сказалъ, что онъ строго прикажетъ отнюдь не касаться домовъ обывателей.

Принесенныя условія прочитаны были по-нѣмецки и такъ какъ воеводы не знали этого языка, то имъ переводили ихъ словесно по-русски.

— Я не могу такъ скоро всего смекнуть сразу и удержать въ памяти, сказалъ Шуйскій, надобно ихъ переложить на русскій языкъ и переписать. Тогда я посмотрю: коли что нибудь найдется сомнительное, то я поговорю объ этомъ, можетъ статья нужно будетъ переправить ихъ такъ, чтобъ мнѣ можно было принять; а если найду я все, какъ слѣдуетъ, то надѣюсь, что государь на все соизволитъ и прикажетъ приложить печать. Я въ милости у государя и надѣюсь все сдержать, что вамъ пообѣщаю. —

Нѣмцы дали съ своей стороны переводчика, и воевода поручилъ съ нимъ работу своимъ, знающимъ по-нѣмецки.

Пока переводили пункты, воевода считаль во всякомъ случаѣ дѣло оконченнымъ и объявилъ депутатамъ:

— Скажите епископу и всѣмъ, которые съ нимъ захотятъ уѣхать: пусть они соберутся скорѣе. Я пошлю въ городъ царскихъ бояръ проводить епископа съ его людьми въ Муку (Фалькенау). Другимъ всѣмъ гражданамъ, которые выйдутъ изъ го-

дали какъ-нибудь оскорбленія московскіе ратные люди, пока будутъ стоять подъ городомъ. Эта стража, разумѣется, была столько же для почета и охраненія, сколько и для надзора за дѣйствіями епископа.

За епископскимъ поѣздомъ начали выѣзжать бюргеры со своими семьями въ нагруженныхъ повозкахъ; за ними выходили военные люди съ оружіемъ. Къ нимъ, сейчасъ, по распоряженію Шуйскаго, примкнули конные дѣти боярскіе подъ начальствомъ воеводъ. Войско московское и татарское разступалось и давало имъ дорогу. Когда они все уже отъехали отъ города, князь приказалъ, чтобъ къ нему пріѣхали бюргермейстеръ, ратманы и выборные отъ городской общины, провозать его самого въ городъ.

По этому призыву явилось нѣсколько лицъ и вмѣстѣ съ ними два члена деритской капитулы, представители римско-католическаго духовенства. Главный воевода ласково подавалъ имъ руку въ знакъ мировой и обнадеживалъ царскими милостями. Онъ пригласилъ ихъ посидѣть у него въ шатръ, пока не пошлетъ передовыхъ въ Дерптъ. Такимъ образомъ впереди всехъ поѣхалъ одинъ воевода съ мирнымъ знаменемъ и приглашалъ гражданъ оставаться спокойно и ничего не бояться. Потомъ другою воевода отиравился съ отрядомъ дѣтей боярскихъ занять замокъ, а затѣмъ поѣхалъ третій воевода съ стрѣльцами; онъ разставилъ ихъ на караулъ на рынкѣ и по улицамъ. Когда все было готово и дано знать о томъ Шуйскому. Главный воевода сказалъ: «теперь проводите меня въ замокъ».

Онъ поѣхалъ. Членъ капитулы, ратманы и выборные отъ городской общины ѣхали впереди его. Они, какъ хозяева, показывали Шуйскому дорогу и отдавали въ его лицъ московскому царю городъ, завоеванный царскими войсками.

Какъ только Шуйскій расположился въ замкѣ, тотчасъ черезъ бирючей приказалъ сповѣститъ по городу запрещеніе подъ смертною казнію московскимъ ратнымъ людямъ причипить какое-либо насиліе жителямъ; а граждане, для избѣжанія несчастныхъ случаевъ, отнюдь не должны были продавать ратнымъ московскимъ людямъ вина. Ратные люди помѣщались въ замкѣ, въ домахъ, принадлежавшихъ капитулѣ, и въ домахъ тѣхъ гражданъ, которые добровольно покинули городъ, ибо все, что принадлежало

бискупу, получившему за то отъ государя другое, и все, что составляло собственность убѣжавшихъ изъ отечества, было отписано на государя ¹⁾. Но ратнымъ людямъ не позволяли помѣщаться въ домахъ тѣхъ гражданъ, которые предпочли оставаться на своихъ мѣстахъ, понадѣясь на общанія воеводы, и поддались царю.

Городской совѣтъ и общины прислали новому своему начальнику въ подарокъ коробъ вина, отличнаго пива, свѣжей рыбы и зелени. Шуйскій принялъ этотъ гостинецъ съ благодарностью и сказалъ:

— Если кто нибудь, хоть самый наименьшій изъ гражданъ, будетъ имѣть поводъ жаловаться на московскихъ ратныхъ людей, — мой покой и мои уши всегда для него открыты; я накажу виновнаго и обороню каждаго.

Чрезъ нѣсколько дней главный воевода пригласилъ въ замокъ на обѣдъ членовъ совѣта, общины, альдермановъ и вообще знатныхъ гражданъ. Угощеніе было роскошное.

Къ удовольствію гражданъ, Шуйскій скоро показалъ, что общаніе свое умѣетъ держать. Нѣкоторые ратные люди стали своевольничать: предводитель приказалъ ихъ бить палками самымъ постыднымъ образомъ. Безпрестанно московскіе дворяне разѣжали по городу, спрашивали—нѣтъ-ли обидъ, и всѣхъ, кто только велъ себя непристойно, сажали въ тюрьму. Эта справедливое обращеніе съ жителями оказало на нихъ благотворное вліяніе. Граждане—говоритъ лѣтописецъ, начали утѣшаться въ своемъ злополучіи, какъ будто-бы и не было надъ ними никакого нападенія и насилія ²⁾. Всѣ свободно могли сидѣть въ своихъ домахъ; купцы торговали; всѣ, какъ и прежде, могли собираться, гуляя, пили, веселились. Никто изъ москвитянъ не смѣлъ взять съ нихъ насильно и нитки. Впрочемъ, и безъ этого московскіе войска не остались безъ поживы. Строгій Шуйскій не дозволялъ ратному своевольно грабить богатаго бюргера; зато ратные, которые квартировали въ домахъ, оставленныхъ вышедшими изъ го-

¹⁾ Львова. 236.

²⁾ Nyest. 58—50.

рода хозяевами, находили не мало хорошаго въ своихъ квартирахъ. Нѣкоторые изъ покинувшихъ отечество, затрудняясь брать свое достояніе съ собою, замуровывали серебро и золото въ церковныхъ стѣнахъ и клали подъ надгробные камни. Они надѣялись со временемъ придти и взять сирягавное обратно, но русскіе какимъ-то образомъ объ этомъ пронюхали и отыска и сокровища. Такимъ образомъ отъ одного ливонскаго дворянина Фабіана Тизенгауза москвитянамъ досталось на восемьдесятъ тысячъ талеровъ. Русскіе, по замѣчанію современника, вообще набрали тогда въ оставленныхъ домахъ такъ много, что этимъ съ избыткомъ можно было-бы заплатить московскому государю и тѣмъ избавиться отъ разоренія, или же на такую сумму сарядить войско для войны съ Москвою. Прежде говорили нѣмцы такъ: «лучше намъ потратить сто талеровъ на войну съ Московією, чѣмъ заплатить одинъ талеръ дани московскому государю», а вышло на дѣлѣ, что дани не заплатили и войну пришлось вести; на войну никто ничего не далъ, а потеряли гораздо болѣе. ¹⁾

Кромѣ всего имущества и домовъ, описанныхъ въ казну, въ Дерптѣ взяли пятьсотъ пятьдесятъ двѣ пушки и большой запасъ пороха и свинца ²⁾. *Результатъ*

Вышедшіе изъ Дерпта шли подъ прикрытіемъ московскаго войска. Татары какъ только завидѣли, что ѣдутъ люди безоружные и притомъ не порожіе, не утериѣли по своей натурѣ и бросились на нѣмцевъ, однако московскіе ратные люди оборонили ихъ. Впоследствии рассказывали, будто нѣмцевъ тогда спасло чудотворное заступленіе: былъ день ясный; какъ только татары бросились на нихъ, вдругъ раздался громъ и татары со страху разбѣжались. Благополучно сохраненные отъ татаръ, нѣкоторые изгнанники однако не вынесли тяжелаго пути, лѣтняго зноя, пыли и тѣсноты, и заболѣли, иные и померли. ³⁾ Когда наконецъ толпа вступила на землю, еще не занятую русскими и была уже безопасна отъ своевольства ратныхъ людей, московскіе провожа-

¹⁾ Russow, 56.

²⁾ Львова. V, 236.

³⁾ Bredenh. 23.

тые ее оставили; но тутъ-то и постигло многихъ разореніе. Ихъ ограбили свои же рыцари. Самъ гермейстеръ приказалъ обраться къ тѣмъ, о которыхъ сдѣлалось ему извѣстно, что они захватили общественныя деньги ¹⁾).

Гермейстеръ съ своимъ орденскимъ войскомъ находился подъ Валкомъ. Здѣсь на собраніи признали, что Фирстенбергъ старъ и неспособенъ. Избрали въ гермейстеры Готгарда Кетлера. Начали разсуждать о средствахъ; увидали, что орденъ въ безвыходномъ положеніи. Уже многія орденскія имѣнія были заложены; въ послѣднія военныя дѣйствія страпа пострадала отъ разоренія; нельзя было поправлять финансы поборами. Надежда на императора всегдѣ уже казалась напрасною. Императоръ, получивъ жалобу отъ Ливоніи, обращался къ московскому правительству, а московское правительство отвѣчало ему въ такомъ смыслѣ: издавна было въ ливонскихъ городахъ дозволено строить русскія церкви, гдѣ бы русскіе купцы могли слушать свое богослуженіе и при этихъ церквяхъ дозволено было содержать мѣста и дома, гдѣ бы можно было хранить и продавать привозимые товары; сверхъ того, гермейстеръ, архіепископъ рижскій, епископъ дерптскій и совѣтъ города Дерпта дали общаніе, не только письменнымъ актомъ, но и съ клятвою—выплатить въ три года надлежащую царю дань. Ливонцы забыли свои договоры и общанія. Русскія церкви превратили въ казармы, шинки и непристойныя мѣста, сожигали и оскверняли иконы Спасителя, апостоловъ и св. мучениковъ; отняли у русскихъ купцовъ ихъ амбары и свободную торговлю, нарушили ихъ старыя права и преимущества. Мы нѣсколько разъ увѣщавали ихъ и письмами, и посылками,—все наши увѣщанія они презрѣли, не хотѣли сами себѣ добра и подобно Фараону пребывали въ упорствѣ, и потому-то мы принуждены были послать нашу военную силу искать своей правды, чтобъ заставить ихъ опомниться, и если теперь они страдаютъ отъ меча и отъ огня, то вина въ томъ на ихъ самихъ ²⁾).

Императоръ извѣщалъ Ливонію, что ему очень прискорбно, что москвитяне напали на ливонскій край, но имперія, занятая войнами съ турками, не въ силахъ защищать христіанство на

¹⁾ Russow, 55:

²⁾ Russow, 37.

всѣхъ пунктахъ. Императоръ указывалъ, что они могутъ просить помощи у государей, у которыхъ владѣнія по сосѣдству съ Москвитеною; они должны предупредить усиленіе Москвы ради собственной безопасности.

Въ этомъ положеніи дѣль на собраніи разсуждали, у кого просить помощи: у поляковъ, у датчанъ, у шведовъ или у всѣхъ разомъ. Среди разсужденія о томъ, какъ и куда посылать посольство съ просьбою о помощи, приходитъ извѣстіе, что Дерптъ уже въ рукахъ русскихъ. Все собраніе разбѣжалось, тѣ свѣдѣли заператься въ крѣпкихъ мѣстахъ, тѣ — бѣжать за границу ¹⁾.

Фогты бросали свои города. Бюргеры кидали свои имущества и что успѣли захватить, съ тѣмъ бѣжали, куда глаза глядятъ. Русскіе съ двухъ пунктовъ, изъ Нарвы и изъ Дерпта, которому возвратили тотчасъ древнее русское названіе (Юрьевъ), посылали отряды во всѣ стороны, и города были забираемы почти безъ сопротивленія. Такъ изъ Везенберга отряды ходили до самаго Ревеля, за десять верстъ отъ него опустошили страну. Около моря Ренинскимъ взяты были города Пайдусъ (Paddis), Потушинъ (Pöddis), Торчборъ (Torisborg). Вейсенштейнъ имѣлъ странную судьбу: тамошній фогтъ со страха убѣжалъ; за нимъ наострили лыжи всѣ жители, — городъ оказался пустъ и беззащитенъ. Пришли въ пустой городъ нѣмецкіе кнехты, что вышли изъ Дерпта, вытащили изъ погребовъ бочки съ виномъ и пивомъ, попили нѣсколько дней и ушли. Русскіе не догадались его занять тогда. Но тутъ пришелъ съ отрядомъ Каспаръ фонъ Ольденбокенъ, молодой, храбрый дворянинъ. Онъ захватилъ городъ и когда русскіе до него добрались, далъ имъ отпоръ и городъ оставался долго не взятымъ ²⁾. Зато другіе города не такъ удачно отстояли себя. Лаисъ былъ взятъ Павломъ Заболоцкимъ; фогтъ былъ изъ него вынужденъ. Во всемъ уѣздѣ черные люди присягнули государю. Сдались: Оберпаленъ, Ниркель, Кавелехтъ, Рингенъ. Эти города были взяты безъ всякихъ потерь; фогты ихъ покинули, жители разбѣжались; русскіе спокойно овладѣвали оставшимися имуществами и большими запасами пива и вина. ³⁾

¹⁾ Henning, 226.

²⁾ Russ. 56.

³⁾ Nyenst. 60.

Колычевъ взялъ Говью (Gaujenes) —Ацель и Голбинъ (Gulbenes Шваненбургъ). До октября взято было въ Ливоніи всего двадцать городовъ съ ихъ волостями. Вездѣ черныя люди, т. е. туземцы-эсты и ливы, охотно присягали государю. Воеводы, овладѣвши городами, ставили въ нихъ гарнизоны. Тогда-же строили тамъ православныя церкви, чтобъ утвердить въ странѣ благочестіе, потому, что считали ее древнимъ достояніемъ Россіи ¹⁾

Скоро послѣ взятія Дерпта, Шуйскій, написалъ въ Ревель и въ Ригу приглашенія—покориться государю, подобно Дерпту, отдаться добровольно въ его власть, обнадеживалъ жителей царскими милостями, увѣрялъ, что царь не только сохранитъ ненарушимыми имъ имущества, дома и всё угодыя, но пожалуетъ ихъ еще большею свободою и лучшими привилегіями, чѣмъ они имѣли; а въ противномъ случаѣ пугалъ ихъ царскимъ гнѣвомъ.

Ревель чуть было не попалъ въ датскія владѣнія. Командоръ Францъ Фонъ-Ацель сдалъ и замокъ, и городъ датскому полковнику Христофору Фонъ-Мокингаузену, и вслѣдъ за тѣмъ городъ Ревель и дворянство Гарріи отпростили депутацію къ датскому королю, отдавались со всею провинціею ему во владѣніе и просили защиты. Когда пришло предложеніе Шуйскаго, совѣтъ, еще не зная, что скажетъ датскій король и надѣясь на его помощь, не допустилъ русскаго посла до города, принялъ его въ загородномъ дворѣ, принадлежавшемъ совѣту, и далъ такой отвѣтъ: мы будемъ оставаться вѣрны нашему законному господину гермейстеру по нашей присягѣ и обязанности, и не уподобимся тѣмъ легкомысленнымъ, которые поступили вѣроломно и сдали свой городъ. Надѣмся на помощь Всемогущаго.

Когда носолъ уѣхалъ съ угрозами, ревельцы съ часу-на-часъ ожидали посѣщенія русскыхъ и принялись дѣятельно за укрѣпленія: всѣ граждане—и старые и молодые, и хозяева, и работники стали работать и день, и ночь. Русскіе нѣсколькими отрядами подбѣгали къ Ревелю и, видя, что городъ крѣпокъ, отходили назадъ. Воеводы не рѣшались нападать на него. Для этого нужно было имъ сосредоточить силы; показалось имъ лучше прежде занять тѣ городки, которые сами давались въ руки. При всей судорожной дѣятельности своей ревельцы однако не были чужды

¹⁾ Львова. V. 242.

страха: нѣкоторые выслали за границу женъ своихъ и дѣтей и увозили свои драгоценности ¹⁾.

Между тѣмъ городъ Дерптъ получилъ въ сентябрѣ ²⁾ жалованную грамоту отъ царя. Это было подтвержденіе того, чего просили жители Дерпта, но съ измѣненіями. О многомъ! чего хотѣли побѣжденные, въ грамотѣ вовсе не упоминалось: такъ напримѣръ, они просили позволить подавать аппеляціи въ Ригу; позволенія этого нѣтъ въ грамотѣ; напротивъ сказано, что намѣстникъ будетъ имѣть верховный судъ надъ всѣми и наблюдать за сохраненіемъ силы грамоты ³⁾: этимъ самымъ уже грамота парализировала независимость суда, какой хотѣли граждане. Въ самомъ судѣ долженъ былъ находиться русскій повѣренный (Drost), ради тѣхъ русскихъ, которые будутъ судиться съ нѣмцами; но ни онъ, ни намѣстникъ не должны препятствовать процедурѣ суда между нѣмцами. По старымъ обычаямъ по просьбѣ города, предоставлено гражданамъ и иностранцамъ, живущимъ въ городѣ, свободно оставлять мѣсто своего жительства и выселяться, но прибавлено что въ такомъ случаѣ съ имущества выбывавшаго платится въ казну десятая часть. Имѣніе осужденныхъ доставалось казнѣ, то есть государю, а казна принимала на себя обязанность платить ихъ долги; также, если кто убѣжитъ изъ города и захватитъ съ собою имущество, то все остающееся и движимое и недвижимое доставалось казнѣ, и кредиторы теряли искн свои: они должны были прежде съ разборомъ давать деньги ⁴⁾. Позволяя нѣмцамъ торговать и селиться въ Россіи, царь допускалъ не только торговать русскимъ въ Дерптѣ, но и селиться тамъ на житье, —этимъ показывалось уже намѣреніе про-

¹⁾ Nyenst 59. Rnssow, 56. Henning, 226.

²⁾ Подписано 6-го сентября.

³⁾ «Soll der Stadthalter vonndensulvenn de gesetzzte straffe nehmen unndt ynn allen sachenn sollenn unuser Stadthalter unndt voyewodenn, die Dorbischen Borgemestere unndt Besitzere Radttmann, Bürger, alles Dorbische unnd woyewodenn ynn allen Dynnngemitt denn Dorbischen richtenn».

⁴⁾ «Und so dar gemannedes werde verlaufen uber de sehe mett synnen Gutttern, so sollenn desselbygenn Penser, Gartenn und Landttguetter ahnn unns fallenn for ihre Schuldtund soll mann de kredytoren nichtts bettzahlenn darumb dass sie auff dieselbenn schuldigen Leute keune Achtt haben».

вести въ новопріобрѣтенную страну господствующую народную русскую стихію. Вообще, по этой грамотѣ русскіе начальники имѣли уже поводъ налегать на жителей; напримѣръ, запрещено было приходившимъ немѣцкимъ уроженцамъ ночевать въ домѣ дерптскаго гражданина, запрещено ходить вечеромъ и ночью безъ фонаря, запрещено гражданамъ продавать вино русскимъ ратникамъ. При всѣхъ этихъ мѣрахъ предосторожности, воеводы всегда могли придираться къ жителямъ, повѣрять—соблюдаютъ ли они правила ¹⁾. Грамота эта была нарушена съ русской стороны тотчасъ-же въ самомъ важнѣйшемъ правѣ: въ ней обѣщано не выводить дерптскихъ жителей изъ мѣстъ жительства; но вслѣдъ за утвержденіемъ грамоты, самого епископа потребовали въ Москву. Онъ уже не воротился въ свое Фалькенау: царь далъ ему въ московской землѣ до смерти городъ съ волостью ²⁾. По извѣстіямъ современника, его содержали въ милости. Въ Ливоніи и во всей Европѣ его подозрѣвали, какъ измѣнника: говорили что онъ для своего спокойствія пожертвовалъ независимостью дерптскаго края, находившагося въ его управленіи.

Осенью Шуйскій уѣхалъ къ царю, а въ Дерптъ прибылъ начальникомъ князь Димитрій Курлятевъ съ новыми воеводами, которые должны были раздѣлить между собою надзоръ за городомъ по воротамъ, то-есть по частямъ, прилегающимъ къ разнымъ воротамъ ³⁾.

Новый гермейстеръ свѣдалъ, что русскія силы ушли, понадеялся, что оставшихся немного и потому съ ними сладить можно. Онъ хотѣлъ показать русскимъ, что дѣла въ Ливоніи перемѣнились съ отставкою стараго гермейстера. Онъ успѣлъ пріобрѣсть денегъ: заложилъ прусскому герцогу одинъ замокъ и взялъ сорокъ тысячъ талеровъ; одинъ рижанинъ далъ ему взаи-

¹⁾ Suppl. ad Hist. Russ. Monum. стр. 236.

²⁾ «Данъ ему былъ удѣлъ до живота его, сирѣчь градъ едишь съ великою властію.» Курбскій, 176.

³⁾ Львова лѣт. V. 242. «...боярина князя Дмитрея Ивановича Курлятева, да окольничево Вас. Дмитр. Данилова, да съ княземъ Дмитріемъ-же воеводъ князя Петра Щейина да Михаилу Петрова Головина, Федора Ивановича Бутурлина, князя Антона Ромодановскаго и велѣлъ государь князю Дмитрею ворота раздѣлити и беречь своего дѣла и земскаго...»

мы 30,000 марокъ ¹⁾, да въ добавокъ и тѣ деньги, что возили въ Москву и назадъ привезли, гермейстеръ обратилъ въ собственность орденской казны ²⁾: на всѣ эти деньги собралось у него войско; присталъ къ нему отрядъ рижскаго архіепископа и съ этою силой онъ пошелъ къ Рингену. Намѣреніе у него было взять этотъ городъ, гдѣ былъ русскій гарнизонъ, а потому думалъ онъ идти на Дерптъ. Русскіе воеводы стали подозрѣвать, что дерптскіе граждане съ нимъ сносились и что они-то убѣдили его выступить, чтобъ ихъ выручить ³⁾. Въ Рингенѣ былъ поставленъ сынъ боярскій Русинъ Игнатьевъ, у него было не болѣе девятиста человекъ ⁴⁾. Такой ничтожный гарнизонъ не могъ выдержать осады. Воеводы въ Дерптѣ, узнавъ о приближеніи гермейстера, сейчасъ дали знать въ Москву, а между тѣмъ, нѣсколькихъ подозрительныхъ гражданъ наскоро повезли во Псковъ и разставили по домамъ у тамошнихъ жителей ⁵⁾. Царь приказалъ сѣшить противъ гермейстера ратнымъ людямъ изъ разныхъ пограничныхъ городовъ и волостей и въ томъ числѣ изъ Пскова и изъ Шелонской пятины ⁶⁾. Но пока эти силы собрались, прошло шесть недѣль: Русинъ Игнатьевъ храбро отбивался, пока наконецъ въ городѣ не стало пороха и нѣмцы не пробили стѣны ⁷⁾. Рингенъ былъ взятъ. Во время стоянія самаго гермейстера подъ Рингеномъ, нѣмецкіе отряды врывались во Псковскую землю и опустошали ее; они отомщались за то, что дѣлалось русскими въ Ливоніи. Такимъ образомъ, они сожгли посадъ у Краснаго и разорили нѣсколько волостей ⁸⁾. Одинъ изъ такихъ отрядовъ подъ начальствомъ брата самого Кетлера былъ разбитъ княземъ Рѣпиннымъ.

По взятіи Рингена, гермейстеръ пошелъ было на этого князя, имѣлъ съ нимъ стычку ⁹⁾, но далѣе не продолжалъ войны.

¹⁾ Nyenst. 60.

²⁾ Nyenst. 59.

³⁾ Львова лѣт. V, 266.

⁴⁾ Львова. V. 264... «40 дѣтей боярскихъ да 50 стрѣльцовъ»...

⁵⁾ Nyenst. 61.

⁶⁾ Львова V. 264.

⁷⁾ Львова V. 269.

⁸⁾ Псковск. 311.

⁹⁾ Львова. V, 269.

Онъ не рѣшился осаждать Дерпта. Подходило русское войско; противъ него еще не осмѣлился Кеглеръ съ своими силами выступить на бой, притомъ же приближалась зима: воевать было трудно. Гермейстеръ и командиръ рижскаго архіепископскаго отряда довольны были и тѣмъ, что съ большнмъ усиленіемъ отняли одинъ изъ многихъ своихъ городовъ, такъ легко покорившихся русскимъ. Не удержали они, однако, Рингена за собою

Какъ только услышали въ Дерптѣ, что нѣмецкіе войска ушли назадъ, Курлятевъ велѣлъ перевести дерптскихъ жителей на свои мѣста къ ихъ дѣтямъ и женамъ. Послѣднимъ, по замѣчанію Ненстета ¹⁾, въ отсутствіе ихъ не было никакого оскорбленія.

Москва не простила этого покушенія на отнятіе своей добычи, не простила и разореній, которыя надѣлали нѣмцы во псковской области. Въ январѣ 1559 года опять ворвалось въ Ливонію такое же вѣстребительное полчище, какъ въ прошломъ году ²⁾. Но прежде чѣмъ оно начало свое путешествіе. Курлятевъ, по царскому приказанію, въ декабрѣ писалъ къ гермейстеру и приглашалъ его бить государю челомъ и исправиться, чтобъ не являлась напрасно христіанская кровь. Отписки отъ гермейстера не послѣдовало и подъ главнымъ начальствомъ князя Микулинскаго Пункова московское войско пошло разорять Ливонію. Въ немъ были и татары, и черемисы и пятигорскіе черкесы. Они прошли до самой Риги, воевали, говоритъ русскій лѣтописецъ, въ длину на шестьсотъ верстъ, а въ ширину на полто-

¹⁾ Monum. Liv. 61.

²⁾ -Отпустилъ государь на ливонскихъ нѣмецъ войною царевича Тахтамыша, да бояръ своихъ и воеводъ по полкомъ, въ большомъ полку бояря и воеводу кн. Сем. Иван. Микулинскій-Пунковъ, Петръ Васильевичъ Морозовъ, въ передовомъ бояринъ и воевода князь Валдіій Семеновичъ Серебряной, да воевода Никита Романовичъ Юрьевъ, да въ правой рукѣ бояре и воеводы кн. Юр. Из. Кашинъ, да Иванъ Васильевичъ Шереметевъ меншой, въ лѣвой бояринъ и воевода князь Петръ Семеновичъ Серебряной, да воевода Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ, а въ сторожевомъ полку бояринъ и воевода Михайло Яковлевичъ Морозовъ; да воевода Федоръ Игнатъевичъ Салтыковъ, а съ ними дѣти боярскіе многіе московскіе земли и новгородскія и татаровъ казанскіе, и городецкіе, а княземъ черкасскимъ государь велѣлъ быти въ передовомъ же полку и князь Михайлу Петровичу Ряснину съ товарищи велѣлъ быти со княземъ Семеновъ же... (Львов. V, 271).

раста, а индѣ и на двѣстѣ верстѣ и взяли одинадцать городковъ: нѣмцы эти городки покинули, а русскіе взявши не удерживали ¹⁾). Такъ опустошены были оба побережья западной Двины; отряды достигали до морскаго берега, разорили семь городковъ и сожгли подъ самой Ригею корабли. Этотъ походъ продолжался цѣлый мѣсяцъ съ 15 января по 17 февраля ²⁾), почти безъ всякаго отпора со стороны нѣмцевъ; на всѣхъ нашель страхъ; всѣ бѣжали, куда глаза глядятъ. Только подъ городкомъ Чесминымъ хотѣли было нѣмцы остановить разорительную рать, но были разбиты и потеряли четыреста человекъ ³⁾). Нѣмецкій современникъ описываетъ въ мрачныхъ краскахъ варварство москвитянъ. Ни у турокъ, ни у какихъ-либо язычниковъ не найдешь въ исторіи такихъ отвратительныхъ злодѣйствъ; когда русскіе ушли, то повсюду валялось множество дѣтскихъ труповъ; иные были взоткнуты на зѣборы; члены и старыхъ и молодыхъ всюду были раскиданы по дорогамъ и полямъ.—гдѣ голова, гдѣ лявѣя; и видно было, что ихъ мучили звѣрскимъ, безчеловѣчнымъ образомъ ⁴⁾).

Но тутъ явились ходатаи за Ливонію отъ сосѣднихъ государствъ. По завоеваніи Дерпта, городъ Ревель и дворяне провинцій Гарріи и Вирланда, какъ выше сказано, отправили посольство къ датскому королю съ предложеніемъ подданства, ссылаясь на то, что эта земля издавна принадлежала датской коронѣ. Но въ то же время орденскіе послы указывали на принадлежность этихъ провинцій ордену и просили отдачи ревелскаго замка, переданнаго командоромъ въ руки датскаго полковника и въ свою очередь просили помощи противъ москвитянъ. Король отвѣчалъ дворянскимъ и городскимъ посламъ, что онъ уже старъ и вовсе не желаетъ расширенія своихъ владѣній, а о помощи отвѣчалъ, что онъ не въ силахъ отвѣжиться на разорительную войну съ Московіею, въ всякомъ случаѣ скорбитъ о судьбѣ Ливоніи, но пошлетъ въ Московію ходатайство къ царю и будетъ просить прекратить разореніе страны.

¹⁾ Львова V, 283.

²⁾ Псков. 311.

³⁾ Псковск. 311.

⁴⁾ Henning 228.

Отправлено было посольство въ Швецію. Сначала обратились къ сыну шведскаго короля, правившему отдѣльно Финляндію, принцу герцогу Іоаниу, просили у него денегъ и предлагали въ залогъ города и замки въ Ливоніи. Самъ Іоаннъ былъ готовъ исполнить просьбу, но отецъ, осторожный и наученный уже неудачною войною съ Московіею, король Густавъ Ваза, былъ противъ этого. Города, взятые въ залогъ, по его мнѣнію, нужно будетъ поддерживать своими средствами и они обойдутся дороже, чѣмъ сами стоятъ. Опасно казалось ему вмѣшаться въ Ливонію, когда она признавала издавна верховную власть нѣмецкой имперіи и въ одно и тоже время обращается и къ Даніи и къ Польшѣ. Швеція могла понести въ неизбѣжныя столкновения съ этими государствами, да и безъ того распря съ Московіей казалась рискованнымъ предпріятіемъ. Въ 1559 году ливонцы рѣшились отправить посольство къ самому королю въ Стокгольмъ. Послы рисовали королю возможность образовать цѣлый союзъ сосѣдей противъ москвитянъ и указывали на польскаго короля. Густавъ припомнилъ, что этотъ король обнадуживалъ его уже одинъ разъ взаимнымъ союзомъ и побудилъ шведовъ начать непріязненные дѣйствія противъ москвитянъ, а когда понадобилось выходить въ поле, то шведы сами должны были расчитываться, и къ нимъ не явилось ни одного поляка, ни одного литовца. Разомъ зацѣпилъ онъ в Ливонію, припомнилъ, что въ тоже время и рыцари оставили своихъ союзниковъ безъ помощи, и Швеція должна была заключить съ Московіею невыгодный для себя миръ. Ливонскіе послы могли выпросить у шведскаго короля,—только обѣщаніе ходатайствовать предъ царемъ объ успокоеніи Ливоніи.

Зимой, послѣ рингенскаго похода, началъ сношенія съ Польшею и Литвою коадьюторъ рижскаго архіепископа и ссылался на позвольскій договоръ 1557 года, по которому король обязывался выручить Ливонію изъ бѣды, если придетъ необходимость¹⁾.

По этимъ-то просьбамъ со стороны Ливоніи, въ 1559 году въ Москву явились посольства: датское, шведское и литовское.

¹⁾ Henning. 228—229. Hiarn 219—222.

Литовскій посолъ Тишкевичъ пріѣхалъ въ Москву въ мартѣ 1559 года. По обыкновению, начались съ нимъ толки о границахъ. Повторилась нескончаемая пѣсня съ требованіями присоединенія къ Москвѣ Кіева, Подотска, Смоленска; отъ этого давно уже не бывало между Москвою и Литвою прочаго мира, только перемирія заключались; хотя и та и другая сторона часто чувствовала потребность не только мира, но и взаимнаго оборонительнаго союза. И на этотъ разъ крымскія дѣла очень побуждали Москву желать соединить свои силы съ литовскими на общихъ враговъ христіанства. Но помѣшала Ливонія, какъ и прежде случалось много разъ что миру помѣшаетъ чтонибудь. Когда посолъ заикнулся о Ливоніи, Адашевъ отвѣчалъ ему, что Ливонія—земля царская, и царь наказываетъ своихъ строптивыхъ подданныхъ. ¹⁾

Шведскіе послы, изъ осторожности, просили отъ имени короля пощады Ливоніи какъ будто не для себя, а для императора, но бояре осмѣяли ихъ. Мы думали, сказали они, отъ имени государя, что ты, король, хлопочешь за ливонцевъ оттого, что тебѣ они надобны, а если ты хлопочешь для имперіи и тебѣ они ненадобны, то ты бы и не посылалъ къ ливонцамъ, чтобъ они были мнѣ челомя ²⁾.

Датское посольство было счастливѣе всѣхъ. Правда, посламъ короля Фридриха II, (только что вступившаго послѣ Христіана), на ихъ замѣчаніе, что Кольванъ и вообще Гарріа и Вирляндія—древнее достояніе Даніи, замѣтили, что король безлѣпо называетъ Кольванъ и Вирляндію своею землею: это древнее достояніе Ярослава, который основалъ Юрьевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ выставили предлогъ къ войнѣ самый благовидный — защиту вѣры, ичисляли, что въ Ригѣ церковь св. Николая отдали литовцамъ, въ Дерптѣ церковь св. Николая обратили въ конюшню, и вездѣ притѣсняли русскихъ купцовъ. Но за тѣмъ согласились дать перемиріе Ливоніи на шесть мѣсяцевъ, отъ мая до ноября, съ тѣмъ, чтобъ гермейстеръ самъ пріѣхалъ или присылалъ пословъ

¹⁾ У Карамз. VIII, прим. 548. сс. на д. п. № 5.

²⁾ Д. шв. № 1.

бить челомъ государю о своей винѣ. Посламъ дали и опасную грамоту для гермейстера ¹⁾ на проѣздъ его въ Москву.

Но Готгардъ Кетлеръ не думалъ ѣхать въ Москву. Покориться варварамъ казалось ужаснымъ; представлялась напротивъ надежда подвинуть на нихъ союзныя силы христіанскихъ державъ. Рижскій архіепископъ и его коадьюторъ завязали дѣло съ Сигизмундомъ Августомъ. Въ Маѣ 1559 года архіепископъ отправилъ къ Сигизмунду посольство умолять о помощи и соглашался въ случаѣ нужды отдаться подъ власть его, платить извѣстную дань, лишь-бы однако вмѣстѣ съ тѣмъ состоять въ нѣмецкой имперіи. Радзивиль, виленскій воевода, которому король поручилъ вести переговоры, требовалъ отдачи Риги. ²⁾

Примѣръ маркграфа бранденбургскаго Альбрехта, отдавагося Сигизмунду, склонялъ архіепископа къ союзу съ Польшею и Литвою. Сношенія производились при посредствѣ Альбрехта; послѣдній совѣтовалъ отдаться Сигизмунду Августу, лишь-бы обезпечить рижское архіепископство и городъ Ригу въ сохраненіи самоуправленія и ненарушимости прежнихъ правъ и обычаевъ ³⁾.

По приговору ливонскаго сейма Готгардъ Кетлеръ отправился въ Вильну и тамъ 3-го сентября заключилъ договоръ, подписанный 15-мъ числомъ. Король обѣщалъ помогать и защищать Ливонію отъ москвитянъ, а орденъ и архіепископство должны оставить у него въ залогъ пространство отъ литовскихъ предѣловъ отъ Друи по теченію Двины до Ашерата и самый Ашератъ съ его волостью; на этомъ пространствѣ польскому королю отдавались укрѣпленные замки Росентенъ Сельбургъ, Динабургъ, Люценъ и сверхъ того замокъ Бавско, съ волостью и со всеми доходами, но съ сохраненіемъ правъ и привилегій какъ религіозныхъ, такъ и гражданскихъ жителямъ областей, отданныхъ въ залогъ. Орденъ имѣетъ право возвратить заложенные земли въ свое владѣніе, выплачивъ 600,000 гульденовъ, (считая въ гульденѣ 24 литовскихъ гроша). Подобный договоръ былъ заключенъ съ рижскимъ архіепископомъ, и окончательно утверж-

¹⁾ Львова. лѣт. V. 287 дѣла Датск. № 1.

²⁾ Mon. liv. V. 568.

³⁾ Mon. ant. liv V. 577.

день въ февралѣ 1561 года. Архіепископъ заложилъ королю замки: Ленверденъ и Маріенгаузенъ и дворы Бирсенъ и Лобанъ, съ правомъ для себя и своихъ преемниковъ возвратить ихъ себѣ заплативъ 100,000 золотыхъ, считая также каждый въ 24 литовскихъ гроша ¹⁾. Король уступалъ ему Ленверденъ въ пожизненное пользованіе. Король принялъ на себя обязанность охранять Ливонію противъ московскаго государя, но прежде послалъ въ Москву приглашеніе прекратить нападеніе на Ливонію ²⁾.

Отправили Георга Зиберга, командора дюнебургскаго въ Германію. Этотъ посолъ на аугсбургскомъ сеймѣ изложилъ положеніе Ливоніи и такъ тронулъ членовъ, что ему предлагали 100,000 дукатовъ, но это показалось ему мало и онъ не взялъ: за это его не поблагодарили въ Ливоніи. Кромѣ этого денежнаго пособия, аугсбургскій сеймъ опредѣлилъ написать къ московскому государю отъ имени императора увѣщаніе ³⁾.

Когда Готгардъ Кетлеръ воротился изъ Литвы въ Ливонію, надежда на время оживила рыцарей; они признавали гермейстера законнымъ господиномъ страны и ея избавителемъ. Не смѣли и подумать просить московскаго царя; надѣялись отомстить ему вдесятеро за все, что онъ причинилъ Ливоніи. Но денегъ въ Литвѣ гермейстеръ не получилъ; надобно было ихъ доставать другими путями. Онъ заложилъ Ревелю замокъ Кегель за 30,000 гульденовъ ⁴⁾.

За деньги, полученныя подъ залогъ замка, пригласили наемное войско и стали готовиться къ отнятію Дерпта и всѣхъ покоренныхъ москвитянами замковъ. Въ Москву сейчасъ дали знать объ этомъ и изъ Москвы послѣдовало приказаніе собраться въ походъ воеводамъ, расположеннымъ съ своими ратными силами въ пограничныхъ городахъ.

Въ октябрѣ высланный впередъ съ отрядомъ для провѣдыванья воевода Захарій Плещеевъ, ноймалъ нѣмецкихъ языковъ: они объявили, что гермейстеръ сталъ воевать по наущенію дерпт-

¹⁾ У Догеля т. V. 223, 228, 231, 233.

²⁾ Henning 230. Hiarn 222.

³⁾ Hiarn. 223.—Monum. liv. V. 562—564, 706—713.

⁴⁾ См. Richt. R. 11. 347.—Rutenb. 11. 179.

скихъ гражданъ, которые подсылали къ нему тайно своихъ агентовъ. Много узналъ онъ отъ языковъ тайнаго и важнаго, неизвѣстно, на сколько тамъ было вѣрнаго: быть можетъ на дерптскихъ гражданъ нарочно, съ досады, наговаривали. Но Плецеевъ не узналъ самаго главнаго, что гермейстеръ и коадьюторъ со своими силами недалеко. Воеводы, по словамъ лѣтописи, стояли оплошно; не было у нихъ ни подѣзчиковъ, ни сторожей, — они ждали помощи отъ своихъ; но погода была дурная, невозможно было ѣхать ни въ саняхъ, ни верхомъ; и вдругъ, когда они не ожидали, напали на нихъ нѣмцы и поразили на голову; пало тысячу человекъ боярскихъ людей, семьдесятъ человекъ дѣтей боярскихъ; раненыхъ было много; и плѣнныхъ много наловили и въ томъ числѣ поймали одного изъ воеводъ; весь лагерь и орудія достались побѣдителямъ. Плецеевъ едва самъ ушелъ. ¹⁾ Самъ гермейстеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и коадьюторъ рижскаго архіепископа, герцогъ Христофоръ Мекленбургскій, ²⁾ осадили Дерптъ. Плецеевъ изъявилъ подозрѣніе на нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ дерптскихъ гражданъ, ихъ засадили въ замокъ ³⁾.

Князя Курлятева не было уже въ городѣ, на мѣсто его воеводою былъ князь Андрей Пв. Ростовскій. Русскіе защищались упорно, и стрѣльбой не допускали нѣмцевъ къ городу ближе, чѣмъ на версту; нѣмцы не рѣшались на приступъ, стояли подъ Дерпитомъ пятьдесятъ дней во время осады потеряли человекъ со сто, а у русскихъ убили до сорока, наконецъ сняли осаду и двинулись къ Лансу. Если бы, говоритъ современникъ, нѣмцы поступали благоразумнѣе, то Богъ-бы могъ дать иную судьбу городу ⁴⁾.

Въ Лансѣ русскихъ было человекъ триста (сто дѣтей боярскихъ, да 200 стрѣльцовъ). Когда нѣмцы отошли отъ Дерпта, то князь Ростовскій успѣлъ послать туда еще сто стрѣльцовъ подъ начальствомъ головы Андрея Кошкарева. Нѣмцы окопались около Ланса, поставили туры, взмостили на нихъ пушки и принялись стрѣлять. Съ города имъ отвѣчали бодро. Уже нѣмцы успѣли

¹⁾ Львова V. 303.

²⁾ Hiagi. 223.

³⁾ Nyenst. 61.

⁴⁾ Henni. 231.

разбить въ одномъ мѣстѣ на пятнадцать сажени въ ширину стѣну и два дня приступали къ этому пролому. ¹⁾ Но неприятель, говоритъ ливонскій историкъ ²⁾, показалъ такую храбрость и такое мужество, что наши ничего не могли сдѣлать съ нимъ. Много храбрыхъ рижскихъ и ревелскихъ воиновъ было убито. Между ними одинъ капитанъ ³⁾. Русскіе выстрѣлы разбили нѣмцамъ ихъ двѣ пушки, ⁴⁾ и наконецъ нѣмцы отирались отъ Лапеа къ Оберналену со стыдомъ и срамомъ, но единословному выраженію и русскихъ и нѣмецкихъ исторій. ⁵⁾ Тамъ войско потребовало жалованья, роптало на погоду и готово было подвѣять бунтъ. Сначала начальники его уговаривали, а потомъ принуждены были отпустить на зимнія квартиры, ⁶⁾, а всю артиллерію отправили во Феллинъ ⁷⁾.

Ливонцы столь-же скоро утѣшались какою-нибудь надеждою, какъ и теряли духъ при опасности. Къ старому гермейстеру заѣхалъ тогда императорскій посолъ, ѣхавшій въ Москву съ ходатайствомъ за Ливонію отъ императора. Свои стали нѣмцы полагать надежды на ходатайство императора. Сейчасъ дали знать Готгарду Келлеру, и онъ пріѣхалъ. Въ довершеніе удовольствія прибыли послы изъ Польши въ Ркгу. Тогда рыцари говорили: цѣлы у насъ еще два главные города—Ревель и Рига, мы еще собьемъ събѣсъ дерзкому врагу ⁸⁾.

Но не то ожидало Ливонію. Въ началѣ 1500 года пріѣзжалъ въ Москву императорскій гонецъ и привозилъ письмо отъ Фердинанда 1-го. Императоръ припоминалъ царю и доказывалъ, что Ливонія—часть нѣмецкой имперіи, и нельзя потерпѣть, чтобъ эта часть насильственно отъ ней отторгалась; а потому просилъ царя перестать воевать Ливонію и возвратитъ все отнятыя у ней мѣста. Императоръ предлагалъ свое посредство и обѣщалъ во всякомъ случаѣ поступитъ такъ, какъ только можетъ быть выгод-

¹⁾ Львова V. 306. 307.

²⁾ Henn. 231.

³⁾ Nyenst. 61. Henning. 231.

⁴⁾ Львова V. 309.

⁵⁾ Henning 231. Львова 309.

⁶⁾ Henning 231.

⁷⁾ jbid. Nyenst. 61.

⁸⁾ Henning 231.

по для царя. ¹⁾ Московскій царь отпустилъ гонца безъ рѣшительнаго отвѣта, отлагая его до того времени, когда императоръ пришлетъ пословъ по важнѣе ²⁾. Въ январѣ 1560 года прѣѣзжалъ и отъ польскаго короля Мартинъ Володковичъ съ грамотой отъ короля. Сигизмундъ Августъ предъявлялъ свои права вмѣшиваться въ ливонскія дѣла на томъ основаніи, что Ливонія—земля, подданная императору, а императоръ повѣрилъ ея защиту ему. Притязанія московскаго государя, заявленныя прежнему королевскому послу, Тишкевичу, король опровергалъ тѣмъ, что предки царя не называли ее своею землею, и самъ царь не вмѣшивался въ ея дѣла, когда Сигизмундъ-Августъ, помогая рижскому архіепископу, посылалъ войско на гермейстера Фирстенберга. На это бояре твердили одно и то же, что Ливонія отъ прародителей принадлежитъ Россіи и показали посламъ грамоту, въ которой дерптскій епископъ и гермейстеръ обязывались платить дань ³⁾.

Такимъ образомъ постороннія заступничества, которымъ-было такъ обрадовались въ Ливоніи, не новели покамѣстъ ни къ чему утѣшительному.

А между тѣмъ за посѣщеніе Дерпта москвитяне не оставили ливонцевъ безъ благодарности. Опять московскіе войска пошли разгубивать по Ливоніи. Воеводы: князья Шуйскій, Серебрянный и Мстиславскій опустошали села и деревни въ областяхъ венденской и вольмарской, потомъ осадили Мариенбургъ (Алисть). ⁴⁾ Когда русскіе пробили стѣну въ этомъ городѣ, командоръ его Каспаръ Фонъ-Сибергъ сдался и былъ выпущенъ съ гарнизономъ. Его обвинили въ изменѣ, и гермейстеръ посадилъ его въ крѣпость Кирхгольмъ: тамъ онъ и умеръ. Велѣдъ за Мариенбургомъ сдались еще нѣсколько замковъ. Но увѣренію нѣмецкихъ историковъ, командоры сами ихъ сдали отъ малодушія и страха; всѣхъ тогда поразило общее оцѣпенѣніе. Русскіе ворвались въ область рижскаго архіепископства, разоряли ее, истребили до тла мѣстечко Смильтепъ, врывались даже въ Курляндію: нигдѣ имъ небыло препятствій и отпора ⁵⁾.

¹⁾ Histor. Russ. Monno. I. стр. 173.

²⁾ Карамзинъ, прии. 377, се. на 44т. прод. ц. книги 2.

³⁾ Арх. дѣла № 5; у Карамз. пр. 375.

⁴⁾ Псковск. 311.

⁵⁾ Russow 59. Hiarn. 225. Nyenst. 60.

Положеніе ордева казалось съ часу-на часъ безвыходиѣе; войско бунтовало, требовало платы; денегъ не ставало; нѣсколько отрядовъ ушло съ распущенными знаменами. Готгардъ Кетлеръ завялъ у прусскаго герцога еще новую сумму и заложилъ курляндскіе города: Гольдингенъ, Вицау и Гробиннъ. Ясно было, что съ такими способами защиты нельзя думать о сохраненіи самостоятельности; желая напрасно спастись отъ москвитянъ, Ливонія, такимъ образомъ, могла вся заложиться и потомъ продаться сосѣдямъ, какъ имѣніе несостоятельнаго должника. Разложеніе пошло со всѣхъ концовъ. Епископы, думая прежде о себѣ, хотѣли схватить въ свою пользу что имъ попадется въ руки во всеобщемъ разрушеніи, и увлзнуть по-добру-по-здорову. Эзелскій и цильтенскій епископъ, Іоганъ Фонъ-Мѣйнгаузенъ, уступилъ свое епископство брату датскаго короля, герцогу Магнусу, призвалъ его въ Аренсбургъ, а самъ, получивъ за свою уступку 20,000 талеровъ, ушелъ въ Германію. Его прямѣру послѣдовалъ и ревелскій епископъ, Маврицій Врангель: онъ продалъ свое епископство тому же Магнусу и также ушелъ въ Германію. За нимъ сдѣлалъ тоже фогтъ въ Сянебургъ и сдалъ городъ ему же. Многіе дворяне и ревелскіе знатные бюргеры увидали тутъ единственное спасеніе и бѣжали къ Магнусу по пословицѣ: утопающій хватается за соломенку. Готгардъ Кетлеръ, пораженный этимъ новымъ явленіемъ, пріѣхалъ въ Ревель и послалъ къ Магнусу депутатовъ. Магнусъ обѣщалъ именемъ своего брата, короля, защищать Ливонію, если Данія уступягъ земли, принадлежавшія епископамъ, отрекшимся отъ своихъ владѣній. Не могли быть по душѣ эти выходки гермейстеру, который хотѣлъ сохранить цѣлость страны: а ей предлагали помощь на счетъ ея разложенія.

Въ это время прибыла въ Ревель къ гермейстеру послы шведскаго короля, Густава Вазы. Старый король получилъ отъ императора Фердинанда 1-го ходатайство и просьбу пособить Ливоніи, и теперь обращался къ ней. Онъ отказывался пособлять ей оружіемъ, но убѣждалъ ливонцевъ оставаться въ вѣрности гермейстеру, обѣщалъ съ своей стороны городу Ревелю военныя снаряды и предлагалъ ревелцамъ, въ случаѣ угрожающей отъ москвитянъ осады, перевести семейства въ Финляндію съ имуществомъ. Гермейстеръ отправилъ посольство въ Швецію; съ нимъ

поѣхалъ полякъ Христофоръ Конарскій, возбуждавъ шведское правительство на взаимную съ Польшей защиту Ливоніи противъ московскаго государя ¹⁾).

Находясь въ Ревелѣ, гермейстеръ вдругъ услышалъ, что русская рать идетъ на него. Онъ собрался съ войскомъ и пошелъ ей на встрѣчу. На этотъ разъ предводительствовалъ русскимъ войскомъ Андрей Михайловичъ князь Курбскій, бывший до того времени въ сторожевыхъ полкахъ. Теперь, по увѣренію его самого, царь Иванъ Васильевичъ призвалъ его и говоритъ: «послѣ бѣгства монхъ воеводъ, я принужденъ самъ идти на Ливонію; или тебя, моего любимаго, послать, чтобъ мое войско охранилось при помощи Божіей; или послужи мнѣ.» Курбскій говоритъ при этомъ, что тогда русскія силы отвлечены были нападеніями крымцевъ, и потому посылали въ Ливонію воеводъ, мало искусныхъ, такъ что они нѣсколько разъ поражены были нѣмцами и, великіе числомъ, бѣжали отъ малочисленныхъ. Это могло относиться только къ послѣднимъ неудачамъ; нельзя сказать, чтобъ дѣла вообще шли плохо въ Ливоніи; и кажется Курбскій если не сочиняетъ, то прикрашиваетъ нѣсколько свое значеніе и подвиги.

Курбскій пошелъ на Вейсенштейнъ, называемый имъ въ переводѣ «Бѣлый Камень». Страна эта, по замѣчанію его, была очень богата. Подъ самымъ городомъ русскіе поразили нѣмецкій подѣздъ и узнали отъ языковъ, что гермейстеръ ушелъ изъ Ревеля и стоитъ верстъ за пятьдесятъ оттуда, среди болотъ.

Курбскій отпустилъ пѣнниковъ въ Дерить, а самъ пошелъ на гермейстера; пришлось переправляться черезъ болото, — въ такой переправѣ русскіе провели цѣлый день. Если бы въ это время, рассказываетъ самъ военачальникъ, нѣмцы встрѣтились съ нами и напали на насъ, то хоть бы у насъ войска втрое было, чѣмъ у нихъ, они поразили бы насъ; а у меня тогда было всего тысячъ пять. Нѣмцы стояли на широкомъ полѣ, верстъ за пятнадцать отъ русскихъ; у гермейстера было четыре пѣшихъ и пять конныхъ полковъ. Уже солнце зашло; настала ясная ночь. По замѣчанію Курбскаго, въ этихъ приморскихъ странахъ, ночи бываютъ особенно ярки. Ночью Курбскій дошелъ до нѣмецкаго

¹⁾ Penning 235. Hiörn 230.

войска. Между передними завязалась битва; она длилась полтора часа. Нѣмцы падали изъ орудій, а русскіе отдѣльвались болѣе стрѣлами, и попадали мѣтко. Курбекій дожидаль помощи отъ Большаго полка, и помощь пришла встатѣ. Завязалось полное сраженіе; схватились враги въ рукопашный бой и вслѣдъ за тѣмъ нѣмцы пустились бѣжать, а русскіе за ними пустились въ погоню; нѣмцы добѣжали до большой рѣки и, какъ стали переходить черезъ мостъ, подъ ними обломился мостъ и множество ихъ погнбло въ водѣ. До конца погибли, говоритъ Курбекій. Когда солнце возшло, уже войска не было; кто остялся живъ, тотъ бѣжалъ; вездѣ — по полю, въ хлѣбахъ и въ травѣ прятались кнехты; русскіе бѣгали за ними и отыскивали. Однихъ воиновъ знатныхъ (дворянъ) взяли сто семьдесятъ, русскихъ дѣтей боярскихъ убито было только шестнадцать, кромѣ простыхъ ратныхъ людей ¹⁾.

Эта блистательная побѣда, происходившая около Троицына дня, парализовала и духъ и силы Ливоніи. Русскіе отряды вторгались въ Гаррію, разорили край; черный народъ просилъ пощады, отрекался отъ нѣмцевъ добровольно и просилъ принять его въ подданство царю. Тогда сдался крѣпкій замокъ Феgefюеръ (Кировило чух.) и былъ сожженъ; пылали дворцы дворянъ. Въ одномъ мѣстѣ при Неуенгофѣ въ приходѣ Кошкуль, дворяне, пользуясь туманною погодою, напали было на русскихъ, но, когда разъяснилось, были разбиты. Самъ Курбекій воротился въ Дорптъ. Русскіе отряды вышли изъ Гарріи, возмутивъ крестьянъ. Ненавидя издавна нѣмцевъ, своихъ господъ, послѣдніе рады были случаю подняться на нихъ. Начались возмутительныя собранія. «Съ чего намъ терпѣть за нихъ», — кричали пробудившіеся чухны, — «дворяне берутъ съ насъ большіе оброки, мучатъ насъ барщинами, а какъ непріятель пришелъ, такъ они прячутся, а насъ на зарѣзъ отдаютъ». Они соединились въ шайки и начали разорять и жечь дворянскія усадьбы и убивать владѣльцовъ. Нѣкоторые изъ знатныхъ особъ были захвачены въ расплохъ и умерщвлены. Крестьяне послали въ Ревель депутата, приглашали мѣщанъ содѣйствовать себѣ и предлагали имъ дружбу, увѣряя, что они не хотятъ служить дворянамъ, которые

¹⁾ Курбекій 90.

должны быть истреблены, но съ горожанами желаютъ они жить въ мирѣ.

Какъ обыкновенно бываетъ, первая энергическая удачная шѣра укрощенія охлаждаетъ ревность и пылъ подобныхъ возстаній. Такъ было и здѣсь. Сильная крестьянская шайка осадивъ дворянскую усадьбу Лоде, куда, пользуясь укрѣпленіемъ, сбѣжались преслѣдуемые дворяне. Когда крестьяне трудились надъ нею, вдругъ напалъ на нихъ съзади Христофоръ фонъ-Неннаузенъ съ отрядомъ дворовыхъ людей и рейтаръ. Застигнутые въ расплохъ, крестьяне были разбиты и главные ихъ коноводы попались въ плѣнъ: ихъ примѣрно казнили, — однихъ на мѣстѣ, другихъ повезли въ Ревель. Бунтъ утихъ ¹⁾.

Межу тѣмъ, въ Дерптъ пришло большое войско и отъ цара приказаніе идти на Феллинъ, гдѣ былъ тогда старый гермейстеръ Фирстенбергъ. Онъ узналъ уже о пораженіи Готгарда Кетлера, собирався уходить самъ и отправилъ въ Гаусаль тяжелыя орудія, которыя, послѣ снятія съ него гермейстерскаго достоинства, вообще оставались подъ его вѣденіемъ. Русскимъ воеводамъ донесли объ этомъ. Они отправили на перехватъ ихъ конвоемъ двѣнадцатитысячный отрядъ. За нимъ все войско двинулось съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять Феллинъ, крѣпость сильную въ Ливоніи. Всего войска было сорокъ тысячъ, изъ нихъ тридцать тысячъ коннаго, а десять тысячъ стрѣльцовъ и козакъ ²⁾. Пушекъ съ нимъ было большихъ сорокъ, а меньшихъ пятьдесятъ. Этою огромною для Ливоніи силой начальствовали князя Шуйскій, Метиславскій и Курбскій. Они вышли изъ Дерпта послѣ Ильина дня ³⁾. Пушки погнажи вверхъ по рѣкѣ Эмбаху. Близъ города Эрмса сказали русскимъ воеводамъ, что на нихъ готовится нападеніе. Ляндмаршалъ Филиппъ Бель и съ нимъ одиннадцать комтуровъ, узнавъ, что идетъ московское войско, устроили засаду; но они не знали какъ велико непріятельское войско: отъ тѣхъ, которые, прослышавъ о приближеніи непріятели, сбѣжали въ осаду въ Эрмсъ, ляндмаршалъ получилъ невѣрныя извѣстія и думалъ, что русскіе идутъ такимъ же пе-

¹⁾ Russov, 62—63. Hiarn 229—230.

²⁾ Курбскій 92.

³⁾ Псковск. 318.

большимъ отрядомъ, какіе до сихъ поръ ходили по Ливоніи разорять волости; онъ надѣялся побить русскихъ, напавши на нихъ внезапно. У него, по извѣстію Курбскаго, было не болѣе, какъ человекъ пятьсотъ конныхъ, да столько-же пѣшихъ. Въ добавокъ, это было днемъ, а нѣмцы, по замѣчанію Курбскаго, днемъ бывали тогда рѣдко трезвы. И вотъ передъ полуднемъ русское войско расположилось опочивать. Стояла сторожка. Это время казалось благопріятнымъ. Фонъ-Бель ударилъ на сторожу, потомъ на конницу. Но, русскіе предвидѣли все и, какъ оказалось, когда льяндмаршалъ готовилъ русскимъ засаду, русскіе приготовили ее для него; — нашлись добрые вожи, которые провели русскій отрядъ черезъ лѣсъ вкось и, какъ только схватились нѣмцы съ передовыми, сзади на нѣмцевъ обрушилась изъ лѣса неожиданная русская сила и огорнула ихъ со всѣхъ сторонъ. Они пустились въ разсыпную; и слишкомъ мало было счастливыхъ, что успѣли спастись. Самаго предводителя поймалъ холодъ Алексѣя Адашева; взяли въ плѣнъ одиннадцать комтуровъ и сто двадцать дворянъ живьемъ, кромѣ множества простыхъ.

Воеводамъ привели плѣннаго льяндмаршала, послѣдняго защитника и надежду ливонскаго народа, по замѣчанію Курбскаго.

Хотя онъ былъ и плѣнникъ, но съ нимъ обращались съ почестями, уважали въ немъ и знатное происхожденіе и храбрость. Сидя за обѣдомъ съ воеводами, рассказывалъ онъ имъ исторію ливонскаго ордена и приписывалъ бѣдствіе своего отечества перемѣнѣ старыхъ обычаевъ и вѣры. Какъ только—говорилъ онъ—мы отступили отъ вѣры церковной и дерзко опровергли законы и уставы святые и приняли новозобрѣтенную вѣру, а потомъ вдаль на широкій и пространный путь, ведущій на погибель, Господь явственно обличалъ грѣхи наши: теперь казнить онъ насъ за беззаконія наши и предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ. И вотъ прародители наши построили высокіе и крѣпкіе города, палаты, богатые дворы, а вы безъ гряда, безъ издержекъ, вошли въ нихъ, будете пользоваться садами, которыхъ не сажали и домашнимъ хозяйствомъ, котораго не заводили. Вы мечемъ насъ поборали, а другіе безъ меча, ни мало не трудясь, захватили наше достояніе, обѣщая намъ помощь и оборону.

Но не думайте, что вы насъ силою своею одолѣли: Богъ за

преступленія наши предавъ насъ въ руки врагамъ нашимъ. Эти размышленія поправились благочестивымъ боярамъ. Пльвникъ плакалъ; прослезилась побѣдители. Не меньше тронуло ихъ и то, когда, отирая слезы, пльвникъ съ родостнымъ лицомъ сказалъ: благодарю Бога и радуюсь, что стражду за свое отечество; пусть постигнетъ меня смерть за него, она будетъ мнѣ любезна и бояре удивлялись его разуму и словесству.

Въ августѣ 1560 года русскіе осадили Феллинь, гдѣ сидѣлъ бывшій гермейстеръ, покопали валы, поставили на нихъ пушки и палили въ городъ. Такъ проходили три недѣли. Въ это время пришло извѣстіе, что новый льяндмаршалъ идетъ отъ Виденна и что литовцы пришли въ Ливонію подъ начальствомъ Ходкѣвича и посылаютъ на русскихъ силу, чтобъ выручить Феллинь. Воеводы рѣшили напасть на нихъ прежде, чѣмъ нападуть они на воеводъ. Отрядили Курбскаго съ товарищами. Курбскій исполнилъ дѣло блистательно: онъ разбилъ новаго льяндмаршала подъ Вольмаромъ, потомъ напалъ на отрядъ Полубенскаго, посланный Ходкѣвичемъ, разсѣялъ его и воротился къ Феллину ¹⁾. 20 августа отъ Корнилія игумена печерскаго, славившагося своею святою жизнію, имѣвшаго репутацію чудотворца прибылъ къ осаждающимъ старецъ Феоктистъ съ просфорою и святою водою ²⁾. На другой день 21 августа стали по обычаю прежнихъ дней палить въ Феллинь; одно ядро попало въ яблоко на церкви, другія падали въ иные мѣста,—городъ загорѣлся, русскіе усилили стрѣльбу. Тогда Фирстенбергъ выслалъ просить пощады, отдавалъ городъ и выгваривалъ вольный проѣздъ себѣ и всѣмъ, находившимся въ замкѣ съ ихъ имуществомъ. Но воеводы видѣли, что онъ ни въ какомъ случаѣ держаться болѣе не можетъ и объявили такъ: «своего и жителей всѣхъ вынестимъ и съ ихъ животами, а тебя не вынестимъ; только общаемъ тебѣ милость отъ царя; все тебѣ возвратимъ; и царь пожалуетъ тебѣ городъ на Москвѣ до твоего живота.» Фирстенбергъ не могъ противиться, потому что всѣ жители, стѣненныя и огнемъ и непріятельскими ядрами, требовали скорѣе сдачи. Такъ сдался Феллинь и русскіе бросились тушить огонь. Когда, по извѣстію

¹⁾ Курбскій 98 Псков. лѣт. 312.

²⁾ Псков. лѣт. 312.

Курбскаго, воеводы вошли въ него и увидѣли тройную каменную стѣну и глубокіе рвы, выведенные гладкими камнями, толстыя свинцовыя кровли не церкви, строенияхъ и стѣнахъ, когда забрали въ городѣ восемнадцать стѣнобитныхъ пушекъ да четыреста пятьдесятъ малыхъ орудій, когда увидѣли, что и запасовъ военныхъ и съѣстныхъ было большое изобиліе, то удивлялись, какъ это нѣмцы съ такими силами могли едаться ¹⁾. Воеводы приписывали эту побѣду благословенію св. Корнилія и прислали въ даръ его монастырю колоколъ изъ Феллина ²⁾.

Взятые въ плѣнъ предводители отправлены въ Москву. Царь не такъ великодушно, какъ его воеводы, обошелся съ ними. Напрасно воеводы, посылая плѣнниковъ просили царя быть къ нимъ милостиву, представляли, что вся ливонская земля уважаетъ Филиппа фонъ-Беля и ласковый пріемъ этого плѣнника расположить къ царю покоренную страну. Когда ихъ привели къ царю, Филиппъ фонъ-Бель не боялся сказать ему: «ты хочешь покорить наше отечество неправдою и кровопійствомъ; ты поступаешь не такъ, какъ христіанскій государь ³⁾». Иванъ разъярился. Бель и съ нимъ четыре ливонскіе рыцаря (братъ его Вернеръ Шаль фонъ-Бель комтуръ гольдингенскій, Генрихъ фонъ-Галенъ фогтъ боушенбургскій, Христофъ Зиброкъ фогтъ кандавскій, и комтуръ фонъ-Дубеленъ) ради погѣхи проведены были по московскимъ улицамъ; ихъ подгоняли бичами; потомъ имъ отрубили головы и бросили ихъ тѣла на съѣденіе собакамъ. Дерптскій епископъ, который изъ плѣнныхъ нѣмцевъ одинъ только былъ въ чести у царя, молился надъ тѣлами соотечественниковъ и выпросилъ позволеніе похоронить ихъ ⁴⁾.

Фирстенберга также водили на норуганіе по Москвѣ, но не убили, а посадили въ тюрьму; двое слугъ добровольно остались при немъ раздѣлять его заключеніе. Нѣмецкіе историки говорятъ, что, во время торжественнаго провода рыцарей по улицамъ Москвы, двое лишенныхъ престоловъ царей, казанскій и астраханскій, плюнули на нихъ и сказали: «вогъ вамъ, нѣмцы, по

¹⁾ Курбскій 99.

²⁾ Псков. лѣт. 312.

³⁾ Курбскій 97.

⁴⁾ Непанинг 233.

дѣломъ; вы сами дали великому князю кнуть, которымъ онъ и васъ и насъ бьетъ». Они намекали на то, что ливонцы привозили къ москвитянамъ военные запасы. Почти навѣрное можно сказать, что этотъ анекдотъ выдуманъ ливонцами.

Постоянные неуспѣхи въ войнѣ съ москвитянами должны были волюнѣ убѣдить Ливонію въ невозможности бороться за свою независимость. Воевать можно было только съ чужеземною помощію. Эту помощь надо было покупать. Уже городъ за городомъ отданы были въ залогъ для пріобрѣтенія денегъ, чтобъ на нихъ нанимать войско; непріятель не оставлялъ своихъ покушеній и чувствовалъ что постоянно беретъ верхъ въ борьбѣ, которую ведетъ. При томъ-же современники сознавали, что наемныя войска, приведенныя изъ Германіи въ Ливонію, были до того своевольны, что обращались съ краемъ, куда приведены, мало чѣмъ лучше враговъ ¹⁾.

Для Ливоніи было все равно что съ усиліями бороться противъ Московіи и потомъ лишится независимости и достаться чужимъ, что, избѣгая дальнѣйшихъ усилій и разореній, отдаться кому-нибудь заранѣе добровольно. Имперія уже оставила ее на произволь судьбы. Въ Германіи сочувствіе къ Ливоніи до того не оказывалось всеобщимъ и сильнымъ, что города — Любекъ, Гамбургъ и другіе не стѣснились племеннымъ родствомъ съ ливонскими нѣмцами на столько, чтобъ для него пожертвовать собственными выгодами и доставляли въ Иванъ-городъ оружіе и снаряды, нужные русскимъ для войны съ Ливоніею ²⁾. Трое сосѣдей: Польша, Данія и Швеція предлагали ей помощь, но тутъ ясны были своекорыстные виды овладѣть несчастною страпою, искавшею у чужихъ спасенія. Географическое сосѣдство рѣшало выборомъ. Гермейстеръ склонился къ мысли отдаться Польшѣ, къ нему приставали дворяне южной Ливоніи; край ихъ не былъ огражденъ отъ Литвы ничѣмъ; можно было страшиться, что если не отдаться Литвѣ, то не только не получишь отъ ней помощи, но еще наживешь себѣ въ ней врага: Литвѣ стоитъ только захотѣть овладѣть этою частью Ливоніи и войти относительно другой въ сдѣлку съ Московіею. Видно было, чего

¹⁾ Monum. ant. Liv. V. 361.

²⁾ Monum. ant. Liv. V, 600.

хотять въ Литвѣ, заключивъ оборонительный союзъ. Сигизмундъ Августъ не началъ войны, а объявилъ, что до истеченія перемирія въ 1562 году не можетъ ее начать. Всѣ дѣла въ Ливоніи онъ препоручилъ вести виленскому воеводѣ, Радзивилу. Радзивилъ весною 1560 года занялъ всѣ заложенные Литвѣ замки и волости. Рижскій архіепископъ еще боялся довериться полякамъ. Сигизмундъ Августъ настаивалъ, чтобъ онъ допустилъ въ принадлежащія архіепископству мѣста польскіе гарнизоны подъ предлогомъ охраненія края отъ москвитянъ ¹⁾. Архіепископъ, сообразивъ, что въ самомъ дѣлѣ москвитяне скоро доберутся до Риги, принужденъ былъ не только согласиться, но въ апрѣлѣ 1560 года самъ просилъ и умолялъ поставить въ его владѣніяхъ гарнизоны и передалъ литовцамъ всѣ принадлежащія ему замки и укрѣпленія, пушки и всѣ запасы ²⁾. Однако долго и напрасно просила Ливонія у Сигизмунда дѣйствительной помощи. Русскіе брали городъ за городомъ, уничтожали послѣднія орденскія силы, а Польша и Литва ограничивались только забираемъ въ свои руки замковъ. Ясно было, что дожидаются того времени, когда Ливонія, доведенная до послѣдней крайности, сама отречется отъ независимости.

Сѣверная часть Ливоніи, Ревель и провинціи Гэрріа и Ервенъ были болѣе склонны къ Швеціи, чѣмъ къ Польшѣ и Литвѣ, какъ по близости, такъ и по торговымъ своимъ выгодамъ, ибо морское плаваніе было для нихъ источникомъ благосостоянія. Послѣ Феллинской побѣды, русскіе стали еще смѣлѣе, и снова вторгались въ Гэррію, а отряды ихъ доходили до самаго Ревеля, угрожали пригороднымъ дачамъ, и вводили скотъ въ виду города. Эти событія располагали ревельцевъ быть рѣшительнѣе. Въ сентябрѣ они отправили посольство въ Швецію просить денегъ займа и обѣщанія пріюта въ Швеціи, ибо Московиты явно готовятся напасть на Ревель.

Послы прибыли въ Стобгольмъ, когда старый король видимо угасалъ. На Михайловъ день (8 ноября) онъ скончался. Послѣ обычныхъ торжествъ погребенія, наследникъ Густава Эрикъ показалъ себя не такъ великодушнымъ и безстрастнымъ, какимъ

¹⁾ Monum. ant. Liv. V, 596.

²⁾ Monum. ant. Liv. V, 601—602.

быль для Ливоніи отецъ его. Съѣхались послы отъ Сигизмунда-Августа и отъ гермейстера; пріѣхалъ и московскій посолъ. Эрикъ принималъ по тѣдняго ласково и оказывалъ почести этой грубой квадратной фигурѣ, какъ отзывается о немъ послѣ современный нѣмецкій историкъ. Такой пріемъ раздосадовалъ польскаго гонца Конарскаго. «Какъ можно»,—говорилъ онъ шведскому секретарю, «оставить на одну доску христіанскаго помазанника съ варварской крови собакой¹⁾», которая притомъ не король, а только великій князь».—Онъ удалился отъ дѣлъ. Эрикъ этимъ показалъ ливонцамъ, что не намѣренъ дѣйствовать въ ихъ пользу заодно съ польскимъ королемъ для охраненія ихъ независимости, и что у него свои особые виды. Не слишкомъ утѣшительно поступилъ онъ съ послами гермейстера, бывшими разомъ съ ревальскими. Они просили взаймы денегъ. Эрикъ согласился дать 60,000 талеровъ не иначе, какъ подъ залогъ города Чернова; а когда послы гермейстера объявили, что ихъ послали просить денегъ, а не уполномочили давать подъ эти деньги залогъ, то король предъявилъ жалобу, что гермейстеръ захватилъ въ Финскомъ заливѣ нѣкоторыя суда, принадлежащія шведамъ. Онъ требовалъ вознагражденія непременно къ пасхѣ слѣдующаго года, иначе грозилъ употребить свои мѣры. Такое домогательство получить деньги съ тѣхъ, которые пріѣхали просить денегъ, могло показать посламъ гермейстера, куда мѣтилъ король. Отпустивъ ихъ съ такими угрозами, Эрикъ задержалъ ревальскихъ пословъ до новаго 1561 года, и, послѣ праздника Богоявленія, далъ имъ такое рѣшеніе: «вашъ городъ Ревель въ большой опасности, ему нѣтъ ни откуда спасенія. Московитяне васъ завоюютъ: тогда Швеція будетъ имѣть опаснаго и сильнаго сосѣда. Поэтому—не изъ жадности, не изъ желанія пріобрѣтать земли, а ради христіанской любви и избѣжанія сосѣдства съ Московією, мы готовы исполнить вашу просьбу и дать городу Ревелю не только денегъ, но оружія, пороху, свинца, запасовъ, однако съ тѣмъ, чтобъ Ревель отдался добровольно подъ власть шведской короны, а мы сохранимъ и утвердимъ всѣ его прежнія права и обычаи». Послы отвѣчали: «мы не имѣемъ на это уполномочія, а доложимъ совѣту и общинѣ».

¹⁾ Penning 235.

Ревельцы приглашая на совѣтъ дворянство Гаррии, какъ это дѣлалось въ подобныхъ важныхъ случаяхъ, и порѣшили отправить къ гермейстеру депутацію съ тѣмъ, что если онъ не подастъ имъ помощи, то они станутъ сами промышлять себѣ средства. Гермейстеръ, какъ-бы исполняя ихъ требованіе о помощи, прислалъ къ нимъ литовскій отрядъ. Но поляковъ и литовцевъ не терпѣли въ нѣмецкомъ городѣ; поспѣшили ихъ обдарить и отослать прочь. Граждане роптали на гермейстера. «Онъ,—говорили они,—хочетъ насъ отдать полякамъ, да мы не хотимъ этого вовсе».

Къ довершенію возникшаго неудовольствія противъ гермейстера случилось такое обстоятельство. Кетлеръ, не будучи въ состояніи заплатить жалованья наемнымъ нѣмецкимъ кнехтамъ, заложилъ имъ ревельскій замокъ; вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ залогъ монастырь Падисъ, лежащій недалеко отъ Ревеля. Когда дѣла начали склоняться къ тому, что ревельцы, какъ говорится, и руками и ногами отбивались отъ присоединенія къ Польшѣ в Литвѣ, и, напротивъ, болѣе готовы были отдаться шведамъ, противъ желанія гермейстера, тогда онъ замыслилъ хитростью прибрать въ свои руки ревельскій замокъ и выжить оттуда кнехтовъ. Онъ пригласилъ къ себѣ начальника отряда кнехтовъ Іоганна Пльате. Кнехты не догадались зачѣмъ его зовутъ и отпустили, да еще поручили ему хлопотать о скорѣйшей уплатѣ ихъ жалованья. Отозвавши такимъ образомъ командира кнехтовъ, Кетлеръ поручилъ своему намѣстнику надъ замкомъ ревельскимъ, Каспару фонъ-Ольденбокену, сировадигъ изъ замка нѣмцевъ и ввести туда литовскій гарнизонъ. При посредствѣ какого-то доктора Матѳея Фрайнера и какого-то Вильгельма Вейферлинга, онъ ввелъ въ замокъ литовцевъ, а за ними везли въ ящикахъ и сундукахъ оружіе. Нѣмцы не догадались, что къ нимъ везутъ, пока литовцы, доставши оружіе, не стали ихъ выгонять. Они должны были уступить и вышли. Послѣ того пріѣхалъ въ Ревель ихъ командиръ отъ гермейстера и сказалъ, что гермейстеръ не показываетъ охоты заплатить имъ жалованье и если они желаютъ получить деньги, то пусть обращаются къ польскому королю, потому что самъ гермейстеръ уже не господинъ надъ ливонскою землею. «Что-же это? кричали кнехты, намъ и денегъ не платить и залогъ отняли!» Они стали было пытаться выгонять изъ

замка литовцевъ, но горожане успокоили обѣ стороны, устроивши между ними перемиріе на четырнадцать дней. Они еще не получили отвѣта отъ гермейстера на тотъ запросъ, который ему сдѣлали послѣ того, что имъ объявилъ шведскій король.

Желасмаго отвѣта отъ гермейстера все еще не получалъ, какъ отъ шведскаго короля явились въ Ревель комиссары. Они объявили, что посланы къ гермейстеру рѣшительно требовать уплаты вознагражденія за оскорбленія, причиненныя шведскимъ судамъ во Финскомъ заливѣ, и если онъ попрежнему станетъ отдѣлываться утѣшительными словами и не заплатитъ къ пасхѣ, то король станетъ взыскивать свое на его подданныхъ и на его владѣніяхъ.

Это была вмѣстѣ съ тѣмъ угроза Ревелю. Городъ долженъ былъ понять, что ему остается поскорѣе отречься отъ гермейстера и отдаться Швеціи, иначе шведы придутъ, изъ вражды къ гермейстеру, разорять Ревель и его край, какъ гермейстерскія владѣнія. Какъ-бы въ подтвержденіе того, что комиссары говорятъ не пустяки, въ Финляндію посланъ былъ десантъ съ приказаніемъ быть готовымъ для высадки въ Эстонию, коль скоро комиссары, отправленные въ Ревель, этого потребуютъ.

Комиссары отправили королевское требованіе къ гермейстеру и звали его въ Ревель, а сами остались въ городѣ дожидаться его прибытія. Гермейстеръ, твердо рѣшаясь уже отдаться Сигизмунду-Августу, не думалъ спѣшить въ Ревель по приказанію шведскаго короля и отвѣчалъ, что онъ не можетъ дать отвѣта ранѣе дня св. Іоанна (24 іюня).

Послѣ этого медлить было нечего ревельцамъ. Приходилось или присягнуть шведскому королю на подданство, или ожидать его войска. Большинство въ Ревелѣ склонялось къ Швеціи.— «Отъ Римскаго императора,—разсуждали тогда,—пѣтъ намъ ни помощи, ни утѣшенія; гермейстеръ никакъ не въ силахъ намъ пособить, хоть-бы и захотѣлъ. Какая выгода соединиться намъ съ Польшею и Литвою,—чего ему такъ хочется? Польша и Литва намъ не подъ руку; да и народъ тамъ другого языка, другой вѣры, другихъ обычаевъ. Иное дѣло рижане; тѣ хоть торговлею связаны съ Польшею и Литвою по близости—получаютъ оттуда хлѣбъ; а намъ нѣтъ ровно никакой выгоды туда отдаваться: одна погибель намъ изъ этого будетъ! Шведы съ нами

одной вѣры; страна ихъ отъ насъ близко, и торговли у насъ со Швеціею постоянная; намъ подручно пристать къ Швеціи; можно оттуда и помощь получить. — Городъ пригласилъ насъ съѣздъ дворянство эстляндское къ 4-му мая 1561 года. На этомъ съѣздѣ дворяне повели себя во всемъ согласно съ городомъ. — Мы, говорили они, никогда и прежде не отставали отъ васъ ни въ чемъ, и теперь не отстанемъ. Мы соглашаемся отдаться Швеціи. «Не многіе, которые были не расположены къ этому, не смѣли слишкомъ рѣзко сопротивляться. Отправили къ гермейстеру посольство съ отказомъ подданства и повиновенія. 6-го Іюня ревелыцы и дворяне эстляндскіе присягнули на подданство шведскому королю предъ шведскими комиссарами, которые, по уполномочію отъ своего государя, дали его именовъ обѣщаніе утвердить на вѣчныя времена всѣ прежнія права и привилегіи городу и дворянству. Замокъ находившійся въ рукахъ Каспара фонъ-Ольденбокена, которому довѣрилъ его гермейстеръ, переданъ былъ отъ города шведамъ, но гарнизонъ сопротивлялся и шесть недѣль отстрѣливался отъ осаждающихъ. Онъ сдался 24 Іюня по причинѣ скудости провіанта и военныхъ запасовъ.

13-го Іюля отправлено было посольство къ шведскому королю отъ города и отъ дворянства. Король принималъ его ласково, подтвердилъ все постановленное его комиссарами въ Ревелѣ и обѣщалъ охранить взаимнымъ договоромъ съ московскимъ царемъ ту часть Ливоніи, которая присоединилась къ Швеціи. Эрикъ привязалъ къ себѣ новопоступившихъ въ подданство щедростью. Онъ занялъ Ревелю сумму, которую Ревель далъ взаймы Готгарду Кетлеру, подъ залогъ замка Кегеля, и конечно Ревель иначе не могъ-бы получить этой суммы отъ приходшаго въ разореніе ордена. Многіе изъ дворянъ и бюргеровъ поѣхали въ Стокгольмъ и всѣ воротились съ какими-нибудь знаками милости и вниманія: кому денегъ дали, кому землю; всему дворянству были утверждены и даже расширены прежнія привилегіи. Наконецъ, отдавшася Швеціи часть могла имѣть сколько-нибудь надежду на спокойствіе со стороны московитянъ; Эрикъ отправилъ къ царю Ивану посольство съ предложеніемъ мира и покидалъ остальную Ливонію на произволъ судьбы; съ другой стороны Сигизмундъ-Августъ чрезъ посланника своего Тенскаго изъявлялъ желаніе взаимнаго союза съ шведскимъ королемъ противъ московитянъ со

взаимными уступками другъ другу въ Ливоніи. Въ томъ и другомъ случаѣ — помирилась-ли-бы Москва со Швеціею, или-же Польша и Литва стали дружно воевать противъ Москвы при пособіи Швеціи—Ревеля и Эстляндіи предстоила надежда имѣть болѣе ручательства на безопасность и спокойствіе, чѣмъ тогда, когда-бы эта страна, думая сохранить невозможную независимость, сдѣлалась сценою нападеній сосѣдей съ разныхъ сторонъ, ищущихъ каждый своей выгоды въ краѣ разоренномъ и лишонномъ собственныхъ способовъ защиты ¹⁾.

Отдача Revela и Эстляндіи шведскому королю ускорила развязку съ Польшею. Уже договоръ 1559 года фактически отдалъ часть Ливоніи рѣчи Посполитой; оставалось только признать отданное не заложенымъ, а уступленнымъ во владѣніе или присоединеннымъ къ Литвѣ. Взявши въ залогъ ливонскія земли, поставивши гарнизоны въ ливонскихъ городахъ, поступившихъ въ залогъ, Сигизмундъ-Августъ въ пользу Ливоніи только тѣмъ и ограничился: правда, поставленіе гарнизоновъ имѣло видъ какъ-бы защиты края; но ливонцы видѣли въ этомъ фактѣ только то, что польскій король употребляетъ такую мѣру болѣе для того, чтобы заложники не ускользнули изъ его рукъ. Николай Радзивилъ Чорный, воевода троцкій, главный двигатель польскихъ видовъ на Ливонію, въ переговорахъ съ гермейстеромъ выражался ясно, что Ливонія болѣе будетъ имѣть права на защиту отъ Литвы, если отдастся ей въ подданство. Заложеніе земель вело неминуемо къ этому подданству. Только то фактически и было охрпчено королемъ, что находилось у него въ залогъ; остальной Ливоніи помощи не было. Слѣдовательно, орденскому правительству оставалось или отдать королю всю Ливонію, или истребовать назадъ заложенное и уничтожить договоръ съ королемъ. Но послѣднее было невозможно. Разоренная, обезсѣленная до крайности Ливонія не смѣла разсердить Литвы и Польши и важить себѣ еще новаго врага; избѣгая подданства Сигизмунду-Августу, надобно было выбирать либо Швецію либо Московію. Если же не хотѣтъ ни той, ни другой, то неминуемо оставалось отдаваться Польшѣ и Литвѣ. Ужъ если неизбежно было кого вѣбудь да выбирать, то рыцарство, какъ аристократическій элементъ, конечно, должно

¹⁾ Hiarn 236. Russow 66 Henning 238.

было предпочесть послѣднюю дорогу. Высшее сословіе въ Ливоніи собственно выигрывало отъ этого, потому что, вступая въ составъ Рѣчи Посполитой, могло получить для себя огромныя права, которыми пользовалось высшее сословіе въ послѣдней странѣ. Что же касается до защиты страны, то казалось, ни съ кѣмъ другимъ она не могла быть болѣе безопасна. Рѣчь-Посполитая не только казалась сильною для того, чтобы противопоставить оплотъ забирательной московской политикѣ, но и географическое положеніе дѣлало ее подручною для этого дѣла по отношенію къ Ливоніи. Отдача Ливоніи кому-бы-то ни-было влекла за собою необходимость сложенія духовнаго званія рыцарями. Составлять орденъ Ливоніи могла только будучи независимымъ краемъ. Объ этомъ еще въ 1560 году было разсуждаемо и рѣшено. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года на собраніи составленъ былъ актъ по этому вопросу. Въ немъ рыцари сознавались, что Богъ караетъ ихъ по грѣхамъ, что страна въ крайнемъ положеніи; потому они предоставляютъ своему гермейстеру употребить послѣднія усилія и просьбы къ сосѣдямъ о помощи, и позволили ему, если нужно окажется, вступить въ бракъ, коль скоро этотъ бракъ повлечетъ за собою выгодныя связи и дастъ возможность облегченія несчастной странѣ ¹⁾). Послѣ новыхъ несчастій, испытанныхъ Ливоніей отъ москвитянъ, потребность эта еще болѣе уяснилась. Радзивилъ продолжалъ указывать гермейстеру и орденскимъ савновникамъ на присоединеніе къ Польшѣ и Литвѣ, какъ на единственный исходъ. Въ сентябрѣ 1561 года рыцари на сеймѣ составили другой актъ, гдѣ заявили, что считаютъ совершенно невозможнымъ дальнѣйшее существованіе ордена. Они признавали свою безженную жизнь грѣшною, навлекающею на нихъ гнѣвъ и гибель отъ Бога. Рѣшено сложить съ себя духовное званіе и отдаться Польшѣ и Литвѣ съ тѣмъ, чтобы Готгаръ Кетлеръ былъ наслѣдственнымъ правителемъ края и чтобы дѣлающія времена тамъ всегда оставался удѣльный владѣтель нѣмецкаго происхожденія ²⁾).

Упорство показавъ городъ Рига. Гермейстеръ выигрывалъ при отдачѣ Ливоніи; онъ дѣлался наслѣдственнымъ государемъ. Рыцари также выигрывали: они могли сдѣлаться наслѣдственнымъ

¹⁾ Ziegenhorn. Staats-Recht von Curland Beil. 44.

²⁾ Ziegenhorn Beil. 48.

владѣтелями пмѣнй, которыми до того управляли въ качествѣ орденскихъ сановниковъ. Но городъ Рига дорожилъ своимъ средне-вѣковыми привилегіями; онѣ давали ей большія права и монополіи, невыгодныя для другихъ, но выгодныя для ней: ихъ подтверждали ¹⁾ всѣ гермейстеры одинъ за другимъ; Ригѣ было выгодно находиться въ орденскомъ владѣніи. При этомъ же протестанство побаввалось католической Польши. Тѣмъ не менѣе, однако, было слишкомъ ясно что Рига не можег одна дѣйствовать въ разрѣзъ со всею Ливонією. Отвергать присоединеніе — значило-бы разойтись съ орденомъ и потомъ навѣрное погибнуть въ перестрѣльномъ огнѣ.

Осенью 1561 года Радзивиль вѣхалъ въ городъ Ригу великолѣпно, съ большою толпою шляхты, какъ посолъ могущественнаго и вмѣстѣ великодушнаго монарха. Онѣ объявилъ гражданамъ положительно, что гермейстеръ и архіепископъ отдаются Литвѣ и потому городъ долженъ съ своей стороны выбирать депутатовъ и послать ихъ въ Польшу для отдачи своего города Сигизмунду-Августу вмѣстѣ со всею Ливонскою землею. За нимъ въ городъ пріѣхали гермейстеръ и архіепископъ. Стали потомъ съѣзжаться рыцари. Члены совѣта собрали всю городскую общину (*ganssen genen*). Гермейстеръ и архіепископъ стали уговаривать рижанъ; тѣ сильно возражали, но скоро увидѣли, что дѣло зашло далеко; невозможенъ сталъ возвратъ назадъ; имъ самимъ уже некуда было дѣться. Радзивиль увѣрялъ рижанъ, что Рига останется со своими древними правами и преимуществами, что Сигизмундъ-Августъ принимаетъ рижанъ какъ свой собственный любезный народъ ²⁾. 8-го сентября Радзивиль далъ Ригѣ отъ себя письменное удостовѣреніе въ томъ, что все имъ обѣщанное утвердитъ король ³⁾. 12-го сентября все дворянство имѣло свое собраніе. Тамъ были и городскіе депутаты. Тогда было рѣшено отдаться въ подданство польскому королю и великому князю литовскому, Сигизмунду-Августу, съ тѣмъ, чтобы король утвердилъ новоприсоединяемымъ провинціямъ невозбранно на вѣчныя времена свободу аугсбургскаго вѣроисповѣданія и оставилъ неприкосновенными права и обычаи

¹⁾ Ziegenhorn Beil. 44, 45.

²⁾ Monum IV. 125.

³⁾ Ziegenhorn Beil. 45.

страны. Въмѣстѣ съ тѣмъ положено просить о расширеніи нѣкоторыхъ правъ для благоденствія края. Въ этомъ смыслѣ дано было полномочіе избраннѣмъ посламъ, которые должны были ѣхать въ Вильно ¹⁾.

Ливонскіе послы прибыли въ Вильно 13-го октября. Черезъ четыре дня послѣ ихъ прибытія назначенъ имъ пріемъ. Гермейстеръ съ дворянами, и архіепископъ съ духовенствомъ, а съ ними и городскіе депутаты представились королю въ два часа по полудни. Произнесена была латинская рѣчь отъ лица всей Ливоніи. Король обнадеживалъ ихъ своею готовностію принять страну подъ свое покровительство и защищать ее всеми силами, и объявлялъ, что поручаетъ своимъ совѣтникамъ договориться съ ними. Послѣ этой вступительной аудіенціи ливонцы представлялись королевѣ и королевскимъ сестрамъ.

Потомъ началось составленіе договора. Тогда возникли недоразумѣнія. И было отъ чего. — Посламъ данъ былъ на собраніи въ Ригѣ наказъ отдать Ливонію въ ея цѣльности; а Радзивилъ, который заправлялъ всею дѣлою, предложилъ, напротивъ, со стороны Польши и Великаго княжества Литовскаго, принять только тѣ области, которыя отдавались добровольно, а не тѣ, которыя не хотѣли или не могли также поступить; ибо часть Ливоніи уже отдалась Швеціи, а другая Даніи; третья была завоевана москвитянами. Возможно было брать только то, что оставалось никѣмъ не взятымъ. Патріотизмъ ливонцевъ этимъ оскорблялся. Имъ хотѣлось сохранить въ цѣлости свою страну, и если приходилось жертвовать независимостію, то по крайней мѣрѣ эта жертва должна была окупи́ться единствомъ государственной связи. Рижскіе послы и здѣсь показали свое упорство. Они спорили съ панами, не довѣряли имъ, писали свои предложенія, нѣсколько разъ получали письменныя предложенія со стороны пановъ и никакъ не могли сойтись ни на чемъ. Ихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ ливонцевъ, смущало то, что Ливонія считалась прежде въ зависи-

¹⁾ Тогда поѣхали въ Вильно: Реймпертъ Гильесгеймъ докторъ правъ, Георгъ Франкель, Генрихъ Пляттеръ, Юганъ Медель, Фабианъ фонъ-дербургъ. Отъ города Риги посланы: Падоль, Генрихъ Виленброкъ бюргермейстеръ, Стефанъ Шоненбахъ медикъ, Мелгеръ Керпгофъ, Юганъ Томъ-Берге, Юстъ Льоманъ, Черентъ фонъ-Дорфмунде, старѣйшины (olderlude) отъ большой камеры: Урбанъ Россендаль, а отъ малой: Лаврентій Меле. (Monum. liv. IV. 126. Ziegenhorn. Beil. 50).

мости у императора; и они соглашались отдаваться Сигизмунду-Августу только съ тѣмъ, если онъ у императора испроситъ разрѣшеніе отъ присяги, которою предки ливонцевъ были связаны столько вѣковъ съ имперіей. Заходила рѣчь и о томъ, что будетъ съ Ливоніей, въ случаѣ если Польша, связанная тогда съ Литвою, разоидется съ нею, и рижане хотѣли выговорить для своего города такое условіе, что онъ въ такомъ случаѣ долженъ оставаться свободенъ отъ всякой обязанности соединенія какъ съ Литвою, такъ и съ Польшею. Паны, какъ природныя литвины рѣшали этотъ вопросъ, напротивъ, тѣмъ, что Ливонія должна тогда оставаться съ одною Литвою. Но когда тянулись эти споры, и рижане болѣе и болѣе находили предлоговъ къ толкамъ, вдругъ гермейстеръ, а за нимъ и дворяне согласились на все. Къ нимъ пристали послы городовъ Вольмара и Вендена. Они прекратили недоразумѣнія, объявивши, что отдаются не Польшѣ и не Литвѣ, а одному Сигизмунду-Августу и признають его господиномъ. Рижскіе депутаты остались одни,—и безъ нихъ былъ заключенъ договоръ подданства Ливоніи.

Но хотя страна отдавалась личности Сигизмунда-Августа, избѣгая какъ-будто прямого отношенія какъ къ Польшѣ, такъ и къ Литвѣ, однако на самомъ дѣлѣ нельзя было обойтись безъ согласія съ тою и другою, потому что Ливонія жертвовала своею независимостью ради защиты, а защищать ее не въ силахъ былъ Сигизмундъ-Августъ лично,—нужны были силы и Польши и Литвы. Договоръ, заключенный въ Вильно, могъ имѣть дѣйствительную силу только тогда, когда будетъ утвержденъ на сеймѣ обоихъ народовъ; поэтому постановлено, что въ случаѣ еслибъ Польша отказалась принять Ливонію и обязаться защищать ее, одна Литва, безъ Польши, приметъ ее. Чтобъ отдача Ливоніи и тѣмъ самымъ ея отдѣленіе отъ Римской имперіи не легли на совѣсти рыцарей, какъ измѣна, Сигизмундъ-Августъ бралъ на себя обязанность ходатайствовать за Ливонію передъ императоромъ и всеми имперскими чинами, и убѣдить ихъ отказаться отъ власти надъ землею бывшаго ордена. Король обѣщаль сохранить ненарушимо аугсбургское основаніе во всемъ его размѣрѣ, всѣ права, преимущества какъ личныя, такъ и по имѣніямъ духовныхъ и мірскихъ, всѣ законы, весь прежній порядокъ управленія, всѣ старыя обычаи, допускать къ занятію должностей въ

Ливоніи только природныхъ уроженцевъ—въ земствѣ изъ дворянъ, а въ городахъ изъ горожанъ,—но съ правомъ апелляціи къ королю или къ тому намѣстнику, который отъ него будетъ назначенъ. Гермейстеръ, изъявивъ согласіе снять съ себя духовное рыцарское званіе, получалъ княжескій титулъ на подобіе прусскаго князя, также точно оставившаго званіе гермейстера нѣмецкаго ордена. Ему отдавалась въ погоственное владѣніе Курляндія и Семигалія, т. е. вся часть Ливоніи на западъ отъ Двины. Эта страна должна быть въ ленной зависимости отъ польскаго короля и великаго князя литовскаго. Двина должна составлять ея границу, и подданнымъ новообразованнаго княжества предоставлялась свобода рыболовства въ этой рѣкѣ. Во вниманіе къ тому, что шестилѣтняя война сильно истощила силы края, земли, долженствовавшія войти въ это ленное владѣніе, освобождались на время отъ повинностей войны; представлялось князю и его дворянству давать то, что пожелаютъ сами, но на будущія времена эти земли подчинялись такому же положенію, въ какомъ находилось прусское княжество. Остальная Ливонія поступала въ непосредственное владѣніе польскаго короля и великаго князя Литовскаго, и гермейстеръ назначался временнымъ намѣстникомъ, а городъ Дюнамиде отдавался ему въ пожизненное владѣніе. Гермейстеръ отрекался отъ власти надъ Ригюю и обязывался передать уполномоченному королю все дипломы, документы и привилегіи для города, и король обязывалъ рижанъ признать свою власть и общалъ сохраненіе всехъ правъ, издревле данныхъ городу отъ нѣмецкихъ императоровъ. Гермейстеръ назначался отъ руки короля временнымъ намѣстникомъ города Риги; на будущее время начальники должны быть непременно изъ нѣмцевъ. Замокъ рижскій долженъ былъ оставаться въ рукахъ правительства, ибо отъ безопасности этого замка вмѣстѣ съ городомъ Ригюю зависѣла безопасность всей Ливоніи. Остальные города и замки передавались во власть польскаго короля съ подтвержденіемъ городскихъ правъ и обычаевъ. Вездѣ управленіе должно быть изъ природныхъ нѣмцевъ, но въ пограничныхъ замкахъ дозволялось держать польско-литовскіе гарнизоны и не изъ нѣмцевъ, до окончанія войны, но безъ нарушенія правъ жителей, предоставляя начальникамъ этихъ гарнизоновъ только то, что необходимо для защиты замковъ отъ непріятеля. Польскій

король и великій князь литовскій принималъ на себя выкупъ замковъ, заложенныхъ прусскому герцогу и вообще огражденіе бывшаго гермейстера отъ долговыхъ требованій Риги и Данцига такимъ способомъ, что король или заплатитъ долгъ, или обезпечитъ гермейстера отъ притязаній до того времени, пока тотъ не будетъ въ состояніи очиститься отъ долга. Городамъ: Вендену, Вольмару и Чернову король обѣщалъ облегчить ихъ долги выгодными для нихъ распоряженіями по предмету хлѣбнаго ввоза и вообще торговли. Новый потомственный князь получалъ право бить свою монету, вѣсомъ и достоинствомъ равную литовской, для того, чтобъ она могла ходить и въ Литвѣ какъ въ Ливоніи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ на одной ея сторонѣ находилось изображеніе герцога, а на другой короля. Евреямъ воспрещалось торговать въ Ливоніи. Взятые русскими и датчанами король обѣщалъ возвратитъ къ Ливоніи оружіемъ, и возвращенныя земли отдать во владѣніе литовскимъ дворянамъ, и отбитый у непріятеля край ливонскій долженъ будетъ пользоваться такими же правами какъ и та часть, которая теперь отдавалась въ подданство. Епископство курляндское, которое отдалось уже Магнусу, должно быть возвращено къ Курляндіи и отдано новому князю; а Магнусу предоставлялось во владѣніе: Леаль, Гапсаль и Сонненбургъ. Сообразно этому договору лавонское дворянство испросило себѣ привилегію: въ ней предоставлялась дворянамъ свобода аугсбургскаго исповѣданія, право строить въ своихъ имѣніяхъ женскія монастыри для пріюта вдовъ и безпомощныхъ дочерей убитыхъ на войнѣ, а также и мужскіе для пріюта стариковъ, право управляться своими законами и обычаями и между прочимъ сохранились обычаи наследства мужескаго пола. Дворяне выпросили, чтобъ, для избѣжанія неудобства повздокъ, ихъ не звали на аппелляцію въ Литву, а чтобы учрежденъ былъ въ Ригѣ верховный судъ изъ сенаторовъ, выбранныхъ вѣмъ ливонскимъ дворянствомъ и утвержденныхъ въ своей должности королемъ. За ихъ сословіемъ оставались прежнія права свободного варенія пива, право охоты (wildwerk) и право лѣсное (waldwerk), т. е. право рубить деревья во вѣсѣхъ лѣсахъ Ливоніи; за тѣмъ ему утверждалась власть и судъ надъ своими крестьянами. Дворяне особенно вѣрили тогда въ крѣпость документовъ и принимали вѣсѣ мѣры къ ихъ цѣлости; такъ было постановлено въ договорѣ,

что если у кого во время войны пропадет документъ, то король долженъ выдать новый, а до выдачи никто не смѣетъ безпокоить владѣльца. Съ обѣихъ сторонъ договоръ былъ утвержденъ присягою. Сигизмундъ Августъ присягалъ охранять права и обычаи новоприисоединяемаго края, и стараться о воссоединеніи части, захваченной другими, а ливонскіе послы отъ лица всѣхъ коммендаторовъ, дворянъ, вассаловъ и горожанъ присягали признавать польскаго короля и литовскаго великаго князя своимъ законнымъ и наследственнымъ государемъ и оставаться ему въ вѣрности, не заключать безъ позволенія своего государя и его наследниковъ никакихъ договоровъ съ чужестранными государствами и препятствовать всему, чтобы оказалось ко вреду государя и преемниковъ его.

Архіепископъ не послѣдовалъ за гермейстеромъ и дворянами и не сталъ присягать; онъ отговаривался тѣмъ, что такъ-какъ чины польскіе въ соединеніи съ Литвою, не изъявили еще желанію принять Ливонію, а край такимъ образомъ оставался присоединяемымъ только къ одной Литвѣ, то онъ на это рѣшиться не можетъ безъ согласія оставшихся въ Ливоніи дворянъ и горожанъ, ибо это обязательство прежде не предвидѣлось и посламъ ничего не было показано отъ страны по такому вопросу ¹⁾.

Послы города Риги также не хотѣли присягать, ссылаясь на то, что они не смѣютъ приступить къ такому важному дѣлу, и также какъ архіепископъ отговаривались тѣмъ непредвидѣннымъ прежде обстоятельствомъ, что польскіе паны не изъявили желанія о припятіи Ливоніи и о готовности своей защищать ее. Горожане откладывали это дѣло до будущаго польско-литовскаго сейма, а между тѣмъ хотѣли посовѣтоваться дома съ своимъ городомъ. Король приказалъ ихъ отпустить, взявши съ нихъ обѣщаніе, что они дадутъ рѣшительный отвѣтъ, когда пріѣдетъ въ Ригу королевскій намѣстникъ.

28-го января 1562 года прибылъ въ Ригу Радзивилъ, назначенный отъ короля намѣстникомъ въ Ливонію. 3-го марта Кетлеръ объявилъ, что онъ освобождаетъ Ригу и всю Ливонію отъ своей власти. 5-го марта гермейстеръ въ собраніи всѣхъ командировъ и многихъ рыцарей передалъ Радзивилу ключи отъ

¹⁾ Bogiel. V, 2.9.

замковъ рижскаго, дюпаминдскаго, керкгольмскаго и другихъ, ключи отъ воротъ города Риги и печать ордена. Послѣ того онъ снялъ съ себя рыцарскій крестъ и мантию. За нимъ тоже сдѣлали всѣ рыцари въ знакъ сложенія съ себя духовнаго званія. Рыцари заплакали. Какъ ни мало они дорожили этимъ званіемъ, какъ, напротивъ, ни тяготались они имъ, но чувство уваженія въ старинѣ зашевелилось у нихъ въ сердцахъ, въ эту рѣшительную минуту. Въ замѣтъ Радзивиль провозгласилъ Готгарда Кетлера наследственнымъ княземъ Курляндіи и Семигаліи и объявилъ, что жители этихъ провинцій должны присягнуть ему въ вѣрности. На другой день съ обычной церемоніей Радзивиль передалъ Кетлеру снова полученные имъ отъ него вчера ключи и наименовалъ правителемъ Ливоніи отъ руки польскаго короля и литовскаго великаго князя. Архіепископъ и принадлежавшіе къ его вѣдомству колебались до 11 го марта и наконецъ согласились. Тогда дана была архіепископству и дворянству привилегія ¹⁾. Радзивиль далъ увѣрительную грамоту отъ имени короля, что архіепископскому владѣнію подтверждаются всѣ прежнія права и преимущества, неприкосновенность духовныхъ монастырскихъ и мірскихъ имѣній, вольное избраніе капитулы, собственный судъ изъ двѣнадцати выборныхъ судей съ правомъ апелляціи на него въ верховный королевскій судъ или сенатъ, который будетъ учрежденъ въ Ливоніи. Дворянство, живущее въ архіепископскомъ владѣніи освобождалось лично отъ всѣхъ налоговъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ установлены своимъ сословіемъ для опредѣленныхъ имъ же цѣлей; оно имѣло право свободного выѣзда за границу и право свободной торговли произведеніями изъ своихъ имѣній.

Рига все еще сопротивлялась, и отговаривалась тѣмъ, что Польша не приняла вмѣстѣ съ Литвою Ливоніи и не обязалась защищать ее. Радзивиль доказывалъ, что это отнюдь не должно служить затрудненіемъ; Рига можетъ, равно какъ и дворянство, присягать не Польшѣ и Ляत्वѣ, а королю и великому князю Сигизмунду Августу. «До будущаго сейма, говорили рижане, мы не можемъ согласиться на это; тогда узнаемъ: возмется ли Польша съ Литвою защищать насъ и утвердитъ-ли всѣ наши права и привиле-

¹⁾ Dogiel. V, 251 Richter. II, 362.

гн». Такъ споръ тянулся цѣлые двадцать четыре дня. Но Ригѣ одной нельзя было устоять противъ общаго согласія, нельзя было ей оставаться въ независимости и отдѣлить свою судьбу отъ остальной Ливоніи. При посредствѣ Кетлера, Рига наконецъ согласилась: рижане произнесли требуемую присягу, но съ условіемъ, что если настоящій король не оставитъ по себѣ прямого наследника, и Литва съ Польшей не согласится въ выборѣ другого короля, то Рига имѣетъ право признать другаго государя. Сверхъ того, рижане оговорились, что подданство ихъ и въ настоящее время дѣйствительно только тогда, когда сеймъ, долженствующій собраться въ Пиотрковѣ, утвердитъ ихъ права и согласится на условія договора, заключеннаго Ливонію и королевемъ. Только съ этимъ условіемъ отдавалась Рига ¹⁾. Радзивилъ далъ городу поручительство (cautio), подтверждающее всѣ древніе обычаи и свободу городского управления ²⁾.

Такъ совершилось паденіе ливонскаго ордена. Не захотѣлъ поддаться Сигизмунду-Августу одинъ коадьюторъ рижскаго архіепископа Христофъ. Онъ уѣхалъ къ императору жаловаться на Кетлера и на ливонцевъ, называлъ отдачу Ливоніи Сигизмунду-Августу дѣломъ незаконнымъ и просилъ помощи. Не получивъ ее, онъ обратился къ шведскому королю Эрику. Онъ думалъ: авось не удастся ли ему тѣмъ или инымъ способомъ пріобрѣсть кусокъ Ливоніи. Но этого не удалось ему никакъ и нигдѣ ³⁾.

Въ племенномъ вопросѣ ливонская исторія кончена тѣмъ, чѣмъ начата: славяне завладѣли туземцами; нѣмцы отняли ихъ у славянъ; теперь опять нѣмцы сами отдавали край славянамъ. Одни коренные хозяева страны и теперь, какъ и прежде, были безгласны и должны были покорно нести ту судьбу, которую положить имъ на шею другіе.

Н. Костомаровъ.

(Изъ журнала Библ. для Чтенія.)

¹⁾ Monum. Liv. IV, 128. Richter II, 262.

²⁾ Dog. V, 255—256.

³⁾ Kelch. 260.